

КАННЫ ДЛЯ ВАННЫ

Романчик

У меня была мечта. И никакая сила на свете не заставила бы оторвать зад от мягкого кресла и начать путь к ее осуществлению. Я же русский человек, это на западе Штольцы по земле разгуливают, а у нас работать никто не любит, у нас — беспросветная обломовщина. И потом, мечта — она на то и мечта, чтобы, как звезда с небес, на лапу тебе свалиться с криками: «Вот она я, счастье твое ненаглядное».

Сами понимаете, что я только на чудо и рассчитывал. У нас и сказки такие: лежи себе тридцать три года на печи, а потом раз, и ты богатырь, да такой, что человек-паук или бэтмэн с тобой и рядом не валялись; или сходи один раз за водой, и все — можешь потом с печки не слезать, будет она тебя развозить, куда скажешь, почище любого такси, и никакие навигаторы ей не нужны; или стрелой попади куда-нибудь лягушке, а она тебе и ковер соткет, и ужин приготовит, и даже в красавицу неписаную превратится, прелестней Джולי да Пенелопы Круз, а ты, опять же, лежи себе да только команды раздавай. И так во всем.

С другой стороны, любой труд не остается незамеченным. Будешь пахать с утра до ночи, что-нибудь да получишь. А если совсем поднажать, то в нагрузку к грыже можно и мечту получить. Такую на блюдечке с голубой каемочкой, как у Ильфа с Петровым. Здорово, да? Только это не мечта уже будет, а цель. Все, чего ты можешь добиться самостоятельно, это цель. А мечта куда значительнее и недоступнее. Мечта — это вообще самое важное, что есть в нашей жизни. Потому как цели у нас похожи, а мечты — разные. И вместе с характером они и определяют нашу индивидуальность.

Вот я умный! Прямо второй на планете, сразу после Эйнштейна. Сам удивляюсь, откуда что берется. Главное, прочел всего книг десять, не больше. Просто чтение — это скука смертная. Все слова, слова, сплошные описания — даже зевать хочется, как вспомню. Вот кино — это дело иное. С хорошим кинчем мало что сравнится.

А мечта моя как раз с кино связана. Есть у меня на полке место свободное. И я вдруг захотел, чтобы место это было занято чем-то особенным. Не какой-нибудь задрипанной безделушкой или коллекцией фарфоровых обезьянок, а чем-то таким, что не стыдно выставить напоказ. Например, «Пальмовой ветвью». Такие в Каннах выдают на кинофестивале. Просто подумал: «А неплохо, пожалуй, пальмовая ветвь будет смотреться на этой свободной полке», и пожалуйста, у меня появилась мечта.

Потом я еще подумал: «А „Оскар“ будет хорошо смотреться на этой полке?» И сам же себе ответил: «Нет, „Оскар“ не будет смотреться так же хорошо, как будет смотреться „Пальмовая ветвь“ на этой свободной полке». «Оскар» больше похож на

Александр Викторович Тюжин родился в 1985 году в Оренбурге. Окончил Оренбургское областное училище культуры в 2006 году и ВГИК в 2011 году — мастерская А. Э. Бородинского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Современная драматургия», альманахе «Первоуведомление». Входит в лонг-листы конкурсов «Астафьевский», «Свободный театр», «Евразия», участник литературного форума в Липках 2011 года.

безделушку, так себе дизайнерчик, если честно. И потом, банально до невозможно-го мечтать об «Оскаре», любой массовщик так и видит себя на церемонии вручения с золотой статуэткой в обнимку. И я снова поглядел на полку и в третий раз отметил, что «Пальмовая ветвь» будет смотреться на этой свободной полке великолепно.

А вот теперь объясню, почему это не казалось мне целью. Кино я любил, можно даже сказать, обожал. Но к его производству я не имел ни малейшего отношения. Чтобы получить кинопремию, нужно снять фильм, а я ничего, кроме грязных носков и денег с карточки никогда не снимал. Так что можно было спокойно ложиться на диван и ждать, что по воле случая рано или поздно прекрасная «Пальмовая ветвь» появится на моей столь же прекрасной свободной полке.

Не нравилось мне это. И тогда я взял телефон и позвонил Новикову. Новиков — это мой друг, если вдруг вы не поняли.

Саня, как всегда, долго не брал трубку. Видимо, спал или делал вид, что спит, чтобы родичи его не припрягли чистить картошку. У них какой-то фетиш — чистить картошку. Соберутся все вчетвером, и давай начищать, кто быстрее. Вроде не белорусы, а картошку любят. Наконец длинные гудки сменил заспанный голос Новикова.

— Алло.

— Ну ты, притворщик-самоучка, хорош подушку мять.

Он почему-то обиделся.

— Да я с ночной.

Новиков работал охранником в супермаркете. Тот, кто нанял Саню на работу, либо ущербный, либо у него шикарное чувство юмора. Из Новикова охранник как из меня Том Круз. Наверное, Павел Воля в три раза толще моего товарища. Но Саня решил качаться, купил себе штангу и гантели. Только наличие штанги никоим образом не значит, что он о ней вспоминает, берет и качается. Она пылится под его кроватью вместе со многими вещами, которыми Саня когда-либо решал заниматься.

Когда мне бывает грустно, я хожу в супермаркет, смотрю, как он старательно выполняет свои обязанности; как ходит по пятам за покупателями, делает суровое выражение лица, выглядывает из-за углов с целью словить подозрительного посетителя, который три раза обошел полку с консервированным горошком, но так ничего и не взял; и у меня сразу поднимается настроение. Однажды Новиков поймал-таки одну несчастную старушку, которая пыталась утащить коробку нарезного сыра, и потом с гордостью всем рассказывал. Есть чем гордиться, если учесть, что ежемесячно из их магазина выносят товара на тридцать пять штук. Я сам лично стащил банку тушенки. Но Сане об этом лучше не знать, поскольку это был эксперимент, и как раз в его дежурство.

Словом, товарищ обиделся на меня и сердито дышал в трубку.

— Ну, что там у тебя? — буркнул он.

— Что ты думаешь о календаре майя?

— Фигня все это. Никакого конца света не будет!

— Ну, вот и ты тоже.

— Что я тоже? — не понял Новиков.

— Тебе хорошо, у тебя день рождения в июле. А у меня 21 декабря!

— Да хоть третьего октября! При чем тут день рождения?

— Да при том, что будь у тебя дняха 21 декабря, ты бы тоже сейчас напрягся.

— Хм, — только и ответил он.

— Понял, да? — не унимался я. — Я прямо чувствую, как вселенная хочет мне сподлнить. Рассчитываешь на вечеринку? А фиг тебе, вот тебе потоп, или землетрясение, или пожар, или метеорит, или еще что. Веселись на здоровье!

— Да ладно тебе грузиться.

— Помнишь про мою полку?

— Опять про «Оскар», что ли?

— Про Канны. Дело не в этом. Я вдруг понял, что если миру каюк, то нельзя вот просто так сидеть и говорить: «Да, миру конец» — или так же спокойно отвечать: «Да нет, какой конец? Никакого конца нет». Нужно что-то делать!

— И что ты хочешь делать?

— Я сниму фильм. Фильм про это все. Про людей, которые живут и гадают, последний это их год или нет.

— А если последний, то на фиг им твой фильм? Кто его смотреть будет?

— Как кто? Я отправлю его в Канны. Мне дадут премию. Пусть я подохну, но лучше если это произойдет с «Пальмовой ветвью» на моей полке, чем с мыслью: «На этой полке могла стоять „Пальмовая ветвь“ и смотрелась бы великолепно».

— Ты придурок.

— А я хотел взять тебя в помрежи.

— Хм.

Видимо, должность помрежа его привлекла.

— Ладно, давай до вечера отложим. Меня вырубают. Как проснусь, я звякну.

— Слабак! — сказал я и повесил трубку.

Интернет — это, конечно, болото. И я не особо люблю в нем лазить, потому что там тоже нужно до фиги читать, но, с другой стороны, без него хрен обойдешься. Особенно если ты такой неудачник, как я. Все фрилансеры неудачники. А я, к великому моему сожалению, фрилансер. Это вообще жуть. Угрозило меня родиться в России и стать фрилансером. Как еще можно назвать людей, которые получают по пять рублей за отзыв, по тридцать-сорок за статью и столько же за полчаса тыкания на кнопки, отвечая на тупейшие вопросы: «Пьете ли вы квас зимой? Готовы ли вы покупать сигареты по такой цене, или вы считаете ее заниженной? На какой иномарке вы ездите?». Если бы я ездил на иномарке, с какого перепуга я стал бы просиживать часами перед монитором за ваши жалкие сорок рублей? Что-то я с трудом представляю Романа Абрамовича, участвующего в вашем соц-опросе. К счастью, у меня немного иной профиль работы. Я вроде как дизайнер. Вроде как, потому что ни черта этому не учился. Просто с детства неплохо рисую, вот и подрабатываю: кому иллюстрации замучу, кому логотип накорябаю, кому дизайн обложки зафигачу. На Гоа, конечно, с моими гонорарами не слетаешь, но в целом крутиться можно. Если перевести на язык соцопроса, отношусь к категории: денег хватает на еду и мелкие расходы, но я не могу позволить себе покупку новой бытовой техники. Но так мало кто пишет. Потому что в следующий раз тебе вообще ничего не пришлют, а это значит, все, конец, ты же не сможешь прожить без их спасительных сорока рублей за пятнадцать-двадцать минут твоего драгоценного времени.

Мне нужно было придумать логотип для какой-то строительной фирмы, но я, как всегда, не торопился браться за карандаш. Это самое величайшее преимущество работы на дому. Будь я в офисе, с меня бы три шкуры драли. А тут никто не видит. Беру заказ со сроком в три дня, за полчаса его выполняю, а потом делаю, что хочу, затем прошу пару дополнительных часов, мол, невероятно сложно, я голову себе сломал и что-то в этом духе. И верят. Станиславский бы не поверил. А тут как миленькие. А в офисе не прокатит. Теперь сами видите, что Интернет хоть и вселенское зло, но и пользу немалую приносит. Я уж не говорю о видео, которого там просто завалиться. Вот я и залез в поисковик, набрал там «2012 конец света» и стал изучать этот вопрос более досконально.

Через час у меня опухла голова. Многие, такие, как Новиков, утверждали, что можно расслабиться и жить в свое удовольствие, потому как все предсказания, календари и прочее — чушь несусветная. Если и будет глобальная катастрофа, то явно не в ближайшие пару тысяч лет, а это значит, что, во-первых, нас к тому времени не будет, а во-вторых, наши потомки будут уже всю гонять по галактике, как в «Звездных войнах» или «Пятом элементе». Это, можно сказать, неисправимые оптимисты. Люди же более склонные к меланхолии и ученые-реалисты не отрицают того, что в любой момент может произойти сдвиг земной коры или растают все снега Арктики, и тогда миру придется ой как несладко. Надеюсь, вы понимаете, что выражение «ой как несладко» является самым мягким, из того, что на самом деле нас ожидает. К тому же эти самые ученые говорят о том, что уже сейчас все чаще и чаще случаются наводнения, землетрясения, извержения, это все неспроста, и только откровенный полудурок может это отрицать.

Вот же угораздило родиться в России, стать фрилансером и жить в возможно последнюю эпоху планеты Земля. Я твердо решил, что фильму быть.

И тут снова зазвонил телефон.

— У аппарата!

— У батареи. — ответил Новиков.

— Выспался?

— Типа того...

Значит, не очень, но и по фигу, скоро все будем спать долго, очень долго, возможно, даже вечно.

— Что там с помрежем?

— Ага, все-таки поверил в апокалипсис? — обрадовался я.

— Ни фига. Просто слово прикольное.

— Что в нем прикольного?

— Не знаю. Просто прикольное.

— Угу. Похоже на помрешь!

— Иди ты! — Разозлился товарищ. — Юмор у тебя какой-то черный.

— Ладно. Слушай, вот что я решил. С завтрашнего дня снимаем фильм. Это будет настоящая бомба, нереальный хит, Ларсу Фон Триеру и не снилось с его «Меланхолией».

— Отличный план, — одобрил Новиков, — когда это ты успел написать сценарий?

— Сценарий? Какой сценарий?

— Фильма, debil.

— Фильма «Дебил»? Я не знаю такого фильма.

— О, Боже...

— Не понял, а зачем мне сценарий? — спросил я чуть погодя.

— А кино ты как собираешься снимать?

— На камеру.

— А-а-а.

— А сценарий на фиг не нужен. Кто сейчас снимает по сценариям?

— Вообще-то все, — возразил Саня.

— Вот у них фуфло всякое и выходит, а мы не все. Мы снимем настоящий фильм.

— Амбициозно!

— Ты давай не подкалывай, лучше скажи, ты в деле или нет?

— Конечно, я в деле! Всегда хотел кино заниматься.

Какие все киноманы, оказывается, куда ни плюнь, всюду кинорежиссеры ходят! Конечно, камеру держать — не мешки ворочать, можно и помечтать о кинокарьере. Вот сниму свой шедевр и никогда больше не буду делать кино. Надо быть бруталь-

ным, как Рой Андерссон, с его темпами он так и не представит миру свой пятый фильм, а жаль.

Но что-то я отвлекся. Речь же не о моей брутальности, а о грядущем конце чего-то.

Поболтав еще немного с Новиковым, мы договорились встретиться завтра и пойти за камерой к Сергею Заикину — нашему общему товарищу.

Разговор был закончен, я сделал первый шаг к фильму, и нужно было садиться выполнять заказ, а мне жутко не хотелось. Еще бы, все мысли были о предстоящем дне, я уже видел себя в нелепом наряде «а-ля» режиссер, бегающим по улице с горящими глазами и донимающим несчастных прохожих своими нелепыми вопросами: «Что ждать от конца света?», «В чем смысл жизни?» и «Будет ли вам в небытии не хватать бренности бытия?». В моем представлении все складывалось замечательно, и я постоянно кричал: «Гениально!», «Отличный кадр», «Еще один дубль», «Снято». Красота! А тут какой-то жалкий логотип для никому не известной строительной фирмы. Суровая правда жизни.

Промучившись полтора часа, я родил что-то нелепое, нагло напоминающее советский серп и молот, только в современной обработке. Шуроповерт и рулетка. Мне не очень нравилось то, что получилось, но я давно заметил: чем больше ты доволен своей работой, тем сильнее ее критикуют и заставляют переделывать, и, наоборот, чем большее чувство стыда охватывает тебя за твой труд, тем меньше проблем возникает с его одобрением у заказчика. Будь на одном уровне с работодателем, не выпендривайся, и будет тебе счастье. А для себя делай как угодно. Вот еще одна умная мысль, рожденная моим не самым огромным на свете умом. Неплохо, да?

На этот раз я тоже не стал грузиться. Ну, фигня и фигня, лишь бы заплатили.

Отправив логотип на почту заказчика, я вернулся к просмотру видео и передач о грядущем апокалипсисе. Ученые с умным видом рассказывали о том, что может ожидать нашу планету, использовали какие-то сложные термины, показывали непонятные графики и все как один твердили, что выжить не удастся никому. Нет, чтобы вы поняли, что это на самом деле означает, писать нужно исключительно так: НИКОМУ — и говорить отрывисто, многозначительно и по слогам: НИ-КО-МУ.

Священники же, наоборот, утверждали, что календари Майя и прочие пророчества — это чужь несусветная, верить нужно Библии, а в ней точной даты апокалипсиса и второго пришествия Христа нет и быть не может по одной простой причине: одному Богу известно, когда он придет и будет судить правых и неправых. Их понять можно, они люди подневольные, им спорить с Библией не положено. Уверен, что минимум парочка из них струхнула при мысли о 21 декабря, но признаваться им, разумеется, нельзя.

Скоро мне все это надоело. Я направился к холодильнику, вынул из него последнее пиво и отметил про себя, что оно было вообще последним, что лежало в моем старом несчастном холодильнике.

«Ерунда, — успокоил я себя, — художник должен быть голодным». А я теперь художник, на! И выпил залпом всю бутылку.

Затрезвонил телефон. Ну, кто там еще?

Звонил Новиков. Можно было бы и догадаться. Он теперь завелся больше меня.

— Чего тебе? — пробурчал я.

— Санчас, я тут подумал.

— Ну и что ты там надумал?

— А. Так, это, давай нашу студию «Сан Саныч» назовем.

— Какую студию?

— Такую. Ну, по типу «Коламбия пикчерз» или «Ворнер бразерс». А у нас будет «Сан Саныч пикчерз».

— Нет у нас никакой студии и не будет!

— Ну, — расстроился Новиков, — без студии неинтересно. Я старался, название придумывал.

— Вот и зря старался. И название фиговенькое.

— Ниче не фиговенькое. Ты Санчас, я — Санчас, вот тебе и Сан Саныч.

— Сан Саныч, вали спать!

— А студия?

— Завтра все обсудим, — сказал я и повесил трубку.

Ну Новиков, ну тип! Еще днем дрых себе спокойно и ни о чем не мечтал, а теперь уже придумывает название для нашей студии и рвется снимать чуть ли не активнее меня. Того и гляди, он спихнет меня с должности режиссера и глазом не моргнет на вручении премии в Каннах. Будет заливать, что десять лет вынашивал идею своего фильма, что было невероятно трудно, но он со всем справился, поблагодарит маму и папу за то, что создали его и не утратили в него веру, и уйдет с «Пальмовой ветвью» под бурные аплодисменты зрителей и кинокритиков. А ведь это была моя мечта.

Повезло тебе, Сашенька! Родился в России, живешь с пустым холодильником, да еще и друг норовит лишить тебя мечты. Вот и верь после этого людям. Нужно что-то делать с активностью товарища.

С такой не особо радостной мыслью я лег и тут же заснул.

Утром мы встретились с Новиковым. Хотя утро — понятие относительное. Для нормальных людей уже давно началась вторая половина дня, а для нас с Новиковым шел лишь второй час от пробуждения. Саня был сильно взволнован.

— Здорово! — Он прямо трясся от нетерпения.

— Здоров, — холодно поприветствовал его я.

— Я подумал...

— Опять подумал? — удивился я.

— Не язви. В общем, я решил, что «Сан Саныч» действительно отстойное название.

— Первая разумная мысль за двадцать с лишним лет! — восхитился я.

— Иди ты! Короче, тебе же нравятся фильмы про зомбаков?

— Ну не то чтобы прям до жути, но нравятся.

— Мне тоже. Вот и давай назовемся «Зомби пикчерз».

Я хотел сказать товарищу, что он кретин, но это не избавило бы от его приставучести, поэтому я посмотрел в его глаза и кивнул в знак согласия.

— Давай.

Новиков был очень рад.

И вот мы пришли к Заикину.

Сергеа, как и большинство моих товарищей, не был мажором, хипстером или гламурным подонком. Обычный пацан с района.

Учился в технаре на технолога. Ну, как учился — прогуливал все, что только можно, и нет ничего удивительного в том, что уже весной его загребли в армейку. Серега не возражал, у него и мысли не возникло косить или ныкаться. Через три месяца он прислал фотку из учебки. На снимке он стоял среди своих боевых товарищей и казался вполне себе довольным человеком. Но вот потом произошло что-то, о чем Серега никогда не рассказывал. Это что-то изменило его. После дембеля он потерял интерес ко всему, что есть на нашей не фигово такой большой планете.

Сергеа пытался устроиться на работу, пытался замутить с девчонкой, но все это ему быстро надоело. Мамаша у товарища дикая. Она не собиралась мириться с его депрессухой и выперла товарища из дома. Серега даже не расстроился, настолько ему было по фигу.

Друзья для того и нужны, чтобы можно было у них перекантоваться. Вот Серега и торчал у Антохи Дашевского. Того тоже одолевали депрессии. И вот однажды они смотрели футбол (играли «мясо» и «кони») и поспорили на сотыгу. Антоха поставил на «коней», а Серега на «мясо» и выиграл. И тут ему пришла в голову идея: сыграть на тотализаторе, так сказать, попробовать свои силы. Он и попробовал и снова выиграл.

Так и понеслось у человека. Он занял у Антохи косарь, еще косарь у Новикова, два у меня и треху у мамыши. После того, как Серега свалил, матрена стала мягче и без напрягов тусанула ему бабло. Это я тоже заметил: стоит тебе откуда-нибудь свалить и пропасть на какое-то время, тебя все резко начинают любить и даже прощают косяки, какими мощными они бы ни были.

В общем, Серега собрал эти семь косарей и понес в букмекерскую контору. Мне было бы очково, но Серега не я, он рискнул и не проиграл. С семи косарей он поднял еще четыре. Новичкам, типа, везет. А ему фартило по полной. Вскоре он уже съехал на съемную хату и греб в месяц, как менеджер среднего звена, при том, что ни черта не работал и имел столько свободного времени, сколько тем же самым менеджерам и не снилось.

Я откровенно завидовал товарищу. О такой жизни можно только мечтать. Но после того, как я продул несколько, как казалось, стопроцентных ставок, понял, что такой вид заработка далеко не для всех. Типа то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Кто-то умный сказал, а я повторяю.

Серега же вернул себе интерес к жизни и покупал, как ненормальный, телефоны, ноутбуки, айподы, игровые приставки и прочие продукты технического прогресса. Среди них была и камера, которую мы с Новиковым собирались одолжить.

Но все не так просто. Жизнь — она полосатая, знаете ли. Как тюремная роба или как матрас. Однажды везение улетучилось, и Серега начал продувать ставку за ставкой. Облом за обломом. Как будто прокляли его. Он не мог понять, что происходит, и с отчаянием делал все новые и новые ставки. Но каждый раз итог был одинаковым. Проигрыш. И еще один, и еще, и еще, и еще много неудач. Ему бы затаиться, переждать полосу невезения, а он, бедолага, не мог остановиться. Азарт, как наркотик, даже хуже. Когда выигрываешь, кажется, что это будет длиться вечно. Вот и Серега, разбалованный удачей, просто-напросто потерял над собой контроль. Дошло до того, что он распродал все свои гаджеты по самой нелепой цене, которую только можно представить, и все равно не смог притянуть удачу на свою сторону.

К счастью, он попал в больницу. К счастью, потому что, во-первых, он не успел влезть в долги и откровенно встрять, а во-вторых, его увезли с аппендицитом, а это, считай, что на курорт попал, лежи себе да отдыхай, это не инфаркт и не язва. А от нервов могло что и покруче образоваться.

И так Серега лежал да размышлял: продавать ли ему камеру — последнюю дорогую вещь, оставшуюся в его владении. Он никогда ничего не снимал на нее, но почему-то камера была ему дорога. Может, из-за цены, может, потому что отлично смотрелась в его руке, может, еще почему — это истории неизвестно. Главное, что Серега решил не продавать камеру, а десять дней, которые он провел в больнице, пошли ему на пользу. Черная полоса отступила, и ему снова стало везти, правда, иногда, вернее, не всякий раз.

Мы стояли перед дверью. Я нажал на кнопку звонка. Раздалась раздражительная трель. Не знаю, как вас, а меня эти дверные звонки жуть как бесят. Главное, звучат одинаково. У всех, кому ни позвони.

Серега не открывал. Любит он подрыхнуть почище нашего.

— Вот хлыщ! — выругался Новиков. — К нему товарищи пришли, а он дрыхнет.

— Ага! — согласился я и снова нажал на звонок, скривился, даже заткнул уши, но дверь никто не открыл. — Может, на мобилу позвонить?

— Какая мобила? — воскликнул товарищ. — Это же Заикин, он уже сто лет без трубы ходит.

Я в третий раз приложился к звонку. Тот гремел своей отвратительной трелью, и от этого становилось еще неприятнее. Вдруг дверь приоткрылась, и мы увидели товарища. Он был в халате, с пеной на груди и ногах и с мокрыми волосами.

— Серега! — обрадовался Новиков. — Здорово! А мы думали, ты дрыхнешь.

— Моюсь я! — буркнул товарищ. — Неделю воды не было. Только залез, щас, ду-
маю, понежусь, откисать буду.

— Извини, — сказал я, — мы ж не знали.

— Че приперлись-то?

— Так, это, по делу.

— По делу... — проворчал Серега, — ладно, заваливайте!

Мы вошли.

— Прикольный халатик, — оценил Новиков, — где взял?

— Матрена подогнала.

Серега уселся в кресло. Пена шипела и лопалась на его волосатой груди.

— Надо тоже будет себе такой взять! — решил Новиков.

— Так че за дело?

— Серег, будь другом, одолжи камеру.

— Не могу, — покачал головой Серега.

— Да ты че, — возмутился Саня, — мы кино хотим снимать. Тебе че, жалко товарищам помочь?

— Мне не жалко, пацаны, я же вас уважаю, только не могу — она в ломбарде.

— Блин! — расстроился я.

Я и забыл, что с недавних пор Серега стал закладывать камеру в ломбарде. Схема, конечно, рискованная, но в целом прибыльная. А деньги всегда предполагают большую долю риска.

В общем, Серега сдает камеру, получает бабло, идет в контору и делает ставочки. Выигрыш идет на то, чтобы выкупить камеру, плюс остается немного бабла, на которые Серега живет: питается, платит за хату и тратит по мелочам. Если Серега проигрывает, то занимает у товарищей или мамыши, отыгрывается, выкупает камеру, рассчитывается с долгами, а потом снова закладывает камеру. Если же проигрывает, то снова идет к друзьям, занимает бабло и дальше по вышеописанной схеме. Правда, только однажды ему пришлось одалживать целых три раза подряд, обычно все обходится закладыванием камеры и последующим за этим выигрышем.

— «Барса», «Реал»! — пояснил Серега. — По-любому надо было ставить.

— На кого? — спросил Новиков.

— На «Барсу», конечно! «Реал» в этом сезоне никакущий.

И Саня с Серегой стали живо обсуждать испанский чемпионат. А я немного расстроился, я пытался понять, что вселенная хочет мне сказать. Ведь неспроста съемки фильма начались с трудностей. Но что это значит? Я должен на все забыть, и пусть мечта остается мечтой. Или наоборот? Несмотря на любые трудности, а их, надо думать, будет еще немало, я должен быть твердым, как скала, и не отступать от своего решения. Вот фиг его знает. С этим надо было разобраться.

— Ну, так что, — прервал мои размышления Новиков, — остаемся до вечера?

— До вечера?

— Ну да. Посмотрим матч с Серегой. Все равно раньше, чем завтра, камера нам не светит.

Только сейчас я заметил, что Заикин вернулся в ванну, и мы остались в комнате вдвоем с товарищем.

— Давай, — согласился я. Настроение у меня было паршивое.

— Тогда поперли.

— Куда?

— Ты че, в облаках витаешь, что ли? За пивом, конечно, мы же с Серегой только что обсудили это.

Мы затоварились пивчанским и стали ждать начала матча. Новиков рассказывал Сереге о нашем фильме.

— А как называется?

— Да пока никак. У нас даже сценария нет.

— А че так?

— Да Саня у нас, типа, прогрессивный режиссер, ему сценарии на фиг не нужны.

— Понятно.

— Может, хочешь к нам в команду?

— Кем?

— Ну, не знаю. Грумером, там, или художником. Сань, кто еще нам нужен?

— Никто, — огрызнулся я. — У нас даже камеры нет.

— Утром будет! — успокоил Заикин.

— Ну, короче, потом решим, — сказал Новиков. — Будем называться «Зомби пикчерз», как тебе?

— Прикольно! — оценил Серега. — Так, может, про зомбаков че-нить и снимем.

— Почему нет? — вдохновился Саня.

— Так, стоп! — сказал я.

Нет, ну это надо? Моя мечта, мой фильм, а они уже решают, что снимать будут.

— Режиссер — я. А значит, я главный и решаю, что мы будем снимать, когда и как. И нужен или не нужен нам сценарий, тоже я решаю. И кто будет главным персонажем, и кто грумером будет, и как студия наша будет называться, и кого мы будем снимать, а кого нет и еще...

— Да понятно, что все будешь ты решать, — перебил меня Серега. — Типа ты бугор.

— Нет, типа он тиран, — пояснил Саня.

Но обидеться я не успел. Поистине пиво творит чудеса. Через час мы были уже наклюкавшись и ржали, как жеребцы. Новиков рассказывал тупые анекдоты и показывал уморительные пантомимы. Не знал даже, что товарищ такой талантливый. Под впечатлением от показа я предложил ему покривляться на премьере нашего фильма. Саня тут же вдохновился.

— А че, прикольно! Я еще фрак напрокат возьму бирюзовый, как у Джима Керри в «Тупой и еще тупее». Или у него был оранжевый?

Никто из нас не помнил, какого цвета фрак носил Джим Керри, но мы не стали грузиться по этому поводу. Куда приятней было помечтать о премьере. Мы придумали, что выйдем на сцену под музыку из «Бумера», ну, ту, финальная которая; на экране будет идти видео с извержением вулкана; в зале темно, как в пещере; и вся съемочная группа будет кричать: «Димооооон!»; но вместо Димона выйдет Новиков и начнет свои пантомимы. Вот такая фиготень.

Вообще это вполне по-русски: не закончив дело, начать представлять, какой фурор это дело произведет. Или так: купить лотерейный билет и за неделю до розыгрыша с точностью до последней копейки распределить свой выигрыш. Ну, разве можно проиграть? Да никогда, билет же на руках. Вот и Заикин уже твердо знал, на что потратит выигрыш на тотализаторе. А мы распланировали презентацию фильма.

Нужно сказать, что матч складывался для Сереги вполне удачно. «Барса» забила первой. Заикин ликовал. Но и Саня не унывал. Он верил в «Реал», и тот не подвел. Мы орали, как угорелые, но каждый болел за свое. Я, например, за красивый футбол. И мои ожидания вполне оправдывались.

Первый тайм так и закончился ничьей. К счастью, перерыв пролетел так же быстро.

— Понеслась! — подытожил Заикин и присосался к бутылке.

Забегая вперед, скажу, что тайм оказался богатым на события. Уже на сорок восьмой минуте, прорвав насквозь оборону соперника, Роналду ворвался в штрафную и точным ударом в левую девятку вывел королевский клуб вперед. Но уже в следующей атаке Иньеста вывел Месси один на один с вратарем «Реала». На табло красовался счет 2:2, и игра пошла, как говорится, на встречных курсах. Пацаны нервничали, я, признаться, тоже.

В общем, Бог решил угодить любителям «Барселоны». Может, их просто больше, а может, он сам болеет за каталонцев. Финальный свисток судьи зафиксировал на камп-ноу боевую ничью.

— И че теперь делать? Ты много поставил-то? — До Сани неожиданно дошел весь трагизм ситуации.

— Не смертельно, — ответил Серега. — Завтра у меня еще две ставочки сыграют, и все будет в шоколаде.

— А с камерой че?

— Че? Послезавтра бабки получу, и выкупим.

— Послезавтра?

— Долго, что ли?

— Ну да. У нас как бы каждая минута на счету.

— Че, правда? — удивился Саня.

— Вообще-то да. Вотшибанет конец света, а мы ни черта не успеем, и моя полка, не дождавшись «Пальмовой ветви», будет зла на меня.

— Раз так, то дело серьезное, — согласился Серега. — Надо по этому поводу выпить, залить, так сказать, горечь поражения.

И каким-то чудесным образом в руках у товарища оказалась бутылка армянского коньяка. Мы не возражали, горечь действительно нужно было залить.

Когда на дне оставались последние капли, Серега вскочил на ноги.

— Пора! — загадочно произнес он.

— Куда? — Я был, мягко говоря, удивлен.

— За камерой.

Я взглянул на часы. Полвторого ночи.

— За камерой?

— Ну, вам же срочно надо?

— Срочно, — подтвердил я.

— Вот и пойдем.

Мы с Новиковым переглянулись и пожали плечами. А Серега уже был в подъезде. Как втемаяшит че в голову, фиг потом выбьешь.

— Я ничего не понимаю, — признался я, заходя в лифт.

— Да че тут понимать? Пойдем, вскроем ломбард и заберем камеру.

— Нормально, — оценил Новиков. — Только ж это, типа, незаконно. Кража со взломом. — Хоть и подшофе, но закон читит. Такой он, Саня.

— Че, дебил? — возмутился Заикин. — Какая кража? Камера же моя. Просто возьмем ее пораньше, а бабки я потом вкину.

— А так можно? — усомнился я.

— Мне можно, — заявил Серега.

И вот мы стояли напротив ломбарда. Ночь была темной и тихой. Самое то, чтобы идти на «дело».

— И как вскрывать будем? — поинтересовался я.

— Да тут замок ваще на соплях висит. Щас я его отверточкой, и все в шоколаде, — поведал нам Серега и вытащил из кармана здоровенную отвертку.

— Он ее. Че, всегда в кармане носит? — шепотом спросил меня Саня.

— Не знаю. Может, он фокусник. Амаяк Акопян, — так же шепотом ответил я.

— Давно хотел его вскрыть, — поделился товарищ. — Фиг ли он на замке экономит, жмотяра, вот и накажем его.

— Угу, — согласился я, — санитары леса.

— Вы, это, на шухер, что ли, встаньте! — вспомнил Серега.

— Нафига? Темно же, кто нас увидит? — В этом весь Саня.

— Вот ты и пойдешь! — заключил Серега и, дождавшись, когда Новиков уйдет, ковырнул замок отверткой. Тот дался без проблем.

— Всего и делов-то! — улыбнулся товарищ. — Говорил же — все будет в шоколаде.

Заикин открыл дверь, и в ту же секунду заревела сирена сигнализации.

— Вот ...! — выругался товарищ и рванул внутрь за камерой.

Я не пошел за ним. Я уже говорил, что ненавижу всевозможные звонки. Сирена же вообще меня из себя вывела. Я заткнул уши и стал гудеть, чтобы перебить эти завывания.

Не знаю, сколько прошло времени, мне казалось, что целая вечность, но Серега не появлялся. Зато прибежал Саня.

— А-а-а! — орал он. — Где Серега? Палево же.

Я не успел ему ответить. На улицу повалил народ. Кричали мужики, кричали тет-ки, кричали дети, кричал испуганный Саня, кричал я, ревели сигнализация и присоединившаяся к ней сирена полицейского пазика. Просто хор Турецкого какой-то.

— Рвем когти!

Я схватил Саню, и мы выдали с ним такой спринт, которому позавидовал бы любой профессиональный бегун. И, нужно сказать, учесали мы вовремя, потому что уже через секунду двери ломбарда окружили разъяренные местные аборигены.

— Держи вора, держи вора! — голосил чей-то насыщенный бас.

Просто удивительно, откуда у людей такая социальная сознательность? Они, может быть, единственные люди на планете, которым не по фигу, что по соседству ревет сигнализация. И надо же было нарваться именно на таких равнодушных людей.

— Пропал Серега, — прервал мои размышления Новиков. Он был не хило так расстроен.

— Угу, — согласился я и понял, что уже трезв как стеклышко. Произойди это десятью минутами ранее, и трагедии можно было бы избежать. Я бы четко понимал, что вся эта идея со вскрытием ломбарда не что иное, как пьяные бредни Заикина, и в два счета отговорил его. Но как бы это банально ни звучало: прошло-го не вернуть, мы имели то, что имели, а вернее, обстоятельства имели нас по полной.

* * *

Мы проснулись рано. Новиков ночевал у меня. Он смотрел перед собой и не решался нарушать тишину.

— Может, он все-таки спасся? — наконец произнес Саня.

— Каким образом?

— Ну, я не знаю. В окно, там, выпрыгнул или, может, люк какой-нибудь нашел.

— Какой?

— Ну, мало ли? Люк или подземный ход.

— Хорошо гнать, Саня. Будь реалистом. Если бы Серега свалил, он бы сто раз дал о себе знать. А раз нет вестей, значит, нет и Серёги.

— Как нет? — испугался товарищ. — Они его того, что ли?

— Угу. На кол посадили и уши отрезали. Тебе не пора на работу?

— Пора.

И Саня ушел в супермаркет, а я смотрел на пустую полку и размышлял. Мне хотелось понять, что не так мы сделали. Может, все-таки неправильная мечта? Но это тоже бред. Как мечта может быть неправильной? Это же не ответ на задачу. И мне казалось, что если я найду ответ на свою задачу, то все пойдет как по маслу. Но ответ не находился. Я же не каждый день берусь за дела такого рода. А тут полюбому опыт нужен.

Чтобы не грузить мозг разбором неудач, я сел выполнять заказы. Первый меня не впечатлил, а вот второй был что надо. Какой-то вполне себе успешный бизнесмен решил, что для мегакрутости ему не хватает семейного герба, и вот просил создать что-то до жути креативное, так, чтобы все его дружки-олигархи пооткрывали рты от зависти. Самое приятное, что за герб он обещал отбашлять пятнадцать косарей, а это, сами понимаете, бабки серьезные. Только я нарисовал щит, как зазвонил телефон.

— На проводе.

— Включи ящик! — прокричал Новиков, и в трубке запели короткие гудки.

Я включил. По первому каналу показывали какой-то дебильный сериал (они там все дебильные), по второму — суд, по третьему тоже суд и по четвертому суд, по пятому «Дом-2», по шестому — снова суд. Новиков прикалывался, что ли? Решил, гаденыш, что я любитель этих судов? И так мозг взрывался.

Но следующий канал оказался нужным. Понять это было несложно. С экрана телевизора на меня смотрел Серега. Выглядел он, мягко говоря, хреново. Картавый голос ведущей местного телевидения рассказывал:

— Задержанный отказался давать показания. Сразу после выписки из больницы он предстанет перед судом.

«Че за выписки из больницы? Че он там забыл?» — не мог въехать я. Но следующее интервью все разъяснило. Хозяин ломбарда рассказал, что за последние полгода это была уже третья попытка ограбить его ломбард. Если первые два застали его врасплох, то к третьему он уже подготовился и помимо сигнализации установил капкан, в который Серега, видимо, и угодил.

Вот почему он не выбежал обратно. А то, что он отказался давать показания, — это хорошо, значит, про нас с Новиковым никто не проведаст, если, конечно, Серегу не станут проверять на детекторе лжи. Не очень-то хотелось угодить за решетку. Тогда не то что Канны, конец света не светит встретить по-человечески.

Снова зазвонил телефон.

— Видел?

— Угу.

— Сказали, что ему вообще жестко досталось. Капкан, мол, сухожилия к чертям порвал.

— Жесть.

— Ну, ладно, мне работать пора. — И Саня бросил трубку.

Настроение стало хуже некуда. Я тоже решил вернуться к заказу, но мысли все были о Сереге. Получается, мы здорово его подставили. Он же из-за нас полез

в этот ломбард. Только мы на свободе и даже работаем как ни в чем не бывало, а ему грозит срок, и ногу раскучило к чертям собачьим. И главное — камеру так и не достали.

Вот! Угостило же родиться в России, решить снимать кино и подставить друга.

Телефон. Да сколько можно уже? Снова Новиков.

— Сань, по поводу камеры.

— Ну, что там еще?

— Я тут подумал...

— Похвально.

— Короче, давай напишем объявление.

— Какое?

— Ну, что мы хотим сделать суперфильм, нужен оператор со своей камерой.

— Ты думаешь, в нашем Мухосранске куча операторов, которые мечтают поделиться с нами своей драгоценной камерой?

— А че, нет? Есть же энтузиасты.

Энтузиасты! Слово-то какое вспомнил!

— Ну... Хочешь, напиши.

— Ништяк! Ща накаатаю и прям у нас на дверях повешу. Супермаркет не налоговая, тут куча народа трется.

Опять эта его инициативность.

— Угу, — закончил я разговор.

* * *

Прошло два дня.

На объявление никто не откликнулся. Напротив, его постоянно срывали. В любом подъезде найдется такая сварливая бабушка, которая ненавидит всех, а особенно людей, вешающих объявления. Вот и ходит и чуть увидит какое объявление — дерг, и будто и не было его. Но супермаркет не подъезд, тут бабушкам никто не даст командовать. Значит, это не они. Или, может, завелась одна такая магазинная старушка?

Новиков писал все новые объявления, не жалел клея, так, чтобы только со стеной оторвать можно было, но и это не спасало. Каждые два-три часа объявления исчезали. Он пытался проследить, но из Сани следопыт как из коня лифтер.

В общем, я решил на это забить и продолжал рисовать герб. Получалось неплохо. Фамилия заказчика Варанов, вот я и прорисовывал такого суперкрутого варана с разинутой пастью и гламурной короной на голове. Ему точно должно понравиться.

Сергея лежал в больнице. Мы пытались провести его. Но нас не пустили, сказали, что часы приема закончились, да и вообще к нему абы кого не пропустят.

Это тяготило меня, я даже хотел уже отказаться от идеи с кино и тихо и мирно дожидаться апокалипсиса. Но следующий день принес нам приятное известие.

К нам пришел Марк. Марк — это невысокий такой паренек, subtilный и бородатый. Он стоял перед нами и без конца поправлял капюшон толстовки, привычка у него такая, но мы еще не знали этого.

— Вы, что ли, камеру ищите? — спросил он.

— Да, мы! — обрадовался Новиков.

— Меня Марк зовут. — Он протянул руку. Поздоровались.

— У тебя есть камера? — недоверчиво спросил я.

— Нет.

— Так я и думал.

— Но можно достать.

И Марк хитро улыбнулся.

— Как?

— Позаимствовать.

— Мы заимствовать ничего не будем, — испугался Саня.

— Да нет. Там все чисто. Ну, почти.

И Марк рассказал нам свой хитрый план. Он работал в магазине техники неподалеку от Санинова супермаркета. Его начальство приказало провести конкурс историй, связанных со всевозможной техникой, мол, одна из компаний выделит призы, главным из которых как раз и будет камера. Выиграть конкурс — задача трудная: победителя будет выбирать сама компания, но победа и не входила в план Марка. Его задачей было якобы найти какие-то косяки в призовой камере и отправить ее на экспертизу, где знакомый Марка, работающий в этой самой экспертизе, сделает заключение о неисправности. И тогда компания вышлет новый приз, а этот, типа не подлежащий ремонту, заберет Марк, и мы сможем начать съемки.

Непросто, конечно, но что в нашей жизни просто? Тем более в такой стране, как Россия.

— А это точно сработает? — усомнился Саня.

— А у вас есть варианты?

И Марк был прав. Никаких вариантов.

— А тебе это на фиг?

— Ну, во-первых, я люблю кино, а во-вторых, камера останется мне и на халяву. — Халяву, как и любой русский, Марк любил.

— Ну, удачи! — пожелали мы Марку, и он ушел, на ходу поправляя капюшон.

— Что скажешь? — спросил я Новикова.

— А че, нормально. Можно начинать готовиться к съемкам.

Неужели? У меня внутри прям зашевелилось все. Единственное, что меня не хило так смущало, — это то, что снова нужно было преступать закон. Чтобы успокоить совесть, я решил тоже поучаствовать в конкурсе, может, я и так камеру выиграю и откажусь от приза. Было бы круто. Пацанам я не стал рассказывать, что написал историю, будет, если что, сюрприз.

На следующий день мы с Саней опять пошли в больницу. На этот раз нас пустили. Мы ехали в лифте. Саня держал авоську с апельсинами.

— А если он не любит апельсины? — сказал я.

— Ты че, Саня, двинулся? Это ж апельсины — их все любят.

— Я не люблю.

— Ну, значит, ты не все.

— Все любят водку, — резюмировал я.

— И апельсины, — не унимался Новиков.

Мы базарили эту фигню только потому, что не хотели озвучивать настоящие мысли. А они были связаны с Серегой. Мы чувствовали свою вину, и это нас, типа, тяготило. Да даже не типа.

Если перевести наши мысли в диалог, то выглядел бы он так:

— Как думаешь, Серега нас не пошлет?

— Нет, конечно. Мы же его товарищи.

— Но мы же его подставили.

— Че это мы подставили? Он сам предложил вскрыть ломбард.

— Саня, Саня...

— И потом, мы же навестить его идем. Ему нужна наша поддержка и апельсины.

Но Серега нас все-таки послал. Вернее, он сделал вид, что не знает, кто мы.

Мы вошли в палату. Товарищ лежал на кровати с огромным гипсом.

— Здорово, Серег! Как ты? — спросил Новиков.

Заикин молчал.

— Серега, — негромко сказал я.

Заикин молчал.

— Серега, это мы. Хорош молчать!

— Кто — мы?

— Ты че прикалываешься? — Новиков чуть не впал в ступор.

— Я хрен знает, кто вы, — продолжил Серега, — валите отсюда, мне покой нужен.

— А мы тебе апельсины принесли, — обиженно сказал Саня.

— Терпеть не могу апельсины! — ответил товарищ и стал громко кричать: — Сестра! Сестра!

— Валим отсюда!

Я цепанул Новикова, и мы выскочили из палаты. Офигевающий Саня крепко держал авоську с апельсинами.

— Может, ему вкололи че? Че он, ваще?

— Когда мы уходили, он мне подмигнул. Значит, все нормально с ним.

— А че он тогда?

— Просто не хочет нас палить.

— Нормально, — одобрил Саня. — Серега ваще ништяковый товарищ!

— Угу, — согласился я.

И совесть снова накрыла с ног до головы.

* * *

План Марка хоть и был хитрым, но мог вполне накрыться. Чтобы к нему не подкапались, он пару раз уронил камеру, но, видимо, не рассчитал, и та реально стала глючить. Не успели мы расстроиться по этому поводу, как Марк сообщил нам о новой неприятности. Камеру отправили на экспертизу, но попала она не к товарищу Марка, а к его тупому лысому напарнику, который был настоящим троллем. Как внешне, так и внутренне. Товарищ Марка пытался договориться с этим гоблином, но тот, когда узнал, че к чему, встал в позу и начал требовать бабосы. Молчание, типа, золото и все такое.

К счастью, закончилось все хорошо. Товарищ Марка вспомнил, что напарник ему чем-то обязан, тот поворчал и согласился. Чем он был обязан, я не в курсе, это их собственные терки. Главное не это.

Первый и чуть не самый трудный шаг к большому кино и Каннскому фестивалю был сделан. «Это просто какое-то сумасшествие», — пронеслось у меня в голове, когда в руки мне попала глючащая любительская камера «Sony».

— Вы же понимаете, что оператором буду я? — заявил Марк.

Мы, в общем-то, и не спорили.

— А у тебя опыт есть? — уточнил я на всякий случай.

— Конечно! — ответил наш оператор, поправляя капюшон.

— Ну, красота ваще! — улыбнулся Новиков и начал позировать.

Марк бегал вокруг него, снимал ноги, руки, лицо, даже живот Сани, потом повернулся ко мне, но я не чувствовал такой раскованности, как товарищ, поэтому тупо вышел из комнаты.

Когда вернулся обратно, Марк и Саня беседовали. Мы же теперь интеллектуалы, киношники — все интеллектуалы, потому и беседовали.

— Во сколько завтра встречаемся?

— Мне завтра на смену.

Марк снова поправил капюшон.

— Так, стоп! — вмешался я в диалог. — Я тут режиссер. Так что я решаю, где и когда мы встречаемся.

— Кажется, я это уже слышал, — вздохнул Саня.

— Ок, товарищ режиссер. Так когда мы завтра встречаемся?

— Да вы че, завтра? Мне работать надо будет, — заныл Новиков.

— Ну, хорошо. Встречаемся послезавтра, — сказал я. — В четыре.

— Ок. Товарищ режиссер, а кого снимать будем?

— Кого?

Я задумался. Действительно, кого? Наверное, зря отказался от сценария, сейчас такого вопроса бы не возникло. Но поздно уже братья за сценарий. Нужно импровизировать.

— Фиг знает кого.

— Это не дело, — возмутился Марк. — Так мы хрен чего добьемся.

— Хорош гнать на меня! Я прогрессивный режиссер!

— А может, это, кастинг устроим? — предложил Саня.

— Кастинг?

— Ну да, щас это модно же.

— Типа погонимся за модой?

— А почему нет?

— Товарищ режиссер, — поддержал Саню Марк, — это единственный выход.

— Фиг с вами. Напишешь? — обратился я к Новикову.

Тот кивнул.

В отличие от объявления с камерой на кастинг, откликнулась куча народа. Не знал, что у нас так много актеров. Прямо не мухосранск, а целое актерское агентство. Саня записывал без разбора и молодых, и старых, и даже одного в инвалидном кресле. Набралось шестьдесят три человека.

— Нормально! — рассказывал мне Новиков. — Офигенное кино забубеним, там и девахи путевые были. У нас же должна быть симпатная актриса по типу Скарлетт Йохансон.

Ну Саня, ну жук — Скарлетт Йохансон ему подавай.

— Мне больше Джессика Альба нравится.

— Так там и Джессика Альба найдется.

— Ладно. Завтра увидим.

— В общем, готовься, режиссер.

Легко сказать — готовься. Можно подумать, я каждый день провожу кастинги. Понятно, что там актеров просят что-нибудь показать. Но что просить мне, когда я сам плохо представляю, что мы будем снимать и как. Ну, это ладно, а как понять, кто действительно понтовый актер, а кто бездарность полная? Трудно этим режиссерам. Я чуть голову не сломал, потом залез в Интернет и смотрел видео. Инет — это просто спасение человечества. Офигенный респект тому чуваку, который до такого додумался.

Три-четыре видео, и я уже был почти королем этих кастингов. Самое главное, что я понял, что нужно скинуть всю организацию на Саню. Пусть он и парится, он же помреж, а на мне лежит ответственная функция — выбор подходящих нам актеров.

За полчаса до кастинга я давал Новикову поручения:

— Заводить будешь по одному. Даешь им задачу, а мы с Марком смотрим в объектив, кто как в кадре выглядит.

— Какую задачу? — не понял Саня. — В одну трубу вливается, а из второй выливается?

— Сань, ну ты че, кретин, что ли? Актерскую задачу.

— А-а-а. И че это за задача?

— Ну, пусть этюд какой-нибудь покажут.

— Этюд?

— Ну, пусть прогноз погоды зачитывают, типа как по телику.

— Ясно, — закивал Новиков и запел: — По телику идет прогноз погоды, диктор всех поздравил с Новым годом.

— Ну, тип того. И главное, всем говори: «Мы с вами свяжемся». А то какой кастинг без «мы с вами свяжемся»?

— Ну да, только разве это не режиссер говорит?

— Необязательно.

Мы сидели с Марком в креслах, мол, мы такие крутые. На самом деле в комнате просто больше не было мебели. Мы все вытащили, чтобы освободить пространство. Не знал даже, что моя комната настолько просторная, хоть сдавай свободный угол. Я повязал шарфик — решил соответствовать образу режиссера. Светило солнце. Пока еще светило. И это самое «пока» добавляло значимости нашему кастингу.

Марк поправил капюшон, и мы начали.

В комнату зашла девушка. Симпатичная. Рыженькая, с веснушками. Такие мне нравятся. Саня на нее уставился, как ботан на новую энциклопедию.

Рыженькая медленно намотала на палец длиннющие волосы и улыбнулась. Видимо, дома репетировала, и, видимо, неплохо репетировала, вышло чертовски сексуально. Я чуть не захлебнулся слюнями. Я посмотрел на Марка, он лыбился, как ненормальный, того и гляди, челюсть упадет, и вывалится километровый язык, как у волчары в американских мультиках.

— Меня зовут Снежана! — сказала рыженькая.

— Выйдите в коридор! — крикнул я.

Я хотел выгнать пацанов и остаться с рыженькой наедине, но они не поняли этого. Зато рыженькая приняла на свой счет.

— Чего? — скривилась она.

И это «чего?» и неожиданно пропавшая сексапильность меня отрезвили. Я вдруг понял, что в коридор должна выйти именно она.

— Нам надо посоветоваться! — сказал я и кивнул в сторону двери.

— Хм..

Рыженькая вышла в коридор, виляя задом, как «лада калина» со сломанными амортизаторами. Пацаны накинулись на меня.

— Ты че, с дуба рухнул? На фига ты ее в коридор отправил?

— Тихо, пацаны! Не орите! Я тут режиссер! Я команду!

— Она в кадре смотрится круче Эйфелевой башни!

— Вот именно! Она слишком крутая!

— Так это же круто! По-любому кучу зрителей наберем.

— Да как вы не понимаете? С ней только порнуху снимать! На нее смотришь, жить хочется и секса, а у нас серьезное кино про то, что всем кирдык скоро.

— Так вот пусть все и порадуется перед кирдыком!

— Угу, все порадуется, только фиг, нам кто «Пальмовую ветвь» с ней даст.

— А на фига нам эта «Пальмовая ветвь»? — спросил Марк.

— Так, все. Хорошо! — вскипел я. — Я режиссер, и я решаю! Она офигенная, но не для этого фильма! Ясно вам?

— Ясно... — проворчали оператор с кастинг-директором.

— Иди скажи ей, что мы перезвоним!

— Не пойду я! Сам иди и скажи, раз такой умный.

Я высунул голову в коридор.

— Снежана, спасибо! Мы вам перезвоним.

— Перезвоните? — завизжала рыженькая! — Вы что, совсем охренели? Вы меня посылаете?

— Почему посылаете? Ниче не посылаем, я же сказал, мы вам перезвоним. У нас еще шестьдесят человек.

— Перезвоните вы. Знаю я ваше «мы вам перезвоним», ни фига вы не перезвоните, я, как дура, репетировала, волосы красила, прическу три часа делала, а они мне перезвонят, уроды!

И куда пропал секс? Обычная шмара, только симпатичная. Она ушла, треснув дверью так, что чуть штукатурка не посыпалась. Я вернулся в комнату. Пациенты готовы были порвать меня на британский флаг. Да уж, нелегко быть режиссером: рыженькая меня чуть не загрызла, Новиков с Марком не хотят разговаривать, и это только лишь второй человек. Хоть отказывайся от кастинга и от фильма. Но фиг вам. Русские не сдаются.

Я решил быстрее закончить с этим делом, поэтому на ближайшие два часа моим любимым словом стало «следующий». Да это и не удивительно. Кто только к нам не записался. Вот только актеров среди них не было. Вахтеры, продавцы-консультанты, промоутеры, сисадмины, один юрист. У большинства из них нереальнейшие проблемы с дикцией: картавость, шепелявость, проглатывание букв, заикание — такое ощущение, что я смотрю местное телевидение, один в один вообще. Про внешность лучше не говорить.

Самое удивительное, что с каждым новым «следующий» я все больше вживался в роль режиссера. И чем сильнее меня захватывало режиссерство, тем тверже я утверждался в том, что кастинг пора заканчивать. Проблема в том, что мне нужны живые эмоции, а эти все деревянные, они че-то пыжатыся, играют на камеру, выглядят это отвратительно.

Зашел очередной кастингующийся. В костюме, в шляпе, на рукавах заплатки. Худой, как скелет, лет сорока. Такой типок. Он стал перешагивать через порог, зацепился ногой, начал падать. Саня бросился на помощь, но типок устоял на ногах.

— Здравствуйте, — сказал я.

Тип с вытянутой рукой зашагал ко мне. Нехотя я пожал его руку, он повернулся к Марку и со всего размаха саданул по камере. Марк не смог ее удержать. Камера полетела на пол.

Типок побледнел.

— Извините, — пролепетал он, нагнулся и поднял камеру.

Марк вырвал камеру и стал осматривать. Еще снимать не начали, а ей досталось по самые помидоры. Это было последней каплей. Больше терпеть я не мог.

— Вы нас не устраиваете!

— Что, простите? Я не понял. — Типок испугался еще сильнее.

— Что тут непонятного?! — взревел я. — Вон!

— Извините! — поклонился он и, ударившись о косяк, выбежал из комнаты.

Я выскочил вслед за ним. В подъезде на стульях сидели «актеры». Человек десять.

— Спасибо, что пришли, кастинг окончен.

— Как окончен? — заверещала старушка в малиновом берете. — Меня что, смотреть не будут? Я третий час тут торчу. К терапевту не пошла, сижу жду, все тело ломит, спать не могу на правом боку, только на левый ложусь...

— Вот терапевту и расскажите! — перебил я ее. — Извините, но актеры найдены. Так что не тратьте ни свое, ни наше время!

— Саня, — крикнул я в комнату, — помоги собрать стулья.

Саня пришел, глянул на меня, как на фрица, схватил два стула и потащил в комнату.

— Че там с камерой? — крикнул я ему вдогонку.

Марк колдовал над камерой.

— Да вроде пашет. Но коряга какой-то, а не мужик. Надо было леща ему дать. Пашет, все нормально. Руки бы ему оторвал. И кого ты выбрал? — спросил Марк.

— Никого. Они все фрики какие-то. Только Снежана норм.

Пацаны оживились. Думали, я изменю решение. Ага, шас.

— Но Снежана слишком хороша для нашего шедевра.

— Тиран, — возмутился Марк.

Втроем мы отправились за последней партией стульев. Вдруг открылись двери лифта, и в подъезд выкатился старикан в инвалидной коляске и уставился на нас.

— Здрасьте, — улыбнулся Новиков.

— Кастинг здесь проходит?

Саня открыл было рот, но я толкнул его локтем в бок.

— Нет.

— Как не здесь?

Я развел руками. Ничего, мол, не поделаешь, не здесь, и точка.

— Этажом ошибся, что ли?

— Не знаю.

— А стулья вам зачем?

— А это мы уборку делаем, мешали они нам, — помог мне Марк.

— Ага, — поддакнул я. — А теперь заносим. Пойдемте, пацаны!

И я подтолкнул Саню к двери, мы быстро вошли в квартиру, не дав инвалиду опомниться.

— На фига ты ему наврал? — возмутился Новиков.

— А на фиг он нам? У нас и так грустное кино, че его совсем слезливым делать?

— Вот ты вообще, товарищ режиссер, — сказал Марк, поправляя капюшон, — Снежана у тебя слишком оптимистичная, инвалид слишком пессимистический, кого мы снимать будем?

— Обычных людей. Прохожих всяких, покупателей, пассажиров.

— Да ну тебя в баню, — обиделся Саня. — Целый день потратили. Я домой.

— И я.

— Да ладно, вам, пацаны. Давайте посидим, пивка попьем, отметим, так сказать, начало съемочного периода.

— Снежану послал, а теперь еще пить с тобой. Фиг тебе!

— Да че вы к этой рыженькой привязались?

И они ушли. Хотя Снежана, конечно, хороша, но мечта-то важнее.

Я решил еще посмотреть что-нибудь об апокалипсисе. Вдруг не будет. Вдруг не сейчас. Но видео твердили обратное. Будет обязательно. И очень скоро. Неужели меня одного это пугало? И тогда я окончательно определил формат фильма. Мы будем подходить к людям на улице и задавать им четыре одинаковых вопроса.

Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

Готовы ли вы к апокалипсису?

Что вы будете делать 21 декабря 2012 года?

Что самое важно для вас в этой жизни?

Затем мы выберем трех или четырех людей, они будут основными героями, и снимем пару дней из их жизни. Что-то типа реалити, чтобы показать, чего лишатся

люди после апокалипсиса, ну, а в третьей части пойдём по пути Ларса фон Триера, наснимаем минут на десять кадров с пейзажами и животными. Наснимаем животных, птиц, в конце концов, не мы одни планету заселяем, им тоже кирдык наступит, нельзя про них забывать. Это будет трогательнее, чем людей в колясках показывать, животные вообще не знают о том, что их ждёт.

Это хорошо, что у меня сложилась картинка в голове. А то точно не видать мне «Пальмовой ветви». Наснимали бы жуткую авторщину, как делают наши режиссеры. Я, типа, гений, и вот вам мое восприятие мира. А посмотришь — бред и убожество, а не восприятие, руки отрывать надо с таким восприятием. Но теперь все будет хорошо. Теперь все получится. И хорошо, что не поддался на сексуальность рыженькой.

С такими счастливыми мыслями я и заснул.

Утро выдалось дождливым. Я лежал под одеялом и слушал, как капли бьют о стекло и подоконник. Рабочий настрой тут же раскис, как картон в луже. Вот что за? Только стоит порадоваться, как тут же раз и обломись. словно кто-то специально подлянит. Опять вселенная против?

— Вселенная, это ты подлянишь? — спросил я сквозь одеяло.

Риторический вопрос. Вместо ответа зазвонил телефон.

— Алло!

— Дождь, — звонил Марк.

— Вижу.

— Как снимать будем?

— С дождем.

— Угу. Может, все-таки Снежа...

— Никаких Снежан! — перебил я товарища. — Как договорились, в тринадцать сорок на «Пролетарской».

— Ладно.

Товарищ явно расстроился. Запал на рыженькую. Вот не будь конца света, можно было бы только так девчонок клеить. Падкие они на славу. А тут вообще красота: приходишь такой весь на пафосе или объявление кидаешь, мол, я режиссер, снимаем кино, и все — любая с тобой пойдет, делай с ней, что хочешь.

К счастью, дождь шел недолго. Из-за туч выглянуло солнце, и настроение сразу улучшилось. Я снова нацепил шарф. Буду пафосным режиссером. Пусть все видят.

Марк уже был на месте.

— А, товарищ режиссер, — сказал он, поправил капюшон и стал настраивать что-то в камере.

— Привет. Где Новиков?

— Не знаю.

— Понятно. Ты готов?

— Готов. Камера только глючить может.

— Это я знаю.

— А где тарелочка?

— Какая тарелочка?

— Ну, ты че, не в курсе?

— Хорош говорить загадками! — Я действительно не мог понять, что за тарелочка и почему она должна быть именно у режиссера.

— Я думал, ты нормальный режиссер.

— Решил мстить за Снежану?

— Да при чем здесь Снежана? Перед началом съемок киношники всегда разбивают тарелочку с автографами съемочной группы и названием фильма. Традиция такая. Типа, чтобы съемки удачно прошли.

— Ни фиги се. А че ты раньше не мог сказать?

— Я думал, ты знаешь, ты же «Пальмовую ветвь» хочешь, значит, типа, в кино сечь должен. Я поэтому и не стал брать из дома тарелку.

— А ты откуда про тарелочку знаешь?

— Так у меня дед гримером на студии Горького работал.

— Нормально.

И тут позвонил Новиков.

— Я на часок задержусь, начинайте без меня. Да меня предки припрягли. Ща разгребу все и сразу к вам.

— Про тарелочку скажи, — подсказал мне Марк.

— А, да! Саня, тарелку прихвати с собой.

— А на фиг?

— У киношников есть традиция, — начал я, но Саня вдруг перебил:

— Ладно, мне пора, — и повесил трубку.

Пока ждали, небо снова заволокло тучами.

— А че, может, твоего деда попросим нам помочь? Он же опытный.

— Угу, — согласился Марк. — Давай выпишем его из Москвы сюда, пусть поможет.

— А че, он в Москве?

— Нет, в Урюпинске. Где у нас студия Горького?

— В Москве, что ли?

— Нда... — покачал головой Марк и поправил капюшон.

— Че ты капюшон свой без конца дергаешь?

— Да съезжает.

— Ниче он не съезжает.

— Ну, значит, просто привычка. Раньше без конца съезжал.

— А не пробовал без капюшона ходить?

— Ты че? Как можно без капюшона ходить? Это же стайл.

Я посмотрел на этого субтильного бородатого паренька с камерой и так и не нашелся, что ответить.

Новиков ждал нас на месте с огромной алюминиевой кастрюлей.

— Это че? — удивился я.

— Вы же сами просили.

— Мы просили тебя тарелочку принести.

— Тарелки все грязные были. Раковина под завязку.

— Ну, и на фиг нам кастрюля?

— А тарелка на фиг? Есть че-то будем? Или реквизит?

— Тарелку разбить надо, — разъяснил Сане Марк. — Чтобы кино понтовое вышло.

— Давайте уже разобьем эту чертову тарелку. Кастрюля покатит?

— Ее ж все равно не разобьешь.

— Конечно, не разобьешь! Она алюминиевая, — подтвердил Новиков. — Меня самого потом разобьют за эту кастрюлю. Ее батя мамке на Восьмое марта подарил.

Больше я не мог слушать этот бред. Я развернулся и поперся в магазин.

— Дайте тарелку! — говорю розовощекой продавщице.

— Вам глубокую или неглубокую?

— Без разницы. Давайте неглубокую.

— Неглубоких нет. Только глубокие осталось.

— А это что?

— Это на витрине. С витрины не отдам. Она поколотая.

Нет, ну что за штамп? Это же не из кино продавщица. Почему она спрашивает и отвечает, как все продавщицы и официантки в кино?

- Давайте поколотую!
- Я вам поколотую продам, а вы потом жаловаться придете!
- Ниче я не приду! Мне все равно разбить надо будет.
- Да? — обрадовалась продавщица. — Сто рублей.
- За поколотую?
- А вам какая разница?
- Держите.

Она протянула неглубокую тарелку с позолоченной каймой. Свершилось!

Товарищи стояли у входа. Новиков играл в тетрис на телефоне. Марк разглядывал в объектив свою руку.

- Тарелочка! — решил порадовать я их.
- Надо сначала написать название фильма и расписаться всем.
- Ты занудливый, Марк. Чем писать? Кровью, что ли?
- Зачем, у меня маркер есть.

И вытащил из толстовки маркер.

— Нормально! Маркер ты притащил, а тарелку взять тяжело было?

— Маркер я всегда с собой таскаю ваще-то. Че писать?

— Пиши «2012».

— Есть же уже «2012».

— Может, «Всем хана»? — предложил Саня.

— Жуть, — возразил я. — С таким названием нам ни одной премии не дадут.

— Короче, так до утра можно перебирать! — вмешался Марк, поправляя капюшон. — Пишу «То, что нас ждет».

— А че, мне нравится! — одобрил Новиков.

У меня были некоторые сомнения, но, подумав, я согласился, что это не худший вариант, хотя все равно смахивает на «То, что мы потеряли». Но не хотелось расстраивать пацанов.

— Пиши.

Марк написал и расписался, передал тарелку и маркер мне, я поставил подпись и отдал маркер Новикову. Саня замутил какую-то нереальную роспись, он даже язык высунул от напряжения и размахивал рукой так, будто выфехтовывает узоры в воздухе, как Зоро.

— Все? — спросил я у Марка.

— Ага! Можно разбивать.

Мы взялись втроем и дружно долбанули тарелку о лавку. Ну, все, теперь как пить дать выйдет шедевр.

— Пошли, что ли? Мне уже не терпится отснять первый кадр.

— Осколки надо собрать. Себе оставим. У каждого должны быть, — не унимался Марк.

Собрали. Положили в кастрюлю. Не в руках же нести. Так и пошли.

Я смотрел по сторонам, вертел головой, как волчок на «Что? Где? Когда?», но везде были одинаковые до жути персонажи. Джинсы, кеды и пафос. Сплошные клоны, меня чуть не вырвало. Неудивительно, что вселенная решила расправиться с человечеством. Кому нужен этот пафос? Особенно в нашем Мухосранске. Но нет, нарядаются, как клоуны, и ходят: джинсы спущены и висят, как будто с утра в них вместо толчка наклали, какие-то гомосяцкие рубашечки, девки в натуральных гамашах, на руке часы с такенным циферблатом, что им орехи колоть можно, темные очки и айфон. Гламурные, мать их! Без айфона никуда, главная ценность в жизни — пилатес и айфон. Ну, ладно пилатес, это вроде нормальная вещь, но на фига тебе хорошо выглядеть, если ты потом свои красивые ноги в гамаши эти широченные прячешь?

Кто ноги эти увидит? Короче, бред. А айфон — это вообще понты. Типа, мне все по барабану, у меня есть айфон, завидуйте, людишки, и надо вытащить, в руках повертеть, чтобы все видели. Типа, ты с айфоном, значит, ты успешный.

А мы шли с кастрюлей и камерой. Нормальные пацаны. Только все на нас косились. Айфона-то не было. Мне стало неприятно. Но тут я заметил подходящую старушку. Сама чуть не до революции родилась, а намазюкалась, как школьница на выпускной, стоит такая в красном берете и голубей семками кормит.

— Вот ее снимем. Поперли!

Подошел я к старушке.

— Здрасьте, — говорю, — мы тут кино снимаем, не хотите поучаствовать?

А она как завизжит:

— Уйди, оглоед! Ты мне всех голубей распускаешь!

Те и правда дернули кто куда. Но больше от ее крика, чем от моего появления.

— Извините, — говорю. Я прямо сама вежливость, — так что насчет съемок? Можете нам?

— Я, — говорит, — шас вам так помогу, оглоеды чертовы! Шас палку возьму и по голове вам всажу!

И головой замахала так, что берет слетел, и прямиком в лужу. Психованная какая-то. Мы свалили.

— Может, в дурку позвонить? — предложил Марк. — Пусть полечат ее.

— Да такую лечить бесполезно. — Саня оглянулся назад. Старуха размахивала намokшим беретом и бросала нам вслед какие-то проклятия.

— Ты заснял че-нибудь?

— Угу. Немного. Надо стереть ее, на фиг.

— Да не, оставь, может, вставим потом куда-нибудь.

Следующие два часа прошли не лучшим образом. Мы подходили к дворникам, к теткам, раздающим листовки, к продавщицам, официанткам, просто прохожим, но никто с нами не хотел разговаривать. Я даже отправлял Новикова подальше от нас с его кастрюлей, которая у всех вызывала подозрения, но никто по-прежнему не хотел с нами общаться.

— Че за фигня? — возмущался я. — Мы же тарелочку разбили?

— Разбили, — подтвердил Марк.

— А че нам так не прет?

— Ну да, — заворчал Новиков, — ты же прогрессивный режиссер. Все тебе выпендриться надо.

— Молодые люди, — раздалось откуда-то из-за спины.

Мы обернулись. Перед нами стоял тучный мужик и держался за сердце.

— Молодые люди, — повторил он, — мне бы водички купить, боюсь, сердце прихватит, и я прямо на дорогу грохнусь.

— И? — спросил Саня.

— А я деньги дома забыл. Может, одолжите рублей двадцать, а то, не дай бог, копыта еще здесь отброшу.

Он еще сильнее скривился и прижал ладонь к сердцу.

— Да вы сядьте, — предложил Марк, отодвигая кастрюлю.

Мужик сел и посмотрел на нас.

— Ну, так что?

Мы переглянулись. Саня полез за бумажником.

— Конечно, мы дадим вам денег, — сказал я. — Но, может быть, вы тоже нам поможете?

Мужик побелел от удивления и даже руку от сердца убрал.

— Да вы не бойтесь. Просто нужно ответить на четыре коротких вопроса. Это не займет много времени.

Я толкнул Марка, чтобы он включил камеру.

— Ну, хорошо, — согласился мужик. — Только, пожалуйста, быстрее! — и снова взялся за сердце.

— Вопрос первый. Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Вы что, издеваетесь?

— Да что такого?

— Не буду я отвечать на ваши вопросы!

Мужик вскочил, выхватил у Сани две десятки и почесал так, будто у него вообще никакого сердца нет и болеть нечему.

— Урод! — крикнул ему вслед я.

— Да это ты урод! У человека сердце болит, а ты ему про конец света, — возмутился Саня. — И ты еще удивляешься, че у нас никто сниматься не хочет.

— А че такого? Не я же это придумал, а майя. А мужик этот реальный урод, ни фиги у него не болело, знает, что так просто бабок никто ему не даст, и разводит людей, как лохов.

— Да не, че бы ему тогда убежать было? — резонно возразил Марк. — Ответил бы да пошел. Считаю, что заработал. По ходу реально испугался.

— Во-во! — не унимался Новиков. — Ты бы еще в онкологическое отделение пришел и начал их про конец света спрашивать.

— А че нет? Они, что, не люди?

— Тут вопрос не в том, люди они или нет. Это, типа, не этично.

— Да вообще! — возмутился я. — Как жить-то? Кого ни тронь, все или инвалиды, или просто больные, или беременные, или старые, или гастарбайтеры какие-нибудь. Не мир, а кусок толерантности.

— Вот ты и не трогай никого, — сказал Марк.

И я в очередной раз начал думать, что зря ввязался во все это. Умру без «Пальмовой ветви». По крайней мере, у меня есть мечта, а это уже немало. Есть же люди, которые ни о чем не мечтают или не верят в апокалипсис. Живут себе спокойно, открывают хлебницу, а там пусто. «Вот, — думают, — надо за хлебом сходить». Выходят за хлебом, а тут раз, и метеоритный дождь. Хлобысь — и нет никого. Вот и не верьте в апокалипсис.

— Ладно, не фиг трещать! Поперли героев выискивать.

— А все знаешь почему? — неожиданно сказал Новиков.

— Почему?

— Потому что тебе лень было сценарий написать.

— А. Ясно. Ну, напиши, если ты такой умный и если тебе не лень.

— Да че теперь писать? Уже снимаем же, — ответил Саня и кивнул на кастрюлю.

Снимаем. Теперь ко всем подходил Новиков, но сути это не поменяло. Люди соглашались отвечать, но все как один не верили в апокалипсис.

— Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Нет.

— А вы верите, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Нет, конечно.

— А вы?

— Не смешите меня. Какой конец света? Сколько их уже предсказывали. Чушь все это.

И дальше в таком же роде: «я, что, похожа на сумасшедшую?», «я в сказки не верю», «я вообще атеист», «вам не стыдно спрашивать глупости?», «конечно, верю, а еще я верю в Деда Мороза и в то, что „лада калина“ — хорошая машина».

Я махнул Марку, чтобы он выключил камеру. Мы вошли в магазин. Неплохо было бы и перекусить. А то ходим с кастрюлей, а есть совершенно нечего.

Взяли по пирожку, вышли на улицу, сели на лавочку, ели. Вот что хорошего в еде, радоваться было нечему, а нам почему-то стало хорошо. Когда ты голодный, тебя одолевают и зло, и печаль, и досада, и прочие неприятности. Сытому же все по плечу, сытый — добрый и довольный жизнью человек. Вот и мы разулыбались, как дровосеки на параде.

Вдобавок ко всему в камере села батарейка, а запасной у нас, разумеется, не было.

— Ну чего, — резюмировал Марк. — Будем считать, что первая смена у нас закончилась.

— Будем, — грустно согласился я.

— Держите, пацаны!

Новиков раздал нам осколки тарелочки. Мне достались с автографом Марка и словом «нас» из названия. «Приду домой, положу на полку», — подумал я. Так сказать, первый шаг на пути к главному призу.

Следующий день был выходным от съемок. Мы все трое работали. Я получил ответ от заказчика, того, что просил нарисовать герб. Он сказал, что идея ему нравится, но не хватает пафоса. Что ему, айфон, что ли, пририсовать, варану этому? Ради прикола я так и сделал. Получилось смешно. Может, лучше айпад? И во вторую руку я дорисовал варану айпад. Может, еще кеды со спущенными джинсами добавить? Но это будет уже полнейшим извращением. Я не стал ломать голову и отправил с айфоном и айпадом, пусть хоть поржет, увидит какой я креативный.

Разгорячившись, я решил посмотреть киношку. Только подумал, и зазвонил телефон.

— Саня? — Новиков, кто же еще?

— Я за него.

— Мне Снежана звонила!

— Сама?

— Просила встретиться.

— А ты?

— А я согласился.

— Мы не будем ее снимать!

— Я помню. Может, она просто хочет встретиться.

— Что значит просто?

— То и значит. Может, я ей понравился.

— Ты?

— Я че, не могу девушке понравиться?

— Можешь, конечно! Тем более такой, как Снежана. Ей только такие пацаны, вроде тебя, и нравятся.

— Да пошел ты! — Саня бросил трубку.

А я напрягся. Че ей надо, Снежане этой? Вернее, понятно, что ей надо, но как ей объяснить, что она не вписывается в концепцию нашего фильма.

Я вспомнил о Серее. Как он там? Вот бы поделиться с ним. А то лежит у себя в палате, нога сломана, так еще и полиция регулярно навещается. Он товарищ. Герой настоящий, надо будет про него что-нибудь в фильм вставить. Мол, ради создания «То, что нас ждет» наш товарищ Заикин рисковал здоровьем и даже угодил в тюрьму. Может, его потом простят и выпустят. Очень хотелось бы в это верить.

Залез в почту. Варанов оценил мое чувство юмора, написал, что смешно, но все равно не то, и дал мне, типа, последний шанс, если не справлюсь, то обратится к кому-нибудь другому. Хорошо, хоть посмеялся, значит, не самый трудный заказчик.

Позвонил Марку.

— Здорово!

— Привет, товарищ режиссер! Надумал Снежану снять?

— Да вы че, помешались на ней? Или тебе тоже звонила?

— Нет, мне не звонила.

— Ладно, хоть так. Че там с отснятым материалом?

— Не смотрел еще. Надо на комп скинуть.

— Точно? А то, может, уже на ютубе все?

— Не. Ты же против ютуба. Или уже передумал?

— Нет, не передумал. Ютуба не надо. Как скинешь, мне скажи, хочу посмотреть, че там получилось.

— Че там получится? Че снимали, то и получится.

— Все равно позвони!

Да, хорошо, что у меня в команде всего два человека. Представляю, как я намутился бы с пятнадцатью или двадцатью.

Очередной день начался довольно неплохо. Я сел за герб. Вместо продукции «эппла» в лапы ящера я поместил скипетр и державу. Ну, а чего? Корона-то есть. Вот именно что корона, осталось еще вторую голову подрисовать. Я подрисовал и остался доволен. Двуглавый варан — это вам не бургер жевать. Очень круто и очень пафосно. Пусть только скажет, что я не попал в самую точку! Оценив собственную креативность, я отправил последний вариант заказчику и решил пробежаться. Ну, знаете, иногда надоедает пить пенное, и втемяшиваешь в голову, что нужно держать себя в форме. А самое простое — это как раз выйти на улицу и сделать пару кружков возле дома неспешной трусцой. Заслуги в таком «подвиге» немного, но самолюбие тешит здорово. Прекраснее всего, что стоит единожды совершить такую пробежку, и ты тут же успокаиваешься. Мол, все в порядке, бежится вполне нормально, если надо будет, могу повторить, но надо будет еще не скоро, минимум через месяц, а пока же можно спокойно вернуться к алкоголю и еже с ним. Вот такая бодяга.

Я выскочил из подъезда и с усердием и резвостью необъезженного жеребца принялся разминаться. Закончив приседания и наклоны, я встряхнул руки и ноги и, так сказать, пустился в бой. Бежалось довольно легко. О чем я и говорил. Организм еще молодой, а значит, получасовой пробежкой его не напугать, можно проводить вечера с пивчанским и дальше. Неподалеку от нас есть лесок, туда-то я и направился. Не скажу, что любитель природы и ярый ее защитник, но лесок этот и правда жалко. Загадили его по самые корни. Не лес, а настоящая помойка. Реально руки бы оторвал. Люди хуже свиней. На каждом шагу попадались консервные банки, мешки, пакеты, коробки из-под печенья, обертки, резиновые изделия. Вот они, символы современной цивилизации. Неудивительно, что все закончится апокалипсисом. На месте Земли я бы уже давно избавился от человечества, а она ничего, терпеливая.

Мобильный. Ну, сколько можно-то? Че я такой мегапопулярный, что ли? У меня всего двадцать друзей в фейсбуке.

— Саня! Ты че так дышишь?

— Бегу. Че тебе надо? — разозлился я.

— Так это. Я на часок седня задержусь. Ничего?

— Я учту твои пожелания, — сказал я и отключился.

Душ, кофе, и я был сама свежесть. Еще через полчаса я стоял перед квартирой Марка. Дзинь! Меня аж перекорежило всего. Кто придумал эти звонки?

— Здорово, товарищ режиссер. — Марк приветливо улыбнулся.

— Ты даже дома с капюшоном?

— А как же! Стайл!

— И сколько у тебя толстовок?

— Штук восемь. Эта самая любимая. Ей уже лет десять, поистрепалась — теперь только дома ее ношу.

Я взглянул на толстовку. Ничего особенного. Нарисованы брейкдансеры и снизу подпись «Battle of the year».

— Она в темноте светится! — похвалился Марк.

Мы вошли в его комнату. Неплохая у него квартирка. Уютная. Мебели немного, и это круто. А то у многих стоят всякие стенки да шкафы еще с совковых времен, они и выглядят стремно, и места до жути занимают. У него, правда, тоже старенькая прихожка, но зато в комнате никаких «горок». Кровать и компьютерный стол с ноутбуком и принтером. И полка висит, которая, в отличие от моей, завалена всевозможным хламом. В общем, минимализм во всей своей красе.

— Клево у тебя. Просторно!

— Спасип. Все лишнее выкинул, верней, на avito толкнул. С руками прямо оторвали. Садись.

— Ну, что там у нас?

— Смотри, — сказал Марк, подвигая ноутбук ко мне.

На экране появилась рука Марка.

— Это надо удалить! — разъяснил Марк. — Когда Саню ждали, от не фиг делать попробовал снимать.

— Понятно.

Руку сменила бабка, кормящая голубей. Картинка слегка зашаталась, но быстро застыла. Нужно признать, что снимал Марк вполне качественно. Ничего себе так оператор. В Каннах будет не стыдно.

Ну, а дальше пошли кадры с многочисленными нет, мужик с больным сердцем и все то, что мы успели заснять в тот день.

— Ну как, товарищ режиссер, доволен?

— Да пока как-то нет. Парочку кадров можно будет оставить, остальное мимо кассы.

— А ты как хотел? За съемочный день больше пары минут и не выходит, если, конечно, это не сериал.

— Ага, потому наши сериалы такие стремные и получаются. Но мы-то не можем себе позволить такой роскоши. Апокалипсис ради нас никто не будет оттягивать.

— Ну да, ну да, — согласился Марк.

— Но картинка мне вполне нравится! Очень кинематографично. И снимаешь ты на уровне!

— Спасибо, товарищ режиссер. Услышать такую похвалу из ваших уст — огромная честь для меня!

— Да иди ты! Но ты все равно ничего не удаляй. Вдруг что нам потом понадобится.

— Само собой, — ответил Марк и поправил капюшон. — Ну что, двинули?

— Да не, рано еще. Новиков звонил. Сказал, на час задержится.

Через час Новикова на месте не было.

— Вот редиска, — выругался я. — Пора менять помрежа.

— Поменять, конечно, можно, но поздняк уже. Он же на тарелочке расписался.

— Опять эта тарелочка!

— Гляди, что там?

Метрах в ста от нас было какое-то шествие. Участники шествия приблизились, и тут я увидел, что это самые настоящие зомби.

— Черт, Марк! Ты видишь то же, что и я?

— Ага!

Товарищ продолжал улыбаться. Пофигист, что ли?

— Так чего ты такой радостный? Бежим, это же зомби!

Я и правда чуть не удрал, но Марк и не думал срываться с места. Он направил камеру на зомби и стал снимать. Вот это самообладание. В городе живые трупы, а он стоит себе спокойно снимает.

— Марк!

— Да расслабься ты! Это флеш-моб!

— Какой флеш-моб?

— Зомбоапокалипсис на проспекте Победы. Опять ты не в курсе, что ли?

— Неа.

— Вот даешь. Прошлый век прям. Весь инет завалили объявлениями.

— А че ты мне ниче не сказал?

— Так я сам только щас вспомнил, что он сегодня. Прикольно получается. Отличные кадры!

Зомби, вернее, обыкновенные парни и девчонки, перемазанные гримом, неспешно надвигались на нас плотной стеной. Черт возьми, если бы со мной не было Марка, я точно бы подумал, что это настоящие ходячие трупы, и дал деру. Некоторые прохожие так и поступали, потом останавливались, смотрели, что никто не убегает, понимали, что это неспроста, и смотрели дальше или снимали на телефоны. Народа, нужно сказать, было немало. Человек сто, не меньше. И примерно столько же зевак. На одного из них в шутку напали. Зомби-медсестра и гастарбайтер повалили рыжего паренька на асфальт и стали изображать, будто гложут его окровавленный труп. К ним присоединился зомби-боксер. Нужно сказать, что ребята подошли ответственно к проведению флеш-моба, надели совершенно разные костюмы: тут были и врачи, и учителя, и хипстеры, и баскетболисты, и офисный планктон, и художники, и повара, и военные, и работники «Макдональдса» и даже один Майкл Джексон; сделали качественный грим и вжились в свои образы довольно убедительно. Мне захотелось присоединиться к ним. В конце концов, разве не может быть зомби-режиссера? Да сколько угодно. Я подмигнул Марку и кинулся к зомби-летчику.

— Привет!

Тот скосил на меня взгляд, но не стал отвечать. Я решил следовать за ним.

— А вы верите в то, что 21 декабря будет конец света?

— Э-э-э! — прохрипел он.

— Это да или нет?

— Э-э-э!

Зомби, летчик вытянул свои окровавленные руки и стал медленно надвигаться на меня.

— Так все-таки верите или нет?

Вместо ответа он коснулся моего плеча и принялся изображать, будто пожирает мою плоть.

— Мне нужно знать ваше мнение! — не унимался я.

— Падай! — прошептал он.

— Чего?

— Падай, кретин!

— Вы поймите, мы снимаем фильм, мне очень нужно выиграть Канны!

Падать я, разумеется, не собирался. Вместо этого я отцепил от себя руки зомби-летчика и слегка оттолкнул в сторону. Он врезался в зомби-хипстера, тот не удержался на ногах и повалился на землю, зацепив в падении еще парочку зомби. Те, словно пластинки домино, начали падать и валить соседних зомби. Образовался затор.

— Извините! — неловко улыбаясь, сказал я.

Но зомби-летчик почему-то рассвирипел. Он вскочил на ноги и грозно посмотрел на меня.

— Слышь, ты, олень! Ты че наделал?

— Че я наделал?

— Ты нам весь флеш-моб сорвал!

— Ну да, конечно, я виноват, что ты на ногах стоять не умеешь! Сам ты олень!

— За оленя ответишь мне!

— О как страшно! Щас обделаюсь прям.

— Слышь, ты!

Он набросился на меня, но и я парень не промах. Я поставил блок и только замахнулся, чтобы двинуть ему как следует, как меня окружили куча недовольных зомби, то же они сделали и с пилотом.

Зомби стали толкать меня и кричать, чтобы я ушел. Глупо было сопротивляться. Во-первых, их больше, а во-вторых, я действительно подпортил им флеш-моб.

— Вали отсюда, пока я тебе ногу не оторвал! Фильм он снимает! — кричал вдогонку зомби летчик.

Ну, попадись мне только, гаденыш, без грима, я тебе покажу, как надо отрывать ноги. Я повернулся, чтобы крикнуть ему что-нибудь в ответ, но заметил, что все зеваки смотрят на меня, ухаживаются и снимают на телефоны. Тоже мне клоуна нашли. Но что самое фиговое — Марк тоже стоял довольный, как слон, и весело улыбался.

Я ушел. Фиг ли еще было делать? Зомби же снова встали в колонну и двинулись дальше. Но быстро закончили шествие. Видимо, я сбил им весь настрой. Неприятно как-то. Но этот пилот сам виноват. Трудно ему, что ли, было ответить? Я бы с радостью вставил его в «То, что нас ждет», а теперь фиг ему.

Подошел Марк. Веселый. Ему, конечно, весело.

— Ну, товарищ режиссер, устроил ты сцену! Шикарная комедия у нас будет!

— Иди ты, товарищ оператор!

— На фига ты к ним поперся-то? Ты ж не зомби.

— Хотел поспрашивать их, снять кого-нибудь потом.

— Так я ж и снимал.

— Ты снимал всех сразу. А я хотел парочку самых интересных отдельно заснять, чтобы в концепцию фильма вписать.

— Угу. Вписал. Молодец!

— Хорош ржать! Пилота этого вырезать надо будет! Чтобы никто не видел.

— Боюсь, что теперь его увидит весь ютуб.

— Опять ты с этим ютубом!

— Что поделатъ — такое сейчас время. Чуть что — сразу в ютуб. Так что боюсь, что он прославится, а заодно и ты — безжалостный срыватель флеш-мобов.

— Давай стеби, стеби. Мне и так фигово!

— Эх, жаль Саня такое шоу пропустил.

— Ну да, только Новикова там не хватало.

— Ну, ничего, он на ютубе посмотрит, поржет.

Вот честное слово, я чуть Марку не двинул. Умеет он поддержать, ничего не скажешь.

— Ну, а как ты хочешь? В кой-то веки наш мухосранск решил побыть хоть чуть-чуть креативным, люди целый месяц к этому флеш-мобу готовились, а тут раз — появляется Санчо и так всех жестко обламывает.

— Да че я их обломил? Ну, подумаешь, упали, подумаешь, хрену одному чуть не вломил. Никто ж не пострадал, шествие-то прошло.

— Да даже они тебе благодарны должны быть. Так бы прошлись, поснимали их да забыли все. А теперь фиг кто забудет. Чувак решает сорвать флеш-моб и сваливает с ног тридцать зомби.

— Если ты щас не замолкнешь, я свалю с ног и тебя! И вообще не зли меня. А то найду нового оператора, и никакая чертова тарелочка тебя не спасет. Где Новиков вообще?

И тут, конечно, появился Новиков.

Шел такой довольный, как мэр на Дне города.

— Привет. — Разулыбался весь. Я ему тоже чуть не двинул.

— Как свидание? — решил подколоть его Марк.

— Вообще супер! — на полном серьезе ответил Новиков. — Снежана — просто улет!

— Снежана? Так ты реально на свидании был?

— Ну да.

— Саша, я, конечно, рад за твою личную жизнь, но мы вообще-то кино решили снимать, и по какой-то необъяснимой мне случайности тыходишь в съемочную группу, более того, ты являешься помрежем. Или уже не являешься?

— Да ладно тебе, товарищ режиссер, — вступился за товарища Марк, — не будь таким занудой. Человек со Снежаной на свидание сходил! Ну, и как у вас все прошло?

— Снежана офигенная. И, кажется, я, того... нравлюсь ей.

— То есть у вас все серьезно?

— Ну, типа того. — Саню просто распирало от гордости.

Я прокашлялся.

— Ромео! Мы делом будем заниматься или как?

— Ну, конечно, будем! Давайте! Кого снимаем? Я готов! — затараторил помреж.

— Ха-ха, кстати, у нас тоже не обошлось без приключений! Щас тебе такое покажу!

Теперь точно от моего терпения не осталось ни грамма. Вовсе не удивительно, что в итоге ничего путного мы так и не сняли. Да и персонажи попадались неинтересные: все какие-то одинаковые, хмурые, недружелюбные. Новиков пытался шутить, мол, это я виноват, испортил карму своим бессердечным поступком, но мне было не до смеха, поэтому мы разругались и я послал их с Марком куда подальше, а сам отправился домой. Тоже мне товарищи, с такими каши не сваришь, не то что шедевр снять.

Дома мне стало еще грустнее. Время шло, а я после первого шага ни на дюйм не приблизился к мечте. Так бы черт с ним, так бы я тупо забил, как делал всегда раньше, но сейчас всем грозил долбаный апокалипсис, и тут уж раз взялся, будь любезен, доведи до конца. Ведь это, возможно, последнее, что я мог сделать достойного в своей жизни. Просто удивительно, что все оставались такими спокойными, будто еще в раннем детстве приобрели с нефиговой такой скидкой по спасительному бункеру и теперь могли смело послать любой конец света куда подальше. Прямо как в песне «А нам все равно». Не боимся мы ни торнадо, ни потопа, ни землетрясения с ледниковым периодом. Или это я просто такой кипишной? Но ответа не было. Обидно, черт возьми, у Новикова хоть девушка появилась. Хотя это тоже было как-то подозрительно. Ну, не могла Снежана просто так начать с ним встречаться. Такие девушки, как она, не западают на таких парней, как мы, если только не хотят их для чего-либо использовать. Но это тоже спорный вопрос: кто из них и кого мог использовать?

С этими неприятными мыслями я раздавил бутылочку темного и полез в Интернет, но не для того, чтобы найти ответы на все свои вопросы в Яндексe, а проверить почту. Три новых заказа. Удивительно, но я стал популярен в последнее время. Если бы не майя с их календарем, можно было неплохо заработать. Один

заказ, правда, был немного из другой области: заказчик просил нащелкать и при-
слать фотки местных торговых центров, за что обещал семь сотен. Фотки я отмел
сразу. Во-первых, у меня не было нормального фотоаппарата, а во-вторых, семь
сотен — это слишком несерьезно, не стоило даже заморачиваться. Оставшиеся за-
казы были идентичны по сути и по вознаграждению. Требовалось разработать ди-
зайн будущего сайта за три тысячи рублей. Вот это уже по мне. Вечер я провел за
проектированием стильного сайта открывающегося ночного клуба с соответст-
вующим сайту названием «Стиль». Правда, как только закончилось пиво, тут же ис-
парилось и вдохновение.

А утро началось с очередного звонка. Чертов телефон! Его нужно выкинуть или
хотя бы отключать на ночь.

— Саня! — Чертов Новиков!

— Я сплю.

— Саня! — Далее смех.

— Да чего?

Снова смех и короткие гудки. Ада я могу не бояться, у меня Новиков товарищ,
а это куда хуже ада. Только закрыл глаза, телефон затрезвонил по новой. И почему
только не отключил его, на фиг?

— Саня! — Далее смех — заело пластинку.

— Слушай ты, чудило с Нижнего Тагила, хорош ржать! Если не скажешь, че те,
на фиг надо, раскрою твой череп моей трофейной лопатой!

— Ага, как мне звонить и будить, так это можно, без проблем, а как тебе, то по-
пробуй только позвонить — Сашечка спит! — обиделся товарищ.

— Я тебе звонил, потому что это было важно, а ты ржешь мне в трубку и коряво
шутишь.

— Ниче не коряво, — еще больше обиделся.

— Ладно, обижайся, сколько влезет, а я пошел спать.

— Подожди, ты в инет выходил?

— Ну, выходил вчера. А что?

— И что там? — Противное гоготание.

— Новые заказы прислали.

— И все?

— Все. А что-то еще должно быть?

— Давай кино снимать сегодня.

— Я с вами, уродами, больше снимать не буду.

— Саня, хорош фигней страдать. Ниче он с нами снимать не будет. Сам же гово-
рил, что времени мало осталось. Я специально взял отгул, чтобы посвятить сегод-
няшний день съемкам, а мог бы провести его со Снежаной, но нет. Я чувствую свою
вину, понимаю, что подвел пацанов, и готов все искупить. В одиннадцать ждем
с Марком тебя на площади.

— Вот вы хлыщи!

Опять этот дурацкий смех. Я положил трубку. Ишь ты, сколько благородства.
Товарищ выбрал нас, а не Снежану. Может, она уже просто кинула его? На ее ме-
сте я бы так и сделал. Но судя по смеху, не сказать, чтобы он убивался горем.

Выйдя на улицу, я сразу почувствовал, что что-то не так.словно весь мир ус-
тавился на меня своим единственным гигантским солнечным глазом и ни на се-
кунду не отводил взгляда. Даже деревья как-то подозрительно колыхались на ветру
и шелестели листьями, словно о чем-то щепались и тряслись от смеха. Первый же
прохожий остановился, посмотрел на меня, удивился, словно узнал, и стал откро-
венно ржать. Я рефлекторно ощупал себя. Может, на губах осталась зубная паста

или майка в чем-то испачкалась? Терпеть не могу, когда люди вот так хохочут во все горло, глядя на тебя. Фиг знает, может, ему просто поржать захотелось или вчерашний анекдот вспомнил, а ты по-любому принимаешь на свой счет и мучаешься потом вопросом, что с тобой не так. Рот был чистый, майка тоже, на всякий случай я даже волосы примял ладонью. Чтоб его! Он-то прошел, а тебе теперь весь день теряться в догадках. Я уже практически убедил себя, что не был причиной смеха, но шедшие мне навстречу телочки повели себя ровным счетом так же, как парень, заставивший меня чувствовать себя идиотом. Ну, это уже ни в какие рамки!

Значит, точно из-за меня. Что я, фейк, что ли, какой? Это неприятно. Не понимаю даже, как люди могут клоунами работать? Я передразнил их противный смех, телочкам это явно не понравилось, и они, синхронно покрутив пальцами у виска, испуганно прибавили шаг и скрылись из виду. Ну, спасибо Всевышнему, задался день — ничего не скажешь.

Пока я добрался до центральной площади, мне встретилось немало народа, и практически каждый третий реагировал на мое появление подобным образом. Люди хватались за животы, радостно улюлюкали и хлопали в ладоши, будто я на самом деле был Славой Полуниным или Владимиром Жириновским. Но я никак не мог догадаться, когда я успел так прославиться, а главное чем. И тут я увидел товарищей, изображавших пантомиму. Новиков ходил по кругу, вытянув руки и волоча левую ногу, а Марк преградил ему путь и начал несильно толкать. При этом лица товарищей просто светились от счастья. Долбаный ютуб!!! Я готов был провалиться сквозь землю.

— Здорово, «домино из зомби»! — приветствовал меня Новиков.

И они с Марком заржали, как целый табун лошадей Пржевальского.

— Почему домино?

— Ну, так твой ролик с двумястами тысячами просмотров называется.

— Мой ролик?

— Ага, клип с тобой в главной роли.

— И че, реально двести тыщ просмотров, или вы прикалываетесь?

— Я сам только раз двадцать посмотрел.

— А я тридцать, — похвастался Марк и поправил капюшон, — а ты сам не видел, что ли?

— Нет.

— Я думал, догадаешься, — удивился Новиков.

— Еще и музыку такую прикольную подобрали, ваще умора.

— Какую музыку? — начал злиться я.

— Не знаю, кто поет. Но песенка прикольная.

— Группа «Revolver». Я нашел! — гордо сказал Новиков. — И даже скачал.

Он достал телефон, включил ту самую песню, и они с Марком стали танцевать и подвывать, как два кретина.

Нет, песенка действительно веселая, но разделять радость товарищей мне совсем не хотелось.

— Давай с нами! — позвал меня Саня, повторяя движения Джона Траволты из небезызвестного фильма.

— Я щас вам леща дам. Хорош дрыгаться!

Но им было по фигу. Товарищи же дергались до самого конца песни. Потом Саня, словно опомнившись, с сочувствием посмотрел на меня.

— Ты же не видел свою бомбу. Ща покажу.

И показал. Чертов ютуб. 223 572 просмотра за один вечер и утро. На экране замелькали живописные кадры зомби-парада под ту самую песенку, и вот уже я тол-

каю зомби-летчика, тот падает на зомби-хипстера, а он в свою очередь роняет целую группу различных зомби, цепляющих друг друга, как пластинки домино. Перемотка, зомби-летчик падает, зомби-хипстер роняет остальных зомби. Перемотка, все то же самое, но в замедленном темпе, далее крупный кадр моего лица, крупным кадром лицо зомби-летчика и лица офигевающих прохожих. Ну, и наконец кадры несостоявшегося махача с зомби-летчиком. Вот такой простоватенький клипес с моим участием. И чего он так всем понравился? Однако за то время, пока я смотрел на это чудо, количество просмотров увеличилось еще на тридцать.

— Вот она, слава! — заулыбался Новиков. — Можно и не снимать ничего!

— Ага! — поддержал его Марк. — Есть еще с десятков подобных роликов. Чувачки разные выложили.

— Да ну? А я че-то не видел даже.

— Ну, они без музыки и не такие прикольные, хотя тоже тыщ по пятнадцать просмотров набрали.

— Да идите вы к черту! — разозлился я. — Вместе со своим ютубом.

— Он совсем не наш, — ответил Саня.

— Мне такая слава не нужна. Мне «Пальмовая ветвь» нужна, так что хорош фигней страдать. Взяли камеру и вперед снимать кино.

— Тиран! Щас как напишу про тебя злобный коммент, — пошутил Марк.

— Кстати, о комментах? Ты читал, что народ пишет? — обратился к нему Новиков. — И ты, Сань, тоже послушай. «Аффтор жжот», «+5», «че за тупость ваще?», «Ни разу ни смешно», «Ха-ха, реально, как домино, посыпались».

После каждой фразы у парней случался новый приступ смеха. Мне же хотелось их закатать в асфальт.

— «Да сразу видно — это подстава, тупо монтаж», «никакой зомбоапокалипсис нам не страшен, повалил всех зомби и гуляй», «у чувака аж рот открылся от удивления», — читал Саня, — «хрень, про кошечек лучше», «ништяк музыка», «эта гнида нам весь флеш-моб подпортила, поймаю его — убью».

Это, видимо, зомби-летчик писал.

— Ну, не я же! Пусть сам мне только попадется, я его одной левой порву. Так. Вы реально задрали уже.

— Ой, это же чувак с «зомби-домино»! — раздался чей-то довольный голос. — А вы, что, из нашего города? Ни фига себе!

Не став дослушивать, я учесал куда подальше. Друзья догнали не сразу.

— Ты чего? Такая девушка хорошая, — сказал Саня. — Катей зовут.

— Она так обрадовалась, что тебя увидела, а ты учесал, как медаль от футболистов.

— Да идите вы! — повторил я. — И Катю возьмите, и Снежану, и остальных тоже.

— Психически неуравновешенный тип, — заметил Марк.

— Режиссер, — резюмировал Новиков. — Ладно, пойдем снимать, а то ты реально нас в порошок сотрешь.

Но не прошли мы и трехсот метров, как раздался еще один, теперь уже совсем не радостный голос: «Пацаны, вот он!»

Я обернулся и увидел, что на меня, как стадо диких кабанов, неслась ватага разъяренных парней. Возглавлял этот бравый отряд карателей кто бы вы думали? Разумеется, зомби-летчик, только уже без грима и в другом костюме.

— Ну, держись, урррод! — кричал он, вырыкивая эту грозную букву «р».

Ой, страшно-то так! Хотя и правда было немного страшновато, но только чуть-чуть. Просто их было семеро, а нас трое, и каков в бою Марк, я не имел ни малейшего понятия. Это мне и предстояло выяснить. Я вскинул руки и приготовился ловким и метким ударом повалить летчика на землю, но тут Саня провернул нечто

невероятное. Он поднял руку и спокойным таким, я бы даже сказал, невозмутимым голосом произнес: «Парни, остановитесь!»

И они реально остановились. Выглядело это так, будто молодой пророк приказал неведающим простолюдинам и знати забыть о вражде, простить друг друга и следовать за ним, и те, не колеблясь ни секунды, исполнили все, что он приказал. Короче говоря, встали они как вкопанные и уставились на Саню, как старушки на ценник черной икры.

— Парни, — продолжил Новиков, — вы не правы.

— Чего? — Вытянулось лицо зомби-летчика, как подросток за лето.

— Спокойно, спокойно. — Гнул свою линию товарищ. — Вы не правы, сейчас я поясню.

— Рвем когти! — Сорвался вдруг с места Марк и почесал так, словно выпил упаковку энергетика. Ясно, каков он в бою.

— Ну, все. — Сжал кулаки зомби летчик.

— Подождите! — не выдержал уже я. Мне было жутко интересно, что же хотел сказать Новиков. — Навалять вы нам всегда успеете, пусть человек договорит.

Парни нехотя согласились.

— Спасибо, Саня. — Не терял спокойствия товарищ. — Так вот, вы не правы. И вот почему. Да, Саня сорвал вам флеш-моб.

Зомби-летчик согласно закивал и злобно посмотрел на меня.

— Да, он был довольно груб.

Снова взгляд, метаящий молнии.

— И еще сам хотел тебе накидать.

Зомби-летчик уже кипел от ярости.

— Но, — сделал паузу Новиков, — посмотрите на это с другой стороны. Так бы ваш флеш-моб остался абсолютно незамеченным. Прошел и прошел, мало ли таких было? А благодаря Сане вы не только в ютуб попали, вас еще куча народа посмотрела и еще до фига посмотрит, зуб даю. Я сам только двадцать раз посмотрел.

Парни озадачились. Все, кроме зомби-летчика. Он только сильнее разозлился.

— Ага. Все смотрят и ржут надо мной. На фиг мне это надо. Я че, клоун?

— Над Саней тоже ржут, — парировал товарищ.

— Да мне по фиг. Ща я ему наваляю и в ютуб выложу. Вот тогда пусть и ржут над ним.

— Семен, — вмешался высокий парень из банды зомби-летчика, — парень дело говорит. Фиг ли злиться? Конечно, не бомба ютуба, но видос прикольный. Может, даже за лям просмотров наберет.

— Да мне по фиг, — не унимался зомби-летчик, — хоть два. Этот чепушило у меня получит.

Парни уже явно не поддерживали настрой зомби летчика. Мол, это наши личные терки. Нам вдвоем и разбираться. Но за рулевого был Новиков.

— Слушайте, давайте так. Я понимаю твои претензии, — обратился он к Семену, — и вполне их разделяю. У вас, парни, есть что предъявить?

Парни замычали в ответ.

— Ну, и вот. Отлично. Я, например, к этому делу вообще отношения не имею. Меня там не было.

— И че будем делать? — спросил зомби-летчик.

— Предлагаю так. Ты вломишь разок Сане, и расходимся.

— Разок? — скривился Семен.

— Новиков, ты охренел? — Моему возмущению не было предела. — Че за подстава? Разрулил. Второй вообще слинял. Товарищи...

— Сань, без обид, — развел руки «рулевой», — ты накосячил, все по делу. Только не перестарайся. — Это он уже Семену.

— Ща тебе так вломлю, без зубов останешься.

— По лицу как-то не того, — возразил Новиков. — Может, пендель?

— Ха! — только и ответил он.

— Парни, давайте быстрее. — Снова вмешался высокий парень. — Там вон уже менты на нас с интересом поглядывают.

Вот что за денек? Мало того, что с фильмом полная лажа, я еще в ютуб попадаю, Серега в больнице лежит, а очень скоро и мне, видимо, придется оказаться в соседней палате.

Но бить этот Семен ни фига не умеет. Он поплевал на руки, громко выдохнул и двинул мне в висок. Мне даже больно не было. Наваял бы он мне, как же. Только повозмущаться как следует мне не удалось. Практически в ту же секунду доблестные представители обожаемой всеми нами полиции кинулись в нашу сторону.

Убегая от представителей закона, я чувствовал себя персонажем какого-нибудь голливудского детектива. К сожалению, это не придавало мне ни сил, ни скорости. Все-таки смотреть погоню на экране куда спокойнее, чем участвовать в ней самому. Тут же сердце колотилось, как барабаны группы «Sum 41». Новиков бежал рядом и улыбался. Чему тут радоваться? Хотя ему-то что. Его-то не бил Семен. Говорю же, ударил он, как девочка, это более унижительно. И тут я разозлился на Саню и свернул в другую сторону, забежал в какой-то двор и вошел в магазин.

На этом погоня закончилось, а настроение вконец испортилось. Больше делать кино мне не хотелось. Ну, неспроста все это. Раз не получается ничего, значит, не надо. Закрытый путь. В магазине я купил коньяк. И первый глоток сделал прямо в магазине.

У подъезда меня ждали Новиков с Марком. Даже слов не хватит высказать, как я был зол на эту парочку.

— Долго ты, — как ни в чем не бывало сказал Марк и поправил капюшон.

Я промолчал.

— Сань, ты чего? — удивился Новиков.

— Ничего, — буркнул я, — пройти дайте.

— Какой пройти? Он тебе память, что ли, отшиб?

— Отшиб. Да у меня соседская девочка и то сильнее бьет, она в третьем классе учится.

— А синяк не хилый, — заметил Марк.

— С тобой я вообще не разговариваю.

— С чего это вдруг?

— С того.

— А, ты из-за этого? Так че мне было делать? У меня камера, между прочим. Она и так глючная, а так вообще потерять могли.

— Ну-ну...

— И потом. Я думал, все вместе рванем.

— Мы вот не рванули. У кое-кого длинный язык оказался. «Сань, все по делу». Может, мне тоже тебе вломить разок?

— За что?

— За то, что товарищ такой хороший.

— Не, ну а че, так бы нам вообще наваяли, — возмутился Новиков. — А так все обошлось малой кровью. Сам же говоришь, он еле ударил.

— Ну вас на фиг.

— Подожди, ты куда?

— Домой.

— Какой домой? А кино?

— Кина не будет?

— Что значит не будет? — удивился Марк. — Вообще-то мы тут сняли кое-что, пока тебя ждали.

— На ютуб выложите. А фильма не будет. Я задолбался.

— Задолбался он, — возмутился Новиков, — ниче, что мы втроем за это дело взялись?

— Я — режиссер!

— Вот и веди себя как режиссер, а не как истеричка.

— Сам ты истеричка.

— Я-то как раз нет, — заявил Саня. — Твоя идея была, между прочим. Из-за нее человек в больницу попал. Мы с Марком непонятно ради чего пыжимся. Но раз уж мы втроем подписались на съемки твоего гениального фильма, то будем втроем работать до победного конца. Ясно тебе? А свои «я задолбался» можешь засунуть себе куда подальше. Ты не телка какая-нибудь, а пацан, вот и будь пацаном. Сказал — сделал. Или хочешь, чтобы мы вдвоем с Марком все сняли и без тебя выиграли твои Канны?

— Да, — с вызовом добавил Марк.

Не скажу, что это была сверхпафосная речь, так обожаемая Голливудом, но Санины слова действительно встряхнули меня.

— Да ладно вам, пацаны. Ну, погорячился немного. С кем не бывает? — стал оправдываться я.

— То-то же.

— Так ты с нами или как?

— С вами, конечно. Сань, ты прав, мы обязательно доделаем «То, что нас ждет».

Мне даже интересно стало, что вы там наснимали.

— Интересно ему, — пробурчал Новиков.

— Ща покажу, — улыбнулся Марк.

И показал. На экране стоял паренек и слегка пританцовывал на месте.

— Ну, и на фига вы сняли Стасика?

— Ты его знаешь, что ли?

— Нет, не знаю. Двумя этажами ниже живет. Конченный урод. В топку его.

— Не, не. Ты послушай, прикольно. Он зато в апокалипсис верит.

И я послушал. Типичный бред. Стасик, похихикивая, отвечал на вопросы Сани. Да, он верит, что конец света неминуем и наступит 21 декабря. «Прилетит куча инопланетян на своих похожих на гигантские матрешки звездолетах, из которых выйдут такие же огромные, как Николай Валуев, инопланетосы, только с четырьмя головами и кактусами вместо рук, и начнут всех отстреливать из своих мегабластеров». Но Стасик готов к их приезду, так как скупил кучу плакатов Филиппа Киророва. Ведь единственное, чего они боятся, это портреты Филиппа Бедросовича. И дальше в таком же духе.

— И что здесь прикольного?

— Ну как, — удивился Саня, — смешной Стасик. Верит в апокалипсис и главным в жизни сгущенку и тортики считает.

— Нет. Мы не будем рекламировать уроды. И вообще. Ничего вам доверить нельзя. С этой минуты никакой самодеятельности!

— Тиран, — возмутился Марк.

Парни, конечно, обиделись, но иначе никак. Режиссер должен быть жестким. И я проявил жесткость. Мы пошли и стали снимать. Но, как обычно, ничего путного не вышло. И персонажи не яркие, и в конец света не верил никто, и видео

в ютубе все подпортило. Нет, в этой жизни не все так просто дается, как нам хотелось бы, но и тем приятнее добиваться цели.

Мы распрощались до завтра и договорились в обеденный перерыв Сани поснимать еще немного. Довольный Новиков побежал к Снежане, а мы с Марком по домам.

Я снова включил компьютер. Решил пересмотреть ненавистное видео. А оно, как назло, стремительно наращивало популярность. Вот бы мышцы так росли. Под видео стояло 318 569 просмотров. Нет, ну, забавно немного, но только из-за песенки. Все остальное же... Ну, подумаешь, зомби, подумаешь, упали, ну, драка — чего тут особенного? Пока я пытался убедить себя, что это до жути переоцененное видео, количество просмотров возросло до 319 037. Ну, бред же. Бред. Что происходит с этим миром? Кошечки, собачки и просто океан человеческой тупости вызывают у всех дикий восторг. Да лучше бы картины Ван Гога смотрели. Так и представляю себе битву «Шедевры искусства против фоток домашних питомцев». Кто больше наберет лайков?

Чтобы успокоиться, я включил «Зеленую милю». Вот это кино! Настоящий кайф, я даже всплакнул в конце. Он же реально был не виновен.

В девять утра меня разбудил звонок. Я так рано не встаю. Я, конечно, понимаю, что многие просыпаются в шесть, а то и раньше, но это как раз преимущество фриланса — вставай, когда хочешь. Так что для меня девять часов — это раньше и придумать нельзя. Покрыв отборным матом телефон, я ответил на вызов.

— Да.

— Александр?

— Да.

— Здравствуйте.

У девушки был приятный голос, но я все равно едва не кипел от злости.

— И вам того же.

— Меня зовут Валентина.

А в трубке уже журчало типичное женское бла-бла-бла. Все пересказывать не буду, но суть в том, что эта самая Валентина работает журналистом на местном «типа телевидении», она посмотрела ролик про «зомби-домино» и вот путем немыслимых усилий ей удалось узнать мои имя и контакты. Теперь она просто жаждет со мной пообщаться, типа взять интервью и все такое.

— Когда вам будет удобней встретиться? — спросила она.

А я еще не переварил и первых десяти слов ее тирады, поэтому тупо молчал, пытаюсь сообразить, что ей от меня нужно.

— Александр.

— Что? — не сразу ответил я.

— Может быть, вы заняты?

— До пятницы я совершенно свободен, — зачем-то ответил я.

— Отлично! Тогда давайте сегодня. В полчетвертого вас устроит?

— Наверно.

— Прекрасно. Значит, записываю: «В пятнадцать тридцать — встреча с Александром». Давайте в парке у памятника Пушкину.

— Давайте.

— Ну все, замечательно. До встречи.

— Погодите. А как вы меня узнаете?

— Поверьте, я вас точно узнаю.

— Угу, а как я вас узнаю? Не очень хочется ходить и спрашивать всех: «Вы Валентина?»

— А вы — смешной, — сказала она и повесила трубку.

Ну, чертова популярность. Еще не снял кино, а уже началось — звонки, интервью, и главное — утром. Я, конечно, попробовал снова уснуть. Ха-ха, мечтай дальше. Во-первых, с перебитым сном трудно договориться, а во-вторых, уснешь тут, как же. Звонят всякие Валентины и назначают встречи. А я, может, не хочу никаких интервью.

Проворочавшись с четверть часа, я встал, для чего-то долго смотрел на себя в зеркало, затем сварил кофе и пил, громко прихлебывая, из чашки. Ну, а фиг ли? Живу один, что хочу, то и делаю, хоть в килте разгуливай, хоть без. Сел работать. Не работается. Валентина. Вот ведь, а.

Пошел в ванную, принял душ, посмотрел в зеркало и встал под воду еще раз. Долго с усердием тер себя мочалкой.

В сквере у памятника Пушкину.

Может, розы купить? Или гладиолусы?

Какие гладиолусы? Это ж не свидание.

А что надеть?

Ну все, приплыли. Триста лет не встречался с девушками. Что надеть? Убожество.

У Сани все еще занято. Птица-говорун. Мурлыкал небось со своей Снежаной.

А на часах всего пол-одиннадцатого. Еще, что ли, разок помыться?

Не стал. Решил позавтракать.

В холодильнике три яйца, доширак и пиво.

Пиво!

Рука машинально потянулась к бутылке.

Но Валентина, Валюшечка, Валек.

Пиво или Валентина? Пиво или Валентина? Пиво или? Фара. Тяжело. Решил: яйца на сковородку, пиво подальше к стенке. Еще и этот, как его, фитоэстроген.

А вдруг она страшная? Ну, всякое же бывает. Имечко-то не самое лучшее. И тут же вспомнил. На первом курсе была у нас одна Валя, противная такая: толстая, с жирными волосами и огромным родильным пятном на ноге. Брр. Еще и потом от нее несло всегда. Хорошо, что не доучилась. Отчислили на первой же сессии. За драку с преподашей. Но это отдельная история.

А тут... Так-то в телик не берут абы кого, но на нашем, извините за выражение, ТВ возможно все. Яйца пересолил.

Вот щас позвоню и скажу, что все отменяется. А куда я позвоню? Домашний телефон без определителя. Засада. И топ-топ к холодильнику. Психанул, не выдержал. Подумаешь, бутылочка, ну две. До обеда выветрится.

И сразу хорошо...

Страшная? Да хоть и страшная. Это же не свидание. Просто не очень круто, когда тебя страшенькие интервьюируют. Это вроде как и сам ты так себе получаешься. Очень неприкольно, что я так себе получаюсь. Я, конечно, не Том Круз, но все-таки. В общем, хватит загоняться.

Пиво разнесло приятное тепло по всему телу, и стало так спокойно и легко. Валя, Валечка, Валюша. Валюша — звучит как-то по-извращенски.

Полез в шкаф. Фрака не оказалось. Неожиданно. Чтобы я, да без фрака? Позорище. Шорты, шорты, дырявые шорты, джинсы, еще одни, о, галстук. Вот это точно неожиданно. Не помню, чтобы когда-либо покупал эту удавку на шею. Наверное, подарили. Как пить дать — мама. С намеком, что пора взрослеть и устроиться на нормальную работу. В баню этот галстук. Вот гавайская рубашечка самое то. Типа я такой веселый — рубаха-парень. Эх, жалко, пиво кончилось.

Не, не вариант.

Просто черная майка. Ну такая, с огромным гамбургером на пузе.

Начал гладить. Гладил, гладил, гладил, водичкой поливал, надел, примазал волосы.

Ну, на фиг, извращение какое-то. Волосы разлохматил, майку помял. Вроде я такой слегка небрежный пофигист. Москва-стайл.

Буду брутальным. Подумаешь, журналистка. Вот Канны выиграю, и будет этих журналисток как семок в пакете.

Канны. И снова загрустил и психанул.

Канны для ванны.

Дозвонился до Сани, предупредил. Он повозмущался, конечно, но больше так, для виду. Сам небось побежит со Снежаной встречаться. Бегун. Тоже мне Усейн Болт.

Вышел, разумеется, раньше. Нужно было как-то прийти в себя. Правда, вместо этого я зашел в пивнушку, заказал пол-литра темного и даже стрельнул у бармена сигарету.

Теперь уж брутальней некуда. Сдувая с кружки пену, я снова попытался представить Валентину. Но делать это на хмельную голову, скажу вам, абсолютно бессмысленно. В тот момент даже спичка мне показалось бы эталоном красоты и грациозности. А если учесть, что бармен курил крепкие, а я так вообще только очень в редких случаях, то хорошо, что в баре никого не было. Иначе до парка я бы вовсе не дошел. Либо пил с мужиками, либо стал ухлестывать за местными «красотками». Чем я хуже Новикова? Он вообще только помреж, а я режиссер, да и в ютуб я попал.

В парке было немногочленно. Середина дня все-таки. Не все ж у нас фрилансеры. Иначе налоговая бы волосы на себе рвала. В парке все больше мамашки да студентки. Пригляделся, никто ко мне не бежит, не летит на крыльях ночи, значит, Валентины еще нет. Хорошо, хоть не хихикает никто и не тычет пальцем. Мамашки — не большие любители ютуба, некогда им фигню эту смотреть.

И тут голуби как заворкуют. Ох уж эти голуби, ну такие наглые стали, терпения не хватает. Мало того, что гадят, когда вздумают, на памятники вождей и классиков, так теперь чуть ли не из рук еду вырывают. И только я хотел послать их куда подальше, как раздался знакомый приятный голос:

— Александр?

Я повернул голову. Ну, не Шарлиз Терон, конечно, даже не Мила Йовович или хотя бы Снежана, но для нашего типа телевидения вполне годная девушка. Скажем так, в клубе она не была бы вариантом номер один, возможно, не была бы и вариантом номер два, но вариант номер три железно застолбила бы за собой. Да вполне ничего была эта Валентина, можно даже заявить, что симпатичная, если бы не родинка на носу. Причем на самом кончике. Я нагло пялился на родинку, но ее это не смущало. Правильно, чего смущаться? Ее ж по ящику показывают. Привыкла уже.

— Валентина? — на всякий случай уточнил я.

— Узнали? — засмеялась она. Смех у нее тоже на троечку. И протянула руку.

— Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Сергей Бондарчук? Нет. Юрий Никулин? — зачем-то вспомнил я и пожал ей руку.

Она снова засмеялась. А я почему-то представил, как голубь клюет ее прямо в нос и в темечко...

— Так вот вы какой, «зомби-домино»!

— Я не зомби, — сказал я, а сам подумал: «Клеится, что ли?»

— И хорошо, что вы не зомби. — Снова хихиканье.

Точно клеится. Надо бы радоваться, но родинка эта. Я даже протрезвел.

— А где камера?

— Какая?

— Ваша. Вы же с ящика, то есть с телевидения.

— А Костя не может сегодня. Да и пока рано записывать. Я пока просто познакомиться хотела.

— В смысле просто познакомиться?

— У нас раз в месяц проходит передача «Солянка», молодежный формат, разные рубрики, репортажи, видели, наверное.

— Не-а, не смотрю телевизор.

— Жаль, посмотрите обязательно, интересная передача.

— Угу. И что там?

— Так вот, в одной из рубрик мы приглашаем гостей, представителей необычных профессий.

— Я фрилансер.

— Или просто интересных людей.

— А я интересный? — удивился я. — Вы же меня не знаете.

— Ваш ролик набрал почти триста тысяч просмотров.

— Уже больше.

— Тем более.

— И это не мой ролик.

— Какая разница? Вы же в нем участвуете?

— Участвую, да... — нехотя согласился я.

— Вот и прекрасно. Я думаю, что к тому времени, как будем готовить выпуск, уже больше пятьсот тысяч наберет. А это очень интересно. Еще никогда жители нашего города не добивались ничего подобного.

— А я чего-то добился?

— Вы такой смешной. — И родинка запрыгала вместе с носом. — Думаю, выпуск будет бомба.

— А вообще да, я, пожалуй, интересный.

— Вот так?

— Ну а че, то есть что. Я вообще-то режиссер.

— Неужели? И что вы сняли? — Она посмотрела на меня с неподдельным интересом.

Вот и зачем я это ляпнул? Какой я режиссер? Я еще даже ничего не снял. И в подтверждение моих мыслей она спросила:

— А что вы сняли?

— Пока только квартиру на четвертом этаже, — пошутил я. Петросян недоделанный.

Но она снова засмеялась. Слишком часто она смеется для тупых и банальных шуток.

— А вообще мы как раз с ребятами снимаем кино.

— Правда? Настоящее?

— Я вам больше скажу. Я обязательно выиграю Канн в этом году. — Откуда, откуда этот пафос взялся? Из-за пива, что ли? Или она мне так понравилась? Вроде нет. Я ей, может, и да, но она мне... Нет. Срочно нужно было заткнуться, но я продолжал: — Вот вы, кстати, верите в конец света?

— Вы про календарь майя?

Я кивнул.

— Нет. Мне страшно верить в такие вещи. Хочется еще пожить, сделать столько всего, посмотреть, путешествовать.

— Любите путешествовать?

— А вы нет?

— Да, как-то не знаю. Я всего два раза из нашего Мухосранска выбирался.

— Не говорите так, — обиделась она, — это не Мухосранск, конечно, мы не Москва и даже не Тюмень, но все равно хорошенький городок, уютный.

У нее даже родинка загорелась от возмущения.

— Вам виднее, — буркнул я.

— Расскажите лучше про ваш фильм.

И в этот момент голубь действительно сел к ней на плечо и со всего маху клюнул в голову. Я думал, что такое только в тупых комедиях бывает, но нет, черт возьми, реальный опухший голубь клюнул ее чертову голову со всей чертовой, вернее, голубиной силы. Она даже на асфальт села, то ли от боли, то ли от удивления. А голубь и не думал улетать. Я вскинул руки, чтобы схватить его, он попытался клюнуть и их, но с реакцией у меня оказалось все неплохо. А вот вопли у Валентины тоже на троечку, если не на двоечку. Она вопила, как ненормальная, которой совершенно неожиданно клюнул в голову огромный голубь, хотя, собственно, так и было. Как только Божья птица с дьявольскими замашками дала деру, Валентина схватила меня за локоть и посмотрела так, что я подумал, что конец света будет именно сегодня, более того, он уже наступил неминуемо и бесповоротно.

Вот же угораздило начать снимать кино, попасть на этот флеш-моб, засветиться на ютубе и согласиться на встречу в парке, кишашем неадекватными пернатыми товарищами. Хотя какие они нам товарищи после такого? И тут что-то влажное как шлепнется мне на руку. То ли кровь, то ли слезы, то ли голубиная месть, я не успел даже взглянуть, потому что нас окружили мамашки, студенты и другие случайные прохожие. А дальше все было как-то стремительно: такси, травмпункт, смех хирургов и медсестер: «Хорошая примета, богатой будешь», укол от бешенства, четыре шва, обморок, нашатырь. Все это время Валентина так и держала меня за руку, до обморока, разумеется. Сразу после которого я благополучно и смылся. Конечно, не очень хорошо было так делать, но все уже приняли нас за пару, а это очень, ну просто очень меня напрягало.

Вот поэтому я не люблю всякие свидания. Нет, конечно, они не все заканчивались подобным образом, но это точно тянуло на сцену из дурацкой и несмешной комедии.

Дома я снова открыл ролик. 452 724 просмотра. Люди, ну что с вами не так? Главное, что кто-то на этом наверняка еще и заработал. А мне какая польза от этого «зомби-домино»? Набрал Саню. Занято. Набрал Марка. Занято. Друг с другом, что ли, трещат? Что-то в последнее время они не хило так сдружились. Наверняка готовят заговор. Тоже мне Брут и Кассий.

Зазвонил телефон.

— Саня? — Новиков. — Что насчет завтра?

— Снимаем, что может быть завтра?

— А во сколько?

— А в двенадцать.

— Ну, ок. Марку я передам.

— Будь любезен.

— Ты, кстати, в курсе?

— Чего?

— Что у тебя уже полмиллиона просмотров?

— Да ладно.

— Ну, практически полмиллиона. Еще трех тысяч не хватает. Но такими темпами через час наберешь.

— Ну, круто. Я мегапопулярен.

Я повесил трубку.

Спалось не очень. Снилось, что голуби решили завоевать мир, садились всем на голову и клевали в самое темечко. Клевали, клевали, клевали, как будто у людей

росли семечки вместо волос. Может, именно таким и будет обещанный апокалипсис? Это былое настоящее безумие, и только Валентина с хладнокровием Терминатора в строительной каске и с пневматикой в руках возглавила восстание людей против взбесившихся пернатых.

Утром я выглянул в окно. Голуби кучковались на крыше соседнего дома. Ух, чтоб вам, разностики инфекций. Но они продолжали сидеть с невозмутимым видом.

Позавтракав, сел за работу и, к удивлению, плодотворно и с наслаждением потрудились, можно даже сказать, заработался и чуть не опоздал на съемки. Перед выходом надел кепку и темные очки. Вот совсем не хотелось, чтобы снова тыкали пальцем и смеялись. Маскировка спасла. До ребят добрался без происшествий. Марк, как всегда, поправил капюшон, а Саня опять смотрел ролик и пританцовывал.

— Пятьсот двадцать семь, — сказал Марк вместо приветствия.

— Мы уже начинаем гордиться, что знакомы с тобой, Санчас.

— Снимать давайте.

И мы снимали. Там снимали. Тут снимали. Везде снимали, только ничего хорошего из этого не выходило. Станных персонажей хватало: и парочка готов, и глупый хипстер, и даже какой-то поэт — любитель Бродского и Мандельштама, но все они были не интересны в рамках нашего фильма, не добавляли ему изюминку. Кино — это все-таки особенная атмосфера, и персонажи должны быть избранные, не как в «Матрице», конечно, хотя почему нет? Нельзя просто так понабрав чудиков и показывать полтора часа. Нужна какая-то фишка, а ее не было.

И тут снова зазвонил телефон.

— Алло, Александр? — Валентина.

И когда только я успел поделиться с ней номером своего мобильного?

— Валентина?

— Да. Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Согласен, беседа не самая интересная, но что вы хотите от разговора по телефону, когда оба собеседника не уверены, что разговаривают именно с тем человеком, к которому обращаются?

— Как самочувствие?

— Терпимо. Вы в курсе, что ваш ролик уже набрал пятьсот сорок три тысячи.

— В курсе. И это не мой ролик. Мы вчера это обсуждали.

— Вообще-то меня вчера голубь клюнул, — обиделась она.

— Я помню, поэтому и спросил про самочувствие.

— Спасибо. Так вот. Пятьсот тысяч — это уже солидно, поэтому мне удалось договориться с начальством, и они согласились на специальный выпуск «Солянки», посвященный только вам.

— Вот это честь, — ухмыльнулся я.

Она пропустила мимо ушей.

— Завтра съемка. Эфир на следующей неделе. В одиннадцать ноль-ноль можете?

— Я же фрилансер.

— Вот и отлично. Советская, тридцать пять. Приходите пораньше, пропуск вам выпишут, — и повесила трубку.

Я даже возразить ничего не успел. Мне оно вот надо? Передачи эти. Что я скажу, что темное люблю больше светлого? Или что нехорошо разбрасывать использованные презервативы, топите их в унитазе или выбрасывайте в мусорку? Или, а вы знаете, что скоро конец света, а вы ни хрена не делаете? Или про полку им рассказать? Про полку, пожалуй, что и можно. Вдруг у кого-то тоже есть такой шкафчик, чемоданчик, шкатулка или потолок, черт возьми, которые тоже чего-то ждут, а мой рассказ подвигнет их на что-то если не великое, то хотя бы уж достойное.

Все карты сбила своим звонком. Еще и пацаны стали докапываться, что за Валентина и что не так с ее самочувствием, не я ли причина ее недомогания? Ну, придурки, что с них взять? Короче говоря, на этом съемки и закончились. Я попросил Марка залить весь материал на комп, пора уже тщательнее отсматривать, что все-таки может нам пригодиться, а то время идет, а мы все еще ни гу-гу.

— Не вопрос, товарищ режиссер. Завтра к вечеру будет готово.

— Завтра?

— Конечно. Во-первых, все надо будет перекодировать, а во-вторых, у меня еще дела, — и загадочно улыбнулся.

Дела у него...

А вечером я неожиданно снова включился в работу. Выполнил все текущие заказы и с чувством гордости и облегчения лег спать.

Для нашего типа ТВ пришлось принарядиться. Даже галстук мамин нацепил. Подмигнул себе в зеркале — Рикки Мартин — и отправился покорять местного зрителя.

На проходной меня ждал сюрприз. Только он меня и ждал. Потому что ни пропуска, ни встречающих не было. Седой и тучный охранник со взглядом, будто все ему должны, причем не меньше миллиона евро, развел руками и сказал: «Я не в курсе, звони, выясняй, с кем ты там договаривался». Ну вот, опять какие-то препятствия. Я набрал Валентину. Она не брала трубку. Охранник не сводил с меня глаз.

— Не берет, — стал оправдываться я.

Он молчал.

Я нервничал, хотел уже было плюнуть и пойти обратно, но тут вместо гудка раздался знакомый голос:

— Александр?

— Пока еще да.

— Вы пришли?

— Да. Тут какая-то заминка. Меня охранник не пускает, говорит, нет никакого пропуска.

— Фу-ты ну-ты, простите ради бога. Совсем забыла. Совсем-совсем, ну, вы понимаете, меня же голубь вчера клюнул.

— Да я помню.

— Одну минуту, подождите, пожалуйста, у нас тут сумасшедший дом просто. Света, нужен пропуск, выпишешь? — И гудки.

В очередной раз встретившись взглядом с охранником, я улыбнулся и показал ему большой палец руки. Он нахмурился еще сильнее. Видно, я отвлекал его от важного занятия — отгадывания сканворда или чашки горячего чая.

— Еще раз простите, — раздался позади меня усталый голос Валентины. — Семен Петрович, это со мной.

— Пропуск, — буркнул охранник.

Она показала. Семен Петрович внимательно и неспешно его изучил. Видимо, раньше работал либо на почте, либо в гестапо. А может, и там и там. Неважно. Главное, что все-таки пропустил, правда отчитав Валентину:

— Плохо работаете.

— Простите, — пропела она и утащила меня вслед за собой, по дороге передразнивая доблестного и бдительного секьюрити.

— Вот взорвут вас, не так запоете, — неслось нам вслед.

Студия была небольшая. Это, разумеется, не «Пусть говорят», но она даже на «Смак» не тянула. Три на три метра максимум. Словом, «мечта» клаустрофоба. Продолговатый стол, несколько стульев и яркие лампы: софиты, или как там они называются? Оператор мало чем отличался от нашего Марка: толстовка, джинсы, растрепанные волосы. Тут же к нам подскочила какая-то суетная блондиночка.

— Александр, — представила меня Валентина.

— Ага, — прозвучало в ответ. — Повернитесь и закройте глаза.

Я повернулся, блондиночка прошла кистью с пудрой по моему лицу, затем проделала то же самое с лицом Валентины и даже, не глядя на нас, упорхала обратно.

— Не волнуйтесь, — проинструктировала меня Валентина, — представьте, что здесь никого нет, а мы с вами непринужденно, по-дружески беседуем.

— Главное, чтобы голубей не было, — ляпнул я.

Она недовольно посмотрела на меня, но промолчала. Затем усадила на один из стульев и попросила выключить телефон и ждать. Я выполнил ее просьбу и стал вертеть головой. Кто-то пил кофе, кто-то поправлял свет, кто-то подошел ко мне, поздоровался.

— О, это же вы?

— Я.

— Круто.

Оператор протяжно зевал, лениво прикрываясь ладонью. Наконец появился режиссер. Толстый, неуклюжий дедок с седой бородой и грязными волосами. Все тут же засуетились еще больше. Подбежала Валентина, стала указывать на меня, он равнодушно взглянул в мою сторону и отвернулся к оператору, тот стал что-то рассказывать, потом улыбнулся, режиссер что-то ответил, он засмеялся в полный голос и стал вертеть камерой в разные стороны.

Мне не понравился этот режиссер. Ему бы с охранником чаи гонять и ненавидеть всех, а не по съемочной площадке разгуливать.

Через десять минут все-таки началась съемка. Валентина села напротив меня, три раза громко выдохнула, подмигнула мне и начала тараторить. Она поприветствовала воображаемых зрителей (интересно, сколько их?), рассказала, что это уникальный выпуск, так как никогда раньше в истории «Солянки» (у нее большая история?), еще не было передач, посвященных одному событию. Затем рассказала про ролик, представила все тем же воображаемым зрителям. Режиссер достал электронную сигарету, начал дымить, оператор все так же зевал в ладонь, а Валентина стала расспрашивать меня про то, каково это чувствовать себя популярным.

— А я разве популярный? — удивился я?

— А разве нет? Пятьсот девяносто семь тысяч просмотров — это больше, чем все население нашего города.

— Ну да, если только так.

— Наверняка вас уже стали узнавать.

— О да. Только как-то невесело, когда в тебя тычут пальцами и ржут как припадочные.

— Правда ржут?

— Что я обманывать, что ли, буду? Правда. Я теперь кепку ношу и темные очки.

— Очень интересно.

— Очень, — кивнул я.

— Александр, а теперь раскройте тайну, из-за чего все же случилась ваша потасовка? Вам не нравятся зомби?

— А кому они нравятся?

— Многие считают, что они милые. Если они, конечно, настоящие.

— Я так не считаю. Но потасовка у нас случилась из-за кино.

— Какого кино?

— Мы снимаем кино.

— Ух ты, как интересно. А кто вы?

— Ну, мы... Студия «Сан Саныч пикчерз», — зачем-то снова ляпнул я. Ну, что за идиот?

— Никогда не слышала о такой студии.

— Потому что мы только-только появились.

И я не удержался и все-таки стал заливать про полку, про конец света и все остальное. «Вот это да», — только и повторяла Валентина. А режиссер ухмылялся и пренебрежительно пускал кольца дыма, особенно после того, как я сказал, что никакого сценария у нас нет, он по-простому нам не нужен.

— И вот подхожу я к нему и начинаю спрашивать.

— А почему именно во время шествия, а не после?

— Это же очевидно! — распылился я. — Гораздо эффективнее заснять толпу идущих зомби в фильме про апокалипсис, чем одного неказистого зомби-летчика.

— Сам ты неказистый! — раздалось где-то поблизости. И в студию влетел зомби-летчик. — Ушатаю.

Валентина улыбнулась, даже оператор приободрился. Значит, готовились заранее. Негодяи.

И зомби-летчик опять накинулся на меня. Мы начали толкаться. Разнимать нас никто не торопился. Режиссер даже руки потирал от удовольствия — рейтинги обеспечены. И вот пока мы толкались, до меня вдруг дошло: «А чего, собственно, мы опять толкаемся? Благодаря Сане мы уже все решили». И я опустил руки. Взял так и опустил. Он уставился на меня и тоже опустил руки.

— Мир? — протянул я ладонь.

— Мир, — не сразу согласился он.

Телевизионщики, конечно, не рассчитывали на столь быструю развязку, но не подали виду. Валентина усадила зомби-летчика и стала теперь допрашивать его. Оказалось, его зовут Колян, он работает в «Эльдорадо» и любит фэнтези. Мы поговорили еще о ютубе, о флэш-мобе и о кино, после чего Валентина сказала, что у них настолько хорошая передача, что два чуть ли не заклятых врага благодаря ним закопали топор войны и превратились в закадычных друзей. Это, конечно, она маханула, но главное, что наконец-то закончились эти съемки и можно было идти домой. Даже режиссер решил нам пожать на прощание руки. Я бы не удивился, если бы оператор еще пустил мужскую скупую слезу, но вместо этого он зевнул еще шире, чем раньше.

— А че-че за кино у вас? — допытывался Колян по дороге к проходной. — Реально снимаете?

— Реально.

— И что прям со мной эпизод тоже в кино войдет?

— Не знаю пока.

— Слушай, Сань. А может, это....

— Что?

— Ну переснимем тогда?

— Кого? Как?

— Ну, тот кусок. Я новое шествие организую, я могу, подойдешь ко мне, нормально побеседуем, как ты хотел.

— Это уже будет постановочно.

— Так в кино все постановочно.

— Не все.

— Ну давай без зомби. Просто снимете меня. Я давно мечтал в кино попасть.

Мечтал он. Какие же люди все одинаковые.

— В ютуб же попал.

— Не, это не то. Я нормально хочу. Я вообще талантливый, пластичный.

Только бы не начал танцевать. Только бы не начал. Но он начал. Подрыгался, как ужаленный электрошокером, и давай улыбаться.

— Ну как?

Я пожал плечами.

— Да мне все равно как, лишь бы сняться. Это мечта детства. Понимаешь?

— Ну, бывай, Колян, — стал прощаться я.

— Погоди, а номер?

— Какой номер?

— Твой.

— Зачем?

— Созвонимся, на съемки меня позовешь.

Вот жук, а. У них в «Эльдорадо» все такие, что ли? Пришлось доставать мобильник, обмениваться номерами.

На улице, к счастью, оказалось, что нам в разные стороны. Это было настоящее счастье. Почти сразу же зазвонил телефон. Соскучился, что ли? Но это была Валентина.

— Александр?

Это вежливость такая? Или она реально каждый раз не уверена, что звонит именно мне. Хотя точно, ее же голубь клонул.

— Да, я.

— Простите, что нормально не попрощалась, сами понимаете, работа.

— Понимаю.

— И за то, что вас не предупредила, тоже.

— Да ничего. Все нормально. Вас же голубь клонул.

— Это не из-за голубя, — обиделась она. — Это была идея режиссера. Хотел придать остроты через эффект неожиданности.

— Ничего. Переживу.

Хотя как сказать.

— Еще раз спасибо, что пришли.

— Не за что.

— Может, встретимся еще?

— Зачем?

— Посидим, кофе попьем. Мне как-то неудобно перед вами.

— Может быть. Когда?

— А вы когда свободны?

— Завтра.

— Ну, вот и отлично. Тогда завтра в восемь у парка. А нет, давайте не у парка, там голуби людей в головы клюют.

— А вы, кстати, не хотели снять сюжет про это?

— Хотела. Я еще и каску хочу купить.

Точно как во сне. Еще и восстание возглавишь.

— Давайте сразу в кофейне. «On соfe» здесь у нас неподалеку. Знаете?

— Знаю.

— Вот и прекрасно. — И отключилась.

Интересно, а завтра она в каске придет или нет?

Она пришла без каски. В довольно милom платье. С другой прической. Накрутила какие-то вавилоны. Не сказать, что это тянуло на номинацию преобразование года, но в целом достаточно ощутимая и приятная перемена. Даже родинка ее словно уменьшилась и поблекла. Должен сказать, что мы неплохо провели время. Она еще раз поблагодарила за согласие на съемки, сказала, что это будет отличный выпуск, стала расспрашивать про наше кино, я начал думать, что тоже попросится сняться, но нет, ничего подобного. Она оказалась настоящим киноманом, засыпала меня именами актеров и режиссеров, я их как-то не очень запоминаю,

особенно актеров, а вот она — настоящая киноэнциклопедия на шпильках. Даже про голубей мы не вспоминали, пока не вышли на улицу. Я уже поверил, что прекрасный вечер плавно перетечет во что-то большее, но на улице, у самого выхода из кофейни, стоя этих чертовых голубей вспорхнула прямо перед нами, Валентина стала испуганно уворачиваться, резко развернулась и воткнулась носом и лбом прямо в подоконник, закрыла глаза и шмякнулась на тротуар. Голуби улетели, похихикивая садистским смехом. Уверен, что слышал его.

И вот уже второй раз мы оказались в травмпункте. А мы даже не целовались еще. Со мной явно что-то было не так. Надо бы на досуге обдумать эту мысль. А пока врачи снова смеялись, глядя на Валентину, я чувствовал себя некомфортно, а она знатно расквасила свою мордашку. Лицо заплыло так, будто ее отдубасил Майк Тайсон на пару с братьями Кличко. Хорошо, что подоконник не оказался чуть ниже, а то бы она еще и пару зубов, если не больше, выбила. Ни о каком больше романтическом поцелуе под луной или хотя бы тусклыми фонарями и речи быть не могло. А жаль, вечер действительно складывался неплохо.

В этот раз я не стал сбегать. Усадил Валентину на такси, а сам на «одиннадцатом» отправился домой.

* * *

Следующую неделю мы что-то снимали. Новиков постоянно убегал к своей Снежане. Даже у Марка появились какие-то загадочные дела. Хотя подозреваю, что просто вышла новая игруха, на которую он тут же подсел — уж слишком усердно он поправлял капюшон, когда отпрашивался пораньше. Отснятый материал не вдохновлял. Такими темпами можно снимать десять лет. Нужен был крутой персонаж, действительно крутой, который бы запустил механизм истории на полную катушку, и кино задышало полной грудью, расправило плечи, наполнилось красками и ароматами. Вот такая непонятная образная хрень. Короче говоря, плохо все было с кино, и я опять начал сомневаться. А что если сценарий — это истинный успех фильма? Писать сценарий, что ли? Но я никогда этого не делал и даже не представлял, как это делается.

И вот наконец вышла наша передача. Не скажу, что это была бомба, как пророчила Валентина, но, во-первых, к тому моменту количество просмотров уже перевалило за семьсот тысяч, а во-вторых, известие о том, что мы снимаем кино, даже еще метим отобраться в Канны, не прошло незамеченным. Я бы даже сказал: навело некоторого шороху.

В тот же день мне позвонили из двух газет и попросили о встрече, чтобы взять у меня интервью. Сам не зная почему, я согласился, хотя мог бы просто сказать, что ошиблись номером. Затем позвонил Колян.

— Ну, как мы тебе?

— Нормально вроде. Я, правда, думал, поинтереснее будет. Монтаж у них корявый.

— Да ты что, вообще нормально. У меня даже директриса видела. За ручку теперь со мной здороваются.

— Ну все, жди карьерного роста.

— Ага. Что там со съемками?

— Пока никак. Но скоро, скоро.

— Ага, давайте, а то у меня уже руки прям чешутся.

Руки у него чешутся. Мозги не чешутся?

— Ладно, мне некогда. Поздравляю со славой.

Валентина тоже звонила. Рассказала, что лицо идет на поправку, тоже поздравила с выходом программы, а затем поделилась, что сама она не очень: кажется, у нее начинает развиваться орнитофобия. «Вы же помните, меня голубь клюнул, а потом еще эта травма». Бедняжка, даже на «вы» снова перешла.

— Но теперь не только голуби, но и маленькие воробьи вызывают у меня опасение. Про ворон я вообще молчу, — продолжала она свою исповедь, — от них меня в дрожь бросает.

— Печально.

— Даже не знаю, как на улицу теперь выходить.

— Все настолько серьезно?

— Да. Сестра купила мне каску.

— У тебя есть сестра?

— Есть. Я разве не говорила?

— Нет.

— А это что-то меняет?

— Просто ты не рассказывала про сестру.

— Вот рассказала.

Интересно, а у сестры тоже родинка на носу?

— Что-то мне поплохело. Пойду лягу.

— Хорошо, выздоравливай.

Я представил Валентину в красной строительной каске, передвигающуюся по улицам мелкими перебежками и прячущуюся за углом или внутри зданий при лубом шорохе, похожем на шелест крыльев, и мне стало весело. Может, бросить все и заняться ее реабилитацией и вернуть к нормальной жизни? Хоть одно стоящее дело в этой жизни. Ну, уж нет. У меня и так дел по горло.

Во-первых, заказчики словно обезумели и выслали аж семь предложений по работе. Два отменили сразу, а остальные были вполне себе ничего и по заданию, и по оплате. Бизнесмен, кстати, мне отказал, поблагодарил за попытки, но увы — у других варианты оказались поинтереснее. Так что уплыли мои пятнадцать косариков, а жаль. Впрочем, не удивлюсь, если никаких других вариантов и не было, а он просто-напросто меня кинул. Богатыми людьми так и становятся. Ну, и к черту его. Без работы же не сижу. А во-вторых, теперь от желающих сняться у нас в фильме не было отбоя. Все как с цепи сорвались, встречали нас на улице, узнавали.

— Это же вы? Вы, да?

— Кто?

— Ну, вы, которые кино снимаете. «Сам Самыч бичез».

— «Сан Саныч пикчерз».

— Да, это мы! — радостно закивал Саня. Название-то его.

— А вы тоже смотрели передачу с нашим товарищем режиссером? — уточнил Марк.

— Смотрели, смотрели, — несло в ответ. — Слушайте, а снимите нас тоже. Конечно, не в главной роли, но в каком-нибудь эпизоде, так хочется на себя на экран не посмотреть.

— Мне говорили, я фотогеничная.

— А я в школе в драмкружке занималась. У меня одноклассник режиссер. В театре, правда, работает. В последний раз из Нижневартковска звонил, с днем рождения поздравлял. Хотите, я вам стихи почитаю? Пушкина могу или Некрасова. «Крестьянские дети», — и шаркнула ногой, и отвела руку в сторону, и даже воздуха набрала в легкие.

— Не надо. Мы верим, верим. Марк, у тебя все готово?

— Всегда, товарищ режиссер.

И я задавал вопросы, они отвечали, недоуменно переглядываясь. Это явно было не то, что они ожидали от съемок.

— И это все?

— Все.

— Не очень-то на кино похоже. Я думала, дадите какие-то роли, надо будет сыграть. Страсть, там, или веселую встречу. Привет, подружка.

— Кино разное бывает. У нас о другом.

— Ну, а кому интересно про ваш апокалипсис? Глупости все это. И так понятно, что ничего не будет.

— Вот про это я и говорю. Живем так, будто никогда ничего не случится. Будто ни за что отвечать не придется, и вообще все для себя, любимых, лишь бы нам было хорошо, — не на шутку завелся я.

Ну откуда, откуда у людей эта нескончаемая тяга к известности? Лучше бы что-то великое сделали: человека из воды вытащили, преступление предотвратили или кровью с умирающим ребенком поделились. Но нет, мы лучше Глюкозу споем, а вы снимете.

Подумал о родственниках, и нате пожалуйста — затрезвонил телефон. Мама.

— Сашок...

Бесит это ее «Сашок»!

— А чего ж ты молчал?

— А что, нужно было кричать?

— Ну, кто так делает? Вечно у тебя все не по-человечески.

— Как я делаю?

— Сам на передачу сходил, и молчок. Если б не тетя Света, мы бы даже не узнали. Звонит, говорит, смотрите. А мы «Диалоги о рыбалке» смотрим. Что смотрите-то, спрашиваю. Сыночка вашего по телевизору кажут. Да ты что? На каком канале? На восьмом, говорит. Пока переключали, полпередачи прошло. Нашли все-таки. И правда, Сашок наш сидит с важным видом. А мы ни сном ни духом. Совесть есть у тебя?

— Есть, — буркнул я. Как школьника отчитывает.

— Ладно, хоть оделся поприличней. Галстук мой надел. Носишь все-таки?

— Ношу. Мам, ну что здесь такого? Вот событие, по ящику показали.

— А похудел-то как... Совсем не ешь?

— Мам, я набрал четыре килограмма.

— Да? Питаешься потому что неправильно. Гамбургеры эти ваши ешь.

— Они не мои, и я их не ем.

— Все равно ерунду всякую ешь.

— Не буду.

— А что за кино ты там снимаешь?

— Обыкновенное кино. Ты, что ли, смотреть будешь?

— Конечно, мы с отцом уже ролик твой посмотрели. Три часа искали, весь Интернет облазили, но нашли.

— Какие вы молодцы.

— Не пойму, что в нем хорошего, но раз всем нравится, значит, что-то есть.

— Я тоже не пойму.

— Только вот почему ты дерешься? Разве я учила тебя, что надо драться с людьми? И в ролике, и на передаче. Разве я растила хулигана?

— Ну, мам. Это же постановочно.

— Как?

— Постановочно. Не по-настоящему.

— Хорошо, хоть помирился с парнишкой, не стал позориться, а то совсем стыдоба. И в гости даже не заходишь. Зашел бы, борща поел.

— Некогда мне, зайду как-нибудь.

— Деловой какой.

— Я ж работаю. Еще и кино.

— Лучше бы ты на свидания ходил.

— Хожу.

— Правда? И когда ты познакомишь нас со своей невестой?

— Она не невеста. Я с разными хожу. Мам.

— Что мам, что мам? Тебе сколько лет уже? Пора жениться. Мы с папой внуков еще хотим понянчить.

— Вряд ли вам это удастся.

— Это еще почему? Ты, что, из этих? Из этих, да?

— Из каких этих?

— Тех, что, с парнями целуются.

— Ты что несешь? Нормальный я.

— Ну конечно, нормальный. А что не женишься тогда?

— Женюсь, женюсь. Сорок раз женюсь. Нормальный я.

— Сорок раз не надо. Один хотя бы женись. Мы в твоём возрасте...

Началось...

— Знаю я, что вы в моём возрасте теребонькались, как кролики.

— Сашок, ты что такое говоришь? — А сама давай улыбаться. Я даже через трубку почувствовал, как она бросает похотливый взгляд на батю и её рот растягивается, как «пружинка радуга», а то и шире. — Мы с папой любили друг друга и любим. А ты в церковь сходи.

— Зачем?

— Сходи, сходи. Боженьку попроси, пусть пошлет тебе хорошую, воспитанную девушку, а то страх подумать, с кем ты там на свидания ходишь.

У всех, что ли, мамы такие? Но моя точно верит, что если она не скажет мне, что делать, я лягу на полу и буду умирать, захлебываясь воплями ужаса.

— С нормальными я хожу. Но внуков вы все равно не увидите, потому что скоро наступит апокалипсис, и, кстати, огромное спасибо, что родила именно в этот день.

— Пожалуйста. Что? Какой апокалипсис?

— Обыкновенный. По календарю майя.

Но я даже не успел договорить. Она перебила:

— Ну все, «Битва экстрасенсов» начинается, потом созвонимся. Отец, включай «Битву экстрасенсов».

Зато у Новикова было все хорошо. Пришел довольный-предовольный. Сразу ясно — Снежана постаралась.

— Парни. Мы должны снять Снежану.

— Мы, кажется, уже обсуждали это.

— То давно было. И потом, Сань, после того, что у нас вчера с ней было. Я просто не могу отказать ей.

— Ты не можешь, а я могу. Я режиссер.

— А у вас что-то было? — оживился Марк.

— О, да... — Саня расцвел, как пион, и даже стал казаться шире и выше. — Сань, ну, она правда талантливая.

— Я рад за нее. И за тебя.

Все ясно. Все-таки уйти от штампа «в кино через постель» нам не удалось.

— Ну, правда, Сань, что здесь такого? Мы кого только не снимали. Снежана сто процентно не хуже них. Я же не прошу главную роль.

Еще бы ты просил. Только заикнулся бы.

— Что-то сомневаюсь, что ее устроит эпизод.

— Устроит. Она настолько яркая, что и в эпизоде запомнится, а дальше и главные начнут предлагать.

— Ой, да вы достали уже. Снимайте, кого хотите. Только главного героя мне найдите.

— Короче, ты не против?

Я махнул рукой. А парни стали радоваться, как дети. Ну ладно, Новиков, но Марк-то чем восторгался? Или втайне тоже на что-то рассчитывал. И не успел я начать размышлять о перспективах Марка, как появилась сама Снежана, обняла Саню и страстно поцеловала. Может, и правда неплохая актриса? Так изобразить страсть не у всех получится. Да и выглядела она действительно потрясающе, уж получше Валентины. Но мне стало как-то неприятно.

И я ушел. Саня стал возмущаться, мол, как же мы без режиссера?

— Обыкновенно как. Что снимать, вы знаете, ты помреж. Я вам доверяю, справитесь. А мне что-то поплохело. Голова раскалывается.

Я уже давно жалел, что ввязался во все это. Но дальше было еще жестче. Нет, не потому, что они сняли какую-то шляпу со Снежаной, рассказывающей нелепые истории (веселую и грустную) для раскрытия всего актерского диапазона, и не потому, что каждый второй теперь знал о нашем фильме и хотел в нем сняться, выискивая в себе всевозможные таланты, на фоне которых Колян автоматически превращался в Тома Хэнкса: кто пел, кто танцевал, кто садился на шпагат или играл на балалайке с закрытыми глазами — просто «Минута славы» какая-то, весь процесс стал неконтролируемым, и даже сам его величество мэр захотел с нами встретиться. Конечно, когда услышал про Канны, тут же вспылал желанием познакомиться. Я нашего мэра два раза всего видел. Первый на Дне города, когда он аж «Чай вдвоем» к нам привез, а второй на каком-то субботнике: я шел за пивом, а он в парке сажал дерево, копнул разок в окружении охраны и тут же ретировался. В отличие от нас, он человек занятой. Тут даже без вопросов.

Я долго сомневался, отвечать ли на незнакомый номер, но он настойчиво трезвонил, все больше и больше вызывая раздражение. Я не выдержал:

— Да!!!

— Александр Викторович?

Александр Викторович. Никто никогда не называл меня по имени-отчеству. Я почувствовал что-то неладное и уже менее уверенно ответил:

— Да...

— Прекрасно. Из администрации вас беспокоят. Вам удобно разговаривать?

— Из какой администрации?

— Города.

— Города? — От неожиданности я начал тупить похлеще Новикова.

— Да. Меня зовут Ольга, я секретарь Вадима Вадимовича.

— Какого Вадима Вадимовича?

— У вас отличное чувство юмора, — захихикала она.

— Да при чем здесь? Я просто не понимаю, какого Вадима Вадимовича.

Она перестала хихикать и возмущенно дышала в трубку, пыталась прийти в себя.

— Мэра, — наконец разъяснила она.

Мэра. Ну, надо же. А чего ж не Владимира Владимировича? Это ж сразу ух!

— Очень приятно.

— Взаимно. Я точно вас не отвлекаю?

— От чего?

— Мало ли. Вы же все-таки кино снимаете.

— Нет, не отвлекаете.

— Прекрасно. Тогда завтра в одиннадцать ноль-ноль. Вадим Вадимович ждет всех вас у себя в кабинете.

— Всех вас — это кого?

— Одну минутку. — Через десять секунд она ответила: — Компания «Сан Саныч пикчерз» — это же вы?

— Мы, да.

— Вот вас он и будет ждать, если, конечно, вас не пятьдесят человек.

— А если сорок девять?

— Остроумно. Честно говоря, я думала, что вас всего три-четыре человека. Я ви-дела вас на улице с камерой.

— Да так и есть. Нас всего трое.

— Вот и прекрасно. Извините, мне нужно работать.

Она продиктовала адрес и отключилась. Вот так, фильма еще нет, а нас уже мэр на ковер требует, небось начнет диктовать, про это не показывайте, этого тоже не надо. А вот патриотизму бы добавить. Как бы сам в кино не попросился.

От таких новостей парням чуть не снесло крышу.

— Мэр приглашает нас к себе.

— Вадим Вадимович? — восхитился Марк.

Я один, что ли, не в курсе, как у нас мэра зовут?

— Вообще улет! — Это уже Новиков. — Всегда хотел познакомиться с мэром.

— Зачем?

— Ну, прикольно же. Сидит он такой у себя в кабинете, а тут мы заходим, здрась-те говорим, и он нам руки жмет, присаживайтесь, говорит.

— Присаживайтесь, — оценил Марк. — И мы как плюхнемся на шикарный ди-ванчик.

— И он такой: «Катенька, сделайте кофе».

— Оленька, — поправил я.

— Неважно. И она такая: «С молоком?», а я: «С коньяком, пожалуйста».

И Саня опять стал показывать свои пантомимы, а Марк хохотал, поправляя ка-пюшон. Балбесы. Мне вот было не очень-то и радостно.

* * *

Ольга оказалась длинноногой фигуристой блондинкой лет тридцати. Впро-чем, именно такой я себе ее и представлял: на длинных каблуках, в простень-ком, но очень эффектном платье, с ярко-красным лаком на ногтях и маленькой, едва заметной мушкой над левой губой. Было бы удивительно, если бы мэр вы-брал себе в секретарши низкорослую пухлую сорокапятилетнюю тетку. На такое решился бы человек с очень хорошим чувством юмора, ну очень хорошим. Даже Новиков со своей Снежаной казался неудачником на ее фоне. Она улыбнулась и ве-лела нам ждать в приемной, а сама пошла доложить Вадиму Вадимычу.

Марк крутил головой в разные стороны и восхищенно вскидывал брови. Опять он в своем капюшоне. Мы-то с Новиковым принарядились, Саня даже пиджак вы-копал, а он притащился в неизменной толстовке. Нет, определенно на вручении «Пальмовой ветви» мы обойдемся без Марка. Смокинги и толстовка — не лучшее сочетание для подобного мероприятия. Но для него «стайл» превыше всего.

Дверь открылась, и Ольга выплыла из нее, как белое облачко, как будто была не на огромных каблуках, а в чешках или на пуантах. Я прикрыл челюсть Марка

рукой. Вот с кем бы пойти на свидание. Такую женщину ни один голубь на свете не посмеет осквернить своим клювом.

— Можете входить.

Саня щеманулся первым. Как бы он еще не умудрился закинуть ноги на стол. Я отодвинул Марка и последовал за Новиковым, который уже тряс, как ненормальный, руку мэра. Мэр был в шикарном костюме (кто бы сомневался), с большими пышными усами. Когда успел отрастить? Впрочем, с того самого субботника прошло больше двух лет. А руки у него мягкие (кремом, что ли, пользуется?) и рукопожатие некрепкое.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, — добродушно сказал он. — Наслышаны про вас.

— Неудивительно, — невозмутимо ответил Новиков.

— Приятно, — констатировал Марк.

Я промолчал.

— Вы, можно сказать, на уши всех поставили, — продолжил он, усаживаясь в свое шикарное кресло. — Присаживайтесь.

Мы сели. Кабинет не сказать, что был похож на Версальский дворец, но вполне просторный: огромный дубовый стол, возле которого, как положено, флаги, на стене портреты Путина и Медведева, на столе скромный портрет Вадима Вадимыча раза в полтора меньше, кресла по обеим сторонам от стола, огромный цветок, похожий на пальму, и здоровенная блестящая люстра, в театре такую видел. Как говорится, скромно, но со вкусом.

Дверь снова открылась, вошла Ольга с подносом в руках, расставила перед нами кофе на подставках и по конфетке «Белочка». Новиков подмигнул секретарше, не успел он с коньячком заказать. Зато выпендрился Марк: отхлебнул кофе, неспешно проглотил и, отодвинув от себя чашку, заявил:

— А можно мне чай?

Я чуть язык не откусил от его наглости. А мэр расхохотался.

— Оленька, сделай господину... — и посмотрел на Марка.

— Никулов, — сказал тот, привстал и наклонил голову.

Тоже мне гардемарин.

— Никулову чаек, — закончил предложение Вадим Вадимович.

Оля молча забрала чашку Марка.

— Без сахара, пожалуйста, — не унимался Марк.

— Хорошо, — и вышла.

— Ну-с, господа, наделали вы шума, — повторил мэр. Он оказался тот еще весельчак. Хотя чего ему горевать? У нас же в городе нет проблем, все прекрасно: дороги ровные, очередей в детские сады нет, дворы ухоженные, дома не рушатся, люди все довольные, никто без работы не сидит. Всем бы так.

— И что вы уже сняли? Переплюнули Тарковского с Феллини?

Вот что за? У нас что, больше режиссеров нет? Спилберг, Лукас, Кэмерон, Финчер, Земекис, Полански, Вуди Аллен. Нет, не слышали. Как кто-нибудь говорит про режиссеров, так это обязательно Тарковский и Феллини, ну Михалков еще.

— Пока немного.

— Как это немного? — возмутился Саня. — Вчера вот Снежану снимали.

— Снежану? — напрягся Вадим Вадимович.

— Ну да, мою девушку, — похвалился товарищ.

— Твою девушку? — еще сильнее напрягся Вадим Вадимович.

— Да, красивая такая, сногшибательная.

— Сногшибательная? — Вадим Вадимович стал уже пунцовым от напряжения.

— Рыженькая, — мечтательно произнес Марк.

— Ах, рыженькая, — облегченно выдохнул мэр. — Ну, раз вы сняли Снежану, значит, все нормально. — И снова хохотать.

— Маловато материала, — пожаловался я.

— А кому щас легко? Мне, что ли? — Едва не лопнул от смеха.

Зашла Оля. Он тут же принял серьезный вид, стал постукивать ручкой о стол.

— Без сахара, — сказала Ольга, ставя чашку перед господином Никуловым.

— Благодарю, — поклонился Марк

Он хотел было поцеловать Оле руку, но девушка ловко убрала ее и вышла из кабинета. Марк печально вздохнул и стал хлебать чай. Хорошо, хоть не причмокивал. Определенно в Каннах мы обойдемся без него. И, словно читая мои мысли, Вадим Вадимович задал следующий вопрос:

— А вы что же, серьезно, хотите участвовать в Каннском фестивале?

— Абсолютно серьезно, — ответил я.

— Похвально, похвально. Мы, так сказать, тоже не хотим быть в стороне. Готовы принять посильное участие.

— Это какое? — уточнил Саня.

— Любая помощь с нашей стороны и с моей лично. Кроме финансовой.

— У-у-у. — Наши лица тут же скисли, не успев растянуться.

— Ну, тут вы сами виноваты. Это ж такое дело. Надо было раньше говорить. Мы бы заранее все просчитали, выбрали грантик какой-нибудь или в бюджет заложили. А так денег нет, так что не рассчитывайте, ребята.

Да мы и раньше не рассчитывали. Более того, не мы за помощью обратились. Ваша инициатива была. И тут до меня дошло. А мэр-то молодец. Пиарится, как может.

— Нет, можно, конечно, поискать меценатов, объяснить им, что не каждый день у нас кино снимается, тем более с такими амбициями. Вам, кстати, много надо-то?

— Миллиона два.

— Три, — поправил Марк.

Во наглые. Какие три миллиона? Мы бесплатно все снимаем.

— Долларов? Евро?

— Да можно рублей, — ответил Саня.

— С рублями, конечно, попроще. Хотя времена тяжелые. Сами, понимаете. — Развел руками Вадим Вадимыч.

А когда они были простыми? Тем более у тех, у кого просят денег. У них всегда сложные времена.

— Да не надо нам никаких денег.

Парни посмотрели на меня, как на фаната Любви Успенской, а вот мэр расцвел, как Гефсиманский сад. Разве что в ладоши не начал хлопать и плясать, как Майкл Джексон. И тут я вспомнил о Сереге. Долгое время не вспоминал, а тут раз и вспомнил.

— Хотя вы все-таки можете нам помочь.

И мэр снова напрягся. А парни не сводили с меня глаз.

Я рассказал про Серегу. Что это чистое недоразумение. Ну, выпил человек, с кем не бывает, но действовал он исключительно из добрых побуждений, к тому же забрать хотел только свою камеру. А деньги обязательно внес бы, только позже. Поэтому будет совершенно несправедливо, если он все-таки получит срок.

Вадим Вадимович нахмурился еще сильнее и замолчал. Теперь мы с Саней уставились на него, как хипстеры на «Черный квадрат» Малевича, а Марк спокойно хлебал свой чай.

— Двести восемьдесят пятая или двести восемьдесят шестая? — наконец задумчиво произнес он.

— Чего?

— Злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, — разъяснил мэр. — Все время путаю. Нет, все-таки превышение. Двести восемьдесят шестая.

— Так серьезно? — удивился Новиков.

— А ты думал? До десяти лет.

— А я думал, у вас, как у депутатов, неприкосновенность и все такое.

— Еще какая неприкосновенность, — сказал Вадим Вадимович и вздохнул.

— Но ведь Серега, правда, не виноват, — стал снова упрашивать за товарища я.

— Взлом был?

— Был.

— Значит, виноват.

— И ничего нельзя сделать?

— А можно мне еще чаю?

Этот Марк, я чуть не убил его.

— Можно. Оленька, будь добра, еще чайку для господина Никулова. — Связался он с секретаршей по устройству офисной связи.

— Спасибо, — закивал головой господин Никулов.

Прям собачка с панели автомобиля.

— Как помочь? — начал размышлять Вадим Вадимович. — Высечь розгами, чтобы больше так не делал. — И снова как загогочет. — Можно, конечно, Петрова подключить.

— А это кто?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Мне бы его оптимизм.

— Адвокат мой. Ладно, что-нибудь придумаем, не впервой.

А дальше мы еще немного полялякали, он расспросил нас про кино, мы его про работу в администрации, потом на две минуты забежали местные телевизионщики и засняли, как мы жмем друг другу руки, и мигом сбрызнули обратно. После чего Вадим Вадимович намекнул нам, что он хоть, как и все люди, любит полениться, но он как-никак мэр, а мы и так отняли у него изрядно времени, поэтому пора нам и честь знать, и пообещал еще раз подумать, как можно облегчить участь Сереги.

— Нормальный мужик, — заявил уже на улице Новиков.

— А секретарша какая. Улет. Очень фотогеничная. Зря только от денег отказался, товарищ режиссер, нам бы не помешали.

— Не помешали. Только бы он все равно не дал. Что, вы политиков, что ли, не знаете? Обещают охотно и много, а делать никто не делает.

Хотя насчет мэра я все-таки ошибся. Просьбу насчет Сереги он выполнил, причем довольно быстро. Уже через три дня состоялось судебное заседание, по итогам которого Серегу признали виновным по статье 158 (кража со взломом), но меру наказания выбрали наилегчайшую — девяносто один день исправительных работ. Все-таки наш суд — самый гуманный суд в мире. Ну, и Вадим Вадимович, конечно, молодец. Более того, нам даже новую камеру подарили. Даже не помню, когда Марк успел про нее заикнуться. Но порадоваться как следует он не успел. Я потребовал вернуть камеру в магазин Марка вместо нашей. Парни, разумеется, возмущались, но зато совесть теперь была окончательно спокойна. Карму я почистил основательно.

Вечером показали наши посиделки с мэром. Тут же зазвонил телефон.

— Сашок?

— Ты опять?

— Что опять?

- Ой, ну тебя. Ты почему опять ничего не сказал?
- Про что?
- Что ты из телевизора теперь не вылезаешь.
- А, ты про мэра? Мам, прости, во-первых, столько дел навалилось, ничего не успеваю, а во-вторых, я сам не знал, когда это все покажут. И что там, интересно?
- Интересно. Все звонят, поздравляют, Сашок-то теперь знаменитость, а мне и ответить нечего.
- Прости, все как-то спонтанно получилось. У меня не было записано в ежедневнике «стать знаменитым и поставить маму в неловкое положение».
- Я надеюсь на это, Сашок.
- Так и есть. Я приду как-нибудь к вам с папой и все расскажу.
- Хотя рассказывать-то особо нечего.
- Уж будь любезен. Завтра приходи на праздничный ужин.
- Завтра не могу. Я позвоню, как смогу.
- Ах, ну конечно, ты же теперь у нас такой занятой, каждый день, наверное, с мэром видишься. — Но злобы или обиды в ее голосе не было, скорее, даже наоборот.
- Я приду, обещаю. — И положил трубку.
- Все-таки не так уж и много надо нашим мамам для радости.
- А телефон уже трезвонил по новой. Забыла, что ли, чего? Но это была Валентина.
- Александр?
- Валентина?
- Вы меня помните?
- А с чего я мог вас забыть? И мы, кажется, переходили на «ты».
- Кажется, но я не уверена.
- Я уверен.
- Хорошо, тогда давай опять перейдем. Видела тебя по телевизору.
- Я тоже видел тебя по телевизору, — пошутил я.
- Меня пока не показывают. Я не выхожу из дома.
- Так и не выходишь?
- Так и не выхожу. Но мне лучше.
- Поздравляю.
- Правда, у нас на чердаке появились голуби. Так и слышу, как они топчут и воркуют. Но я борюсь с собой, слушаю аутотренинги.
- Молодец.
- Нет, это ты молодец. Не каждый день мэр желает с кем-нибудь познакомиться и приглашает к себе.
- Ну да, мы избранные.
- И помощь не всем оказывает.
- Ты чертовски права.
- Так что ты действительно молодец.
- Спасибо.
- В понедельник у меня заканчивается больничный.
- Так быстро?
- Да. Гематом почти не видно. Сестра принесла мне еще петарды.
- Зачем?
- Так, на всякий случай, — загадочно произнесла она. — Может, еще увидимся?
- Вот бы сказать твердое и бескомпромиссное «нет», но я ответил:
- Да, конечно, можем увидеться.
- Совесть во мне, что ли, взыграла? Или это откровенная тупость?
- Отлично. Тогда созвонимся. Еще раз поздравляю с эфиром.

— Спасибо.

Нет, наверное, меня все-таки тоже клюнул голубь, а я не заметил.

Может быть, позвонил бы и Колян, но я отключил все телефоны, заправился пивчанским и стал пересматривать «Бэтмен: начало» Нолана. Фильм не зря был в топе кинопоиска и в моем личном рейтинге тянул, как минимум, на девять баллов из десяти.

Коленька не звонил. Какое счастье! Ни на следующий день, ни через два, ни даже через месяц. А причина оказалась простой, но весьма неожиданной. Он сам решил снимать кино. И не только он. Коротенький репортаж о нашей встрече с Вадимом Вадимовичем настолько взбудоражил наш Мухосранск, что чуть ли не каждый второй взял в руки камеру и почувствовал себя Квентином Тарантино. Это был настоящий кинобум. Не знаю, что они снимали, но ходить по улицам стало невозможно: куда ни плюнь, везде были люди с камерами.

Парней это дико бесило, а вот меня, напротив, невероятно радовало. Во-первых, я своим примером смог зародить целое движение, а во-вторых, все наконец-то забыли про ютуб и перестали воспринимать меня как «парня из ролика про зомби-домино», хотя к тому времени он уже вплотную приблизился к отметке в миллион просмотров. А конкуренция меня не пугала. Наоборот, так даже интереснее. И теперь я твердо знал, что отступать некуда и я во что бы то ни стало должен довести до финального монтажа «То, что нас ждет» и получить эту злосчастную «Пальмовую ветвь».

Мне даже сон приснился, что мы находим наконец-то нужного персонажа и все идет как по маслу. Я был уверен, что сон вещий, хотя я не очень-то в них верю, но все именно так и вышло.

Мы договорились встретиться в одиннадцать возле фонтана. Есть у нас такой светомузыкой. Просто плиты, из которых бьют струи. Верх архитектуры, короче говоря. Правда, детям самое то: весело и бегать удобно, но как кинообъект так себе, может, поэтому возле него никто и не снимал.

Саня опоздывал, а Марк, видимо, продолжал дуться на меня. Мы молча смотрели, как резвятся дети, Никулов поправлял капюшон и пинал валяющиеся под ногами камушки.

— Четыре съемочные группы встретил по дороге, — наконец не выдержал он.

— Я три.

— И того семь.

— Да пусть снимают. Все со сценариями, что ли?

— Не знаю.

Разговор не клеился.

— У одних видел «марк два», чуть слюнями не захлебнулся.

— А нам и одного Марка вполне хватает.

Он оценил шутку. Изобразил что-то похожее на улыбку. А тут и Новиков подоспел.

— Саня, я знаю, что ты зол, но у меня есть оправдание. Угадай, кого я видел?

— Серегу, что ли? И чего он, где?

— Да тут рядом, пошли покажу.

Сергеа косил газон в парке неподалеку. Делал он это с таким кислым лицом, что невольно хотелось заснять эту сцену и выложить на ютуб. Даже мне.

— Сними, сними его, Марк, — командовал Саня.

Марк нехотя расчехлил камеру. А я смотрел на Серегу и улыбался. Мне было приятно его снова видеть, к тому же не в тюремной робе, как могло бы быть, а с газонокосилкой наперевес. Приятно, что есть такие люди, готовые прийти на выручку по первому же зову, как он. И есть такие люди, как Вадим Вадимович, пусть

и не с самым лучшим имиджем и репутацией, но все же способные на добрые поступки. И хотя траву Серега стриг медленно и неровно, он занимался полезным, действительно полезным делом.

Мне захотелось вознаградить его за мучения. И так как общественность вряд ли бы одобрила распитие спиртных напитков в рабочее время, пришлось обойтись мороженым.

На этот раз Серега не стал делать вид, что мы не знакомы, а, напротив, очень обрадовался нам.

— Парни, спасибо, спасибо вам!

— Да брось, Серег. Какой спасибо. Из-за нас ты, можно сказать, и загремел. И потом, все равно не мы, а Вадим Вадимович тебя вытащил.

— Мэр, что ли?

— Ну.

— Ну все, теперь точно пойду на выборы. Проголосую за него обязательно.

Погода была прекрасная. Светило яркое солнце, пахло свежескошенной травой, мы ели мороженое и улыбались. Четыре, можно сказать, здоровенных лба (Марк тянул на такое звание с натяжкой) ели мороженое, которое было вкусным, как в детстве, если не вкуснее, и липким, и тут появился он.

Персонаж. Совсем как во сне. Невысокий, лысеющий парень лет двадцати семи, со щербинкой между зубов и мощными ладонями. Он шел в быстром темпе, сильно размахивая руками и что-то бормоча под нос.

— Снимай, снимай скорее! — затормошил я Марка.

— Кого? — Уставился он на меня, как двоечник на учителя, вызвавшего его к доске. У него даже мороженое капнуло от возмущения на землю.

— Его снимай, че тупишь?

— Да нужен он.

— Снимай, я сказал! — И мы побежали.

Заметив нас, он обернулся и тоже прибавил ходу. Бежал и оглядывался, бежал и оглядывался, и вдруг как шмякнется об столб. Надо его с Валентиной, что ли, познакомиться? Но, к счастью, все закончилось не так уж страшно: ни выбитых зубов, ни гематом на пол-лица, ни сотрясения мозга. Он продолжал что-то бормотать. Я прислушался.

— Сам ты косой, нет, сам ты косой, нет, сам ты косой, нет, сам ты косой.

Но встав на ноги, он замолчал и стал внимательно нас разглядывать.

— Это чего это вы тут? — наконец улыбнулся он.

— Да так, снимаем.

— Это меня это снимаете?

— Сейчас да.

— А зачем это вы меня снимаете?

— А вы разве нас не знаете?

— Нет. Иду себе, это, никого не трогаю. А тут раз, как это, побежите.

— Мы же «Сан Саныч пикчерз». Нас весь город знает. — Саня даже на пару сантиметров выше стал казаться.

— Кино снимаем. — Улыбнулся Марк.

— Кино? Это что, настоящее?

— Да.

Помреж с оператором с трудом сдерживали смех, понятно, что они приняли парня за слабоумного. А для меня было очевидным, что он просто на своей волне. Всегда и везде. И это наши проблемы, что мы живем на других частотах и слушаем иные радиостанции.

— Можно на «ты»?

— Можно.

— Отлично. — Я подал знак Марку, чтобы продолжил съемку.

Саня стал следить, чтобы посторонние не попали в кадр. А я задал первый из четырех вопросов:

— Веришь ли ты, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Это когда будет?

— 21 декабря 2012 года.

— Это так быстро? — Почесал он затылок.

— Да. Так веришь?

— Абсолютно.

— А готов ли ты к апокалипсису?

— Апокалипсису — это чего?

— К концу света.

— А-а-а, это нет, конечно. Нет. Не готов же. А-а-а. — И он снова рванул со всех ног.

— За ним! — скомандовал я.

На этот раз он бежал гораздо быстрее и вовсе не оборачивался. Правда, быстро выдохся, остановился и повернулся к нам. А может, передумал. Молчал.

— Что ты будешь делать 21 декабря 2012 года?

— Я знаю, что я буду делать. — Но так и не ответил.

— Ну, допустим, а что самое важное в твоей жизни?

— Важное? Это... Это Таня... — И его глаза сверкнули, как падающие звезды, и прослезились.

Честно скажу, меня самого чуть в дрожь не бросило. Так просто и так сильно оказалось это его «Таня». Новиков вообще чуть не разрыдался. Вспомнил, наверное, про свою Снежану, Марк вспомнил про секретаршу Оленьку, а я вот не хотел вспоминать про Валентину. Ну, очень не хотел, просто катастрофически не хотел. А вспомнил...

Я стал расспрашивать, что за Таня, но он ни в какую. Вообще диалог разладился, и было уже как-то неудобно продолжать съемку, но я не мог успокоиться и на этом все закончить.

В итоге он все-таки сообщил, что зовут его Олег, что Таня теперь живет в Саратове и что он почти забыл про нее, но своими вопросами мы, «это, напомнили про нее», и теперь Олег места себе не найдет, если не увидит Таню до чертова конца света, и что он «абсолютно» не против, если мы будем следовать за ним с камерой. Мы договорились встретиться завтра, и он ушел, все так же размахивая руками. Впервые за долгое время, я искренне улыбнулся и копчиком чувствовал, что моя полочка делала в тот момент то же самое. А вот парни не разделяли моего оптимизма.

— Фрик какой-то.

— Во-во, твой сосед, товарищ режиссер, и то интереснее. — И поправил капюшон.

— Чем он интересней?

— Он хоть про инопланетян рассказывал, а этот что?

— Вот вы кретины. Любовь у этого. Любовь. А у нас будет круто — любовь и конец света. По-любому Канны выиграем. А ты, говорил сценарий, сценарий. Лучше жизни никто не напишет сценарий. Всех тронет такая история. Человек находит любовь, едет к ней в Саратов и погибает со всеми к чертям собачьим. А они еще и оба странные. Настоящая бомба.

— Ну, не знаю. Не знаю... — загундели оба в один голос.

А вечером Новиков узнал, что он свою любовь потерял. Снежана сказала, что их встреча была ошибкой, она поняла, что их отношения зашли в тупик и вообще

у нее больше нет времени на их развитие. Теперь она снимается побольше Джессики Альба, а скоро так и вовсе заменит ее в Голливуде, так что не нужно ей звонить или искать с ней встречи, теперь если только сам Спилберг предложит ей встретиться, она согласится, и то не стопроцентно.

Вот такая драма. Не зря я сразу не верил в их отношения, теперь-то после того, как все начали снимать кино, она быстро словила звезду, и Новиков ей как космонавту плавки.

Добилась своего. Правда, я не знал, что снимали конкуренты, если их так можно назвать, но, судя по всему, она реально рассчитывала на стремительный рывок в карьере.

А вот Саня стал похож на высохшую сморщенную губку. Мне даже показалось, что он постарел лет на десять. Или это из-за того, что еще сильнее сгорбился. Пришел ко мне с полупустой бутылкой «White horse», печально ухмыльнулся и промычал всего одно лишь слово:

— Снежана...

А ведь еще пару часов назад был на седьмом небе от счастья.

— Ушла?

— Кинула, как тарелочку. Всю душу растоптала...

Я думал, он расплчется. Не расплакался. Выпил из горла и сел.

— Нда... — только и выдавил из себя я.

— Будешь?

А он один рассчитывал выпить?

— Ща закусь организую.

Но не успел. Пришел Марк:

— Саня! — И обнял несчастного. — Как я тебя понимаю.

— Да? Спасибо, Марк. Выпей!

Марк выпил, а я вынес лимон и нарезку колбасы. Закусывать уже особо было нечего.

— Да... — выдохнул Саня, растягивая букву «а».

— Крепись. — Снова обнял Новикова Марк. И только в этот момент я заметил, что он пришел без привычного капюшона.

— Спасибо, пацаны, вы такие... такие.... Настоящие друзья, короче. Я вас люблю.

— Мы тебя, Саня!

Я не хотел слушать их признания, а то еще, чего доброго, могли начать лобызаться, поэтому натянул ветровку и поперся в магазин. Взял две по ноль пять, нашей русской. И градус тот же, и горевать под нее удобнее. Прикупил огурчиков и пару лимонов.

Когда вернулся обратно, Саня и Марк боролись за телефон.

— Я должен ей позвонить!

— Нет, не должен.

— Она такая хорошая, я так ее люблю.

— Она стерва и дура, кинула тебя.

— Ты просто мне завидуешь.

— Да иди ты!

— Сам иди, только верни мне телефон.

— Фиг тебе! О, товарищ режиссер!

— О, водка!

— И вторая...

Через час мы дружно ненавидели Снежану, как и всех женщин на свете, подлых и коварных, Марк плакался, что Ольга даже шанса ему не дала, но после нашего фильма она будет локти себе кусать и колени, не говоря уже о клочках вырван-

ных волос. У меня не было повода ненавидеть Валентину, скорее наоборот, я по-прежнему испытывал к ней чувство жалости, поэтому мысли переключились на Таню. Живет там в своем Саратове, а тут парень страдает. Ну да, он немного странный, но ведь любит ее, и еще как. Это сразу видно. А она, тоже мне королева.

Еще через час водка закончилась. Мы попрятали все телефоны, чтобы никому не писать, я отрубил Интернет. Соцсети — еще большее зло. А потом мы с Марком решили, что это не дело, надо как-то развеяться и расшевелить Саню.

А вот затем я уже все смутно помню. Кажется, мы поперлись на улицу, долго шли по дороге, пока нам не встретились байкеры, они угостили нас дешевым коньяком и немного покатали. Потом мы дружно поливали газоны содержимым наших желудков, а в них, кроме закуски и алкоголя, практически ничего и не находилось. Дальше провал в памяти, скорее всего, мы где-то еще раздобыли «топливо», подзаправились, после чего Марк решил, что нам просто не обойтись без женщин определенного поведения. С их помощью мы точно отомстим всем этим жестоким и бессердечным представительницам прекрасного пола, и Саня тут же забудет свою Снежану, которая сама похожа на представительницу женщин определенного поведения, проще говоря, та еще шлюха. И снова провал в памяти, шлюх мы, кажется, не нашли. Зато встретили «конкурентов». Марк, как увидел людей с камерой, подорвался к ним и стал визжать, что они неудачники и плагиаторы, что мы были первые, кто решил снимать кино в нашем Мухосранске, что мы выиграем Канны, а максимум, что светит им, — это какой-нибудь задрипанный приз зрительских симпатий на каком-нибудь мелком фестивальчике в таком же задрипанном Тобольске или Ижевске. Ну и еще, что надо начистить им морды и заставить стричь газоны вместо Сереги. Но кажется, это они нам начистили морды, так как утром у меня безумно болела челюсть.

Но это тоже смутно отложилось в моей памяти. Зато я прекрасно помню, как мы стояли под окнами Снежаны, по крайней мере, мы так считали, что стояли именно под окнами ее дома, а Саня, не жалея связок, горланил серенаду. Пел он отвратительно, хотя тогда нам так не казалось. Мы даже подвывали с Марком.

— Ты узнаешь ее, ты узнаешь ее, ты узнаешь, ты узнаешь, ты узнаешь ее.

Трудно было бы ее не узнать, она же скоро в Голливуде собралась сниматься.

А серенада получалось что надо. Соседи, как водится, поливали нас не только отборным матом, но и холодной водой и, возможно, томатным соком, по крайней мере, с головы стекало что-то красное и липкое. Снежана так и не вышла, а мы уперлись восвосяи, пока не приехала наша доблестная полиция.

Далее Марк мочился на здание мэрии, а мы с Саней кричали: «Вадик, выходи, выходи, подлый трус». Время уже давно было за полночь, я бы сказал, что гораздо ближе к рассвету, чем к полуночи, и все уже почти спали, кроме доблестной полиции, которая все-таки навестила нас и даже поймала. Но, возможно, впервые я не пожалел, что попал в этот чертов ролик «зомби-домино», так как один из сержантов узнал меня, смягчился и уговорил второго отпустить нас взамен на небольшие роли в нашем, как он выразился, «нереально крутом» фильме. Хотя попросту мне могло показаться, что он так выразился.

Потом Новиков обнимал дерево и предлагал ему пожениться в Лас-Вегасе, Марк спал на лавочке, а я засунул в рот дубовые листья и застыл на месте, как солдат в почетном карауле. Мне казалось, что я, как Алиса, проваливаюсь куда-то в пропасть и уменьшаюсь, уменьшаюсь, уменьшаюсь до тех пор, пока не становлюсь меньше спичечного коробка. Это было страшно и страшно приятно, так как теперь я мог незаметно залезать на женщин и гулять по их огромным и чарующим взглядам телам. Мне так казалось, по крайней мере.

— Свободу Анжеле Дэвис! — сквозь сон выкрикивал господин Никулов.

— Где оно? Где оно? Где оно? — выкрикивал Новиков, бегая по газону.

А я уже чувствовал себя тенью леопарда и двойником Майкла Джексона одновременно.

Пить, конечно, надо уметь, но как это сделать, когда у товарища такое горе?

Каким волшебным образом мы оказались у Валентины, не имею ни малейшего понятия, но когда я путем нереальных усилий продрал глаза, то увидел спящих рядом со мною на полу в обнимку Саню и Марка, а впереди, примерно в метре от них, спокойно разгуливающего и воркующего наглого голубя. Где-то неподалеку раздавались приглушенные всхлипывания Валентины. Затем неожиданно они прекратились, раздался грохот резко открывшейся двери, и Валентина влетела в комнату в каске и с огнетушителем в руках и стала поливать из него голубя белой и мощной струей пены.

— Ага, так тебе. Так тебе, ублюдок!

Пена летела и на парней, от чего они проснулись, шурились и недоуменно смотрели на Валентину. А мне, несмотря на дикую головную боль, в этот самый момент она показалась дико крутой и привлекательной. Даже родинка на кончике ее носа стала бледнее и меньше. Голубь взлетел, заметался по комнате и наконец вылетел в открытую форточку, добавив на лету парочку мелких струй к шипящей на полу пене. Проще говоря, обделался от страха, родимый.

— И чтоб больше я тебя не видела, — кричала ему вслед Валентина, потрясая огнетушителем так, как злобные викинги трясли своим оружием над пораженными врагами.

— Обалдеть, — только и выдавил из себя Новиков.

— Ты кто? — поинтересовался у Валентины Марк.

— Валентина, — ответила она, снимая каску.

— А где здесь у вас туалет? — спросил господин Никулов и тут же снова отрубился.

Завтракали мы поздно. Часа в два или в три дня. Голова болела просто невероятно. Тело ныло так, словно всю ночь на мне боксировали Валуев с Майком Тайсоном, а затем еще использовали вместо груши братья Кличко и Федор Емельяненко, если он вообще колотит груши. Парням, думаю, было ни капли не легче. Зато никто из нас не вспоминал Снежану, она словно вылетела из головы, как наша сборная на Евро-две тысячи, а впрочем, на всех Евро, кроме фантастического Евро 2008 года. Валентина сидела рядом и смотрела на то, как мы с трудом впихиваем в себя ее яичницу. Яичница, кстати, получилась ничего, а вот состояние не позволяло съесть с аппетитом даже самые наивкуснейшие в мире жареные яйца.

— Может, пивка? — Хотела угодить нам девушка.

Но вышло только хуже. Аппетит испортился окончательно, и вскоре мы, дыша жутким перегаром, распрощались и пошли отлеживаться по домам. В такие моменты даешь себе слово никогда больше не пить, даже хмельное и пенное. Мы не были исключением. Хотя понятно, что больше трех дней никто не выдерживает, ну, максимум неделю, а там снова до следующего раза, когда ты сам не замечаешь, как из стадии «все пучком», переходишь в «я еще держусь», а из нее практически тут же в стадию «я уже в хлам».

— Ну что, до завтра?

— Да, парни, давайте до завтра, а лучше сразу до послезавтра.

— Ага. Стоп. А как же Олег? — неожиданно вспомнил я.

— Какой еще Олег?

— Ну, наш вчерашний. Персонаж. Договорились же сегодня встретиться.

— А-а-а, — равнодушно произнес Саня. — Не, я пас.

— И я пас.

И ушли. А я вынул телефон, чтобы посмотреть, сколько времени, но он, собака, был разряжен.

Немного странный вопрос «Не подскажите, который час?» для сегодняшней эпохи, чуть менее странный, чем «как пройти в библиотеку?». Видимо, поэтому два первых опрашиваемых взглянули на меня так, будто я разгуливал по улицам в жабо 2 августа. А вот третий — невысокий, хмурый мужик лет пятидесяти — остановился, оглядел меня с головы до ног, скривился еще сильнее, учуяв перегар, но все же вытащил древний кнопочный «Нокиа» (кто-то ходит еще с такими?), долго и пристально смотрел на экран и наконец ответил: «Четыре».

— Ровно? — уточнил я.

Он снова достал уже убранный телефон (когда успел?), снова долго и пристально смотрел на экран (будто с первого раза не запомнил) и только потом, сказав: «Без трех минут», побыстрее засунул «Нокиа» в карман, словно боялся, что я нападу и украду этот дорожный аппарат, и стал переходить на другую сторону дороги. Хорошо, что не побежал, а то бы я точно не удержался и погнался за ним.

А мужик оглянулся и прибавил ходу. Ну, точно у него «Нокиа», хромированная золотом.

До встречи оставался час и три, вернее, уже две (время на размышления) минуты. Ни к селу ни к городу. Это как с обеденным перерывом: и домой не смотаешься, и целый час на перекус тратить нереально и глупо. Хотя бы еще минут двадцать, тогда бы точно дошел до дома. А так пришлось заглянуть в кафешку и заказать себе кофе. Я сидел за столиком, смотрел на голубей, клюющих какие-то крохи за окном, и вдруг заметил проходящую мимо Снежану. Она тоже меня заметила. Остановилась, пристально посмотрела, а затем, гордо вскинув голову, пошла дальше, пошло виляя задом. С такой походкой ей точно не светил Голливуд. Вернее, откуда-то далеко он, может быть, и сиял, даже полыхал, как горящая нефтяная вышка, но вряд ли это можно было увидеть из нашего Мухосранска. Тем более Снежане, тем более с такой походкой.

У кофе не самый лучший вкус, когда его пьешь с перепоею, но он помогает привести себя в чувство, и даже восемьдесят рублей за кружку уже не кажется грабительской ценой. Я пил мелкими глотками и чувствовал, как возвращаюсь к жизни: гул в ушах пропадает, желание лечь и сохнуть прямо посреди улицы уже проявляется не так сильно, а глаза сбрасывают с себя мешки с песком и поднимаются выше и выше, как воздушный шар. Спасибо тому, кто придумал кофе. И ноги бы сломать тому, кто придумал алкоголь.

Я пришел чуть раньше, но Олег уже был на месте. Сидел на лавочке и что-то яростно чертил в блокноте. Заметив меня, он захлопнул блокнот и поскорее запрятал в карман.

— Это, это, это... — твердил он, вытянув руку для приветствия.

— Саня, — напомнил я.

— А я... это

— Олег. Я помню.

— Снимать будешь?

— Нет. Сегодня не получится. Извини. Парни приболели. Послезавтра вечером. Ты можешь?

— Это я могу. А че делать-то будем?

— Ну, вообще, ты просто не обращай на нас внимания. Делай, что и всегда, а мы будем снимать твою жизнь.

— Мою жизнь? — напрягся он. — Это зачем?

— Ну, просто, чтобы зритель узнал тебя. Полюбил.

— Полюбил? — Его глаза вспыхнули, как дерево после удара молнии.

Про Таню вспомнил.

— Ну да, они же переживать будут. Ты ведь хочешь увидеть Таню?

— Таню хочу, — и замолчал. Потом подумал и добавил: — Это, увидеть.

— Ну, и вот прекрасно. Все и будут переживать, увидишь ты ее или нет.

— Это, увижу. В Саратов поеду.

— Конечно, поедешь. И мы с тобой.

— В Саратов поеду. В Саратов поеду. В Саратов поеду. — Заело пластинку у Олега.

Один на один с ним как-то жутковато. Такая сильная любовь, но как-то даже жалко Таню. Как щенок, еще задушит от нежности и ласки.

Я быстро свернул разговор. Мы договорились, что встретимся у него на работе, а работал он кондуктором. Как раз снимем конец его смены, а после в тир. Он, оказывается, очень круто и метко стрелял, настоящий Джеймс Бонд, а дальше уже как пойдет.

И я пошел. Домой. По дороге меня снова стало мутить и колбасить. В итоге я понял, что не дотяну, и пришлось свернуть к родителям. Как-то нерадостно идти к родителям, да еще в таком состоянии, но в жизни вообще много нерадостных вещей происходит. Меня же угораздило связаться с Новиковым.

Мама будто знала, что я приду. Тут же на плите оказался борщ. Может, они его просто всегда едят, не знаю. Стол незаметно накрылся скатертью, так же незаметно на нем приземлились тарелки, вилки, овощной салат, второй салат — крабовый, нарезка колбасы с сыром, грибочки соленые, сметана, хлеб, пирог. Так же быстро и непонятно каким образом мы с отцом оказались сидящими друг напротив друга за этим столом и наворачивающими эти самые салаты и запивающие их апельсиновым соком.

Отец долго смотрел на меня, пока мама гремела посудой на кухне, затем разломил кусок хлеба пополам и произнес:

— Кино снимаешь?

— Да, — с набитым ртом ответил я.

— Не позорился бы.

Ну это старая песня. Просто что бы я ни делал, у него на все звучит одна эта самая фраза.

— А что здесь позорного?

— Ютубы какие-то. Драки. Стыдоба.

Отец всю жизнь проработал на стройке, поэтому для него в принципе все, что не связано с физическим трудом, — это стыдоба и дуракаваляние.

— Ладно, не буду. — Универсальный ответ для погашения любого конфликта.

Сработало и на этот раз, отец переключился на крабовый салат и замолчал. Но тишина длилась недолго.

— А вот и мы! — весело объявила мама, появившись с тарелкой дымящегося супа. — Говорю ж, изголодал совсем с «Макдональдсом» этим вашим. Ты знаешь, что туда красители добавляют?

— Я не ем в «Макдональдсе».

— Ну, конечно. Вообще ничего не ешь, худой, как глиста.

— Я щас уйду.

Кстати, не знаю почему, но мамина еда тоже вернула меня к жизни. Даже лучше кофе.

— Ешь давай. Сметанкой заправляй. Уйдет он. Раз в полгода появляешься.

— Да чтоб не позориться, — вставил папа.

— Ты-то уж молчи, — махнула полотенцем в его сторону мама. — Каждый день по телевизору показывают, сам мэр руки жмет, а он заладил свое «позориться».

Папа недовольно закатил глаза, но не ответил.

— Кушай, кушай, сынок. Соскучилась так.

— Супу дай, — обиженно потребовал папа.

Неужели я тоже когда-то буду таким же? Ах, да... Конец света. Не буду. Какое счастье.

Мама вернулась на кухню.

— Я тебе пельмешек с собой положу. — Снова появилась с тарелкой в руках мама. — Сварить-то сможешь?

— Смогу. Я же не совсем криворукый.

Отец кашлянул. Он сомневался.

— Ну, рассказывай, — пытала меня мама, нарезая пирог.

— Да что рассказывать? Все хорошо у меня.

— Про мэра. Как он, чего? Что говорил? Не сказал, когда пенсии прибавят?

— А он тут при чем?

— Ну, может, он знает.

— Не знает. Нормальный. Веселый мужик.

— Конечно, чего ж ему грустить? У него-то все хорошо.

— Сама за него голосовала.

— А за кого было голосовать. Я думала, этот хоть нормальный. А денег вам не дал?

— Нет.

— Конечно, откуда у них? Остановку вон и ту отремонтировать не могут. Полгода, раскуроченная, стоит. Салатик накладывай.

— Я ел уже.

— А ты еще ешь, отъедайся.

Так и вижу, как конец света мама идет встречать с тарелкой дымящихся пельменей.

— Да нормальный мэр. У других, что ли, лучше?

— Какие у других, мне неинтересно. Мне надо, чтобы у нас лучше всех был.

— Лучший бы у нас не задержался.

— Тебе лишь бы поспорить.

— А тебе?

— Ну тебя. Ешь пирог-то. С вишней. Как ты любишь.

В ее представлении я все люблю, особенно домашнее.

— Когда невесту приведешь?

— Да кто за него пойдет? — скривился отец.

— Теперь-то уж любая. Только ты, сынок, не бери любую, выбирай лучше. Что-бы самая лучшая была.

Отец только хмыкнул.

— Угу, — ответил я и подумал о Валентине. Вряд ли в мамином представлении лучшая относится к девушке с орнитофобией.

— Но и слишком долго не выбирай. А мы с папой еще и внуков понянчить хотим.

Папа молчал. Ему бы полежать, пивка попить с рыбкой возле ящика да «диалоги о рыбалке посмотреть», это да. А внуки эти ему куда не стучали.

— Понянчаєте.

— Или есть уже кто на примете?

— Мам, ну какая разница?

— Как какая? Как какая? Мы же волнуемся за тебя. Ты вон такой непутевый. Ничего сам не можешь.

— Лодырь, — вставил папа.

— Ну уж не лодырь. Но не самостоятельный. Рассеянный.

Вот и снова можно лечь и помирать. Все я не так делаю, ничего не умею. Лодырь и неудачник.

— Как же я у вас таким получился?

— Не знаю, мы с папой не были такими. Потом будет меня невестка корить: что же он у вас такой несамостоятельный?

— Не будет.

Все, надо валить. Приперся на свою голову.

— Мам, я пойду.

— Уже?

— У меня дела еще.

— Дела у него. Деловой, — комментировал отец.

— Съёмки. Мы же кино снимаем.

— Ах, да. Вы же кино снимаете. Не мог подвинуть свои съёмки. Раз в полгода тебя видим.

Отец бы и раз в год видел или еще реже.

— Не мог, мам. Это не только от меня зависит.

И вот несколько не стыдно, что врал. Как говорится, хорошего понемножку.

— Ну, конечно, раз так. Дай хоть обниму тебя.

Обняла. Еще и плакать удумала. Мне стало ее жалко. Вот что за жизнь у нее? С одной стороны — отец в трусах и с кислой рожей и телевизором, с другой — ни подруг, ни увлечений. Одна готовка. А тут еще и я. Понятно, что она самого лучшего мне хочет. Но у меня и так все неплохо. Даже вполне хорошо, я осуществляю свою мечту, делаю ее реальной. Многие на такое способны? Просто это не совпадает с ее представлениями о лучшем.

— Мам, ну перестань. Я зайду еще. Зайду.

— Когда?

— В субботу. Или в воскресенье.

— Подожди, щас с собой еще положу. Котлетки делала, разогреешь. Пельмешки сварить. И пирог.

И пирог... Я шел домой с этим пакетом и чувствовал себя маленьким мальчиком. Мне уже скоро тридцать, еще раньше, возможно, наступит апокалипсис, а я, как какой-то семилетний пацан, иду с пакетом, полным еды, приготовленной мамой, и понимаю, что ни хрена я не добился. Живу один, работаю вроде, кино снимаю, по телевизору даже два раза показали, а я все равно ни хрена не добился, потому что мама варит борщ, и я с аппетитом его ем.

Потом я стал думать об Олеге. Даже у такого шизанутого, как он, есть любовь всей его шизанутой жизни, а что есть у меня? Ну, вот правда, что есть у меня, если выкинуть эту чертову полочку? Люди как-то женятся, живут потом вместе, как мама с папой, детей рожают, беспокоятся потом, что едят их дети, не мерзнут ли, не болеют, получают ли хорошую зарплату, как скоро принесут им внуков. Как будто жизнь только в этом и состоит: в семейном очаге, делающем всех счастливыми? Неужели и правда никаких подвигов, свершений, открытий, просто завести семью и надеяться потом, что ничего плохого ни с кем не случится? Никто не заболеет смертельной болезнью, не пойдет по наклонной, не станет убивать людей и грабить банки, не сопьется, будет хорошим семьянином и человеком. И все? Больше ничего не надо? Может, поэтому они и не боятся апокалипсиса, что им, по сути, немного надо от этой жизни?

А я не то чтобы его боялся. Просто мне было тяжело мириться, что все это когда-нибудь закончится, а я ничего толком и не успею. Ведь были же Ньютон, да

Винчи, Наполеон, Попов с его радио, братья Люмьеры, братья Райт. Они тоже, что ли, так думали?

А у Олега любовь всей его жизни. А может, и Валентина ничего?

Но додумать я не успел, так как зашел в подъезд и увидел, что входная дверь моей квартиры выломана. Только этого не хватало! Грабанули, что ли? Да у меня и брать-то нечего. Но оказалось, не грабанули. Оказалось, что вся кухня была затоплена. И тут до меня дошло, что вчера мы, видимо, ушли, забыв выключить кран. Раковина была забита посудой, главное, у меня и посуды-то почти нет, а тут, как назло, набралась почти целая раковина, и разумеется, что совсем скоро вода стала течь на пол и затопила соседей. Представляю, сколько мата прозвучало в мой адрес. А после того, как они пришли и поняли, что меня и вовсе нет дома, я вообще стал уродом номер один во всей вселенной. А сосед у меня не особо деликатный, видимо, сразу и стал ломать дверь. Представляю, какая нам предстоит встреча. Вот только этого не хватало.

Угрозидо Снежане бросить Новикова, ему припереться ко мне и нас упить до чертиков. И вместо того, чтобы лечь и спокойно посмотреть первого и второго «Терминатора», я взял тряпку и стал высушивать пол. Ха-ха, самое то, после мыслей о Наполеоне орудовать тряпкой. Вот бы поглядел на меня батя. Порадовался бы. Наконец-то физическим трудом занимаюсь, не позорюсь.

Позвонил Саня.

— Как оно?

— Соседей затопил.

— Когда ты успел?

— Вообще-то по твоей вине.

— Не понял.

— Неудивительно. Вчера мы забыли закрыть кран.

— И как, сильно затопил?

— Сильно.

— Сочувствую. Я думал, ты закрыл кран.

— А я думал, что ты закрыл. Я его, по-моему, вообще не открывал. По-моему, это Марк открыл, ему же воды хотелось «природной, хлорированной».

— Точно. И что будешь делать?

— Что я могу делать? Сушу пол. Потом пойду к соседям с повинной.

— Сочувствую, — повторил Новиков. — Встретился с персонажем?

— Послезавтра съемка.

— Я только в восемь смогу.

— Ну, придешь, значит, в восемь. Все, давай. А то пол сам себя не высушит.

Соседи были не настолько злы, как я думал, напротив, даже обрадовались. Они как раз собирались делать ремонт, а теперь можно повернуть все за мой счет. Сосед, конечно, ввернул пару ласковых, но я и сам понимал, что заслуживаю их. Затем он сказал, что все подсчитает и сообщит мне, сколько получилось.

— Так что готовь, Саня, денежки.

— Ага. Еще раз простите. Такое больше не повторится.

— Надеюсь.

Встрял. Мне еще и дверь чинить теперь. А время-то вечер. Хорошо хоть, реально не грабанули еще. Сами соседи спокойно могли вынести что-нибудь. Впрочем, кроме ноута, и выносить-то нечего. Спал я, закрыв дверь на цепочку.

Утром побежал за замком, вернее, отправил Марка. Он открыл кран, пусть хоть помогает. Марк поворчал, но все же согласился. «Ладно, схожу, раз ты не можешь бросить хату». Принес и тут же свалил, дела у него, видите ли. Полдня я вставлял

замок, потому что он не подходил по размеру и пришлось раскурочить дверь. Хорошо, что она была деревянная. С железной бы сосед не справился, пришлось бы вызывать эмчээсников, а они вообще могли распилить ее. Но зато почувствовал себя крутым, когда все же расправился с ней и вставил этот адский замок.

Затем поработал немножко. Правда, в голову ничего не лезло. Быт напрочь убивает все творчество. А вечером пришел улыбающийся сосед и сказал, что насчитал на двадцать тысяч. Двадцать тысяч, не прифигил ли? Понятно, что пятно получилось огромное и на весь потолок, но, к счастью, у них был не евроремонт и обои не особо дорогие. Может, еще и пол сделать им за мой счет, да и новый гарнитур прикупить в придачу? Электрику не задело, так что наглеть ему было непозволительно. В итоге сговорились на пятнадцать. Но их тоже надо было где-то взять. Поддержали несчастного Саню. Как скажу парням, пусть тоже вкидываются. Как раз по пятере на брата получится. Но у нас всегда так, как только вопрос касается денег, все становятся тихими и ни к чему не причастными. Ладно, потом обсудим.

В полседьмого мы встретились с Марком. До вечера я неплохо поработал, нависший надо мной долг на удивление успешно мотивировал. Выполнил два заказа и приступил к третьему. Я был полон сил и весел. А вот Марк не очень.

— Товарищ режиссер, а ты уверен, что он — это то, что нам нужно?

— Уверен. А у тебя откуда сомнения?

— Да не знаю, просмотрел материал. Мне кажется, у нас какая-то нудятина.

— Ну, так пока мы ничего стоящего и не сняли. Все только начинается.

— Не, так-то вроде прикольно. Чудик любит девушку в другом городе. Но мы ж даже не знаем, что там за Таня.

— Да какая разница?

— Ну, так-то да. И что он прям в Саратов поедет?

— Собирается.

— И мы тогда тоже?

— Ты не хочешь?

— Не знаю. Одни уже выложили свой фильм.

— И как?

— Неплохо, кстати. У них короткий метр. Про робота.

— Который хочет стать человеком?

— Ага.

— Банально.

— А у нас не банально?

— Ладно, все. Они молодцы. Но нам по фиг, что и кто снимает. У нас своя крутая история.

Но мои слова его явно не убедили.

В семь троллейбус подошел к остановке. Мы сели. Олег увидел нас, но, кажется, не узнал.

— Это, оплачиваем проезд.

— Олег, это же мы.

— А вы бесплатно поедете? Это.

— Я думал, ты нас не узнал.

— Узнал. Это. Оплачивать будете?

Марк недовольно посмотрел на меня и полез в карман за мелочью. В принципе он прав, мы же будем ехать, значит, надо платить, просто обычно, если приходишь к кому-то на работу, где нужно за что-то платить, по знакомству пропускают бесплатно. Тем более что мы по делу, но да ладно. Не развалимся.

Олег выдал нам билеты. Мне попался счастливый. Ну, хоть где-то повезло. Марк вытащил камеру. Начал снимать. Пассажиров было немного: пара старушек,

студенты (везде эти студенты), тетка, болтающая по телефону, спящий мужик и тетка с двумя детьми. Олег сидел на своем месте, смотрел в окно, иногда водил по нему пальцем. Дети, конечно, уставились на Марка, указывали на него пальцем, но тетка цыкала на них, не давала спокойно побеситься. Студенты помахали в объектив, похихикали и быстро утратили интерес. Марк выключил камеру и сердито посмотрел на меня.

Я развел руками. Олег хорошо справился с задачей не замечать нас. Такого персонажа сложно будет полюбить зрителям.

Я сел напротив Олега, дал сигнал Марку, тот снова начал запись, а я обратился к кондуктору:

— Олег, тебе нравится твоя работа?

— Нормальная, — пожав плечами, ответил он. — Едешь, едешь, проверяешь.

— А что ты рисовал на стекле?

— Это... — сказал он и задумался. — Таню.

— А какая она?

— Это... красивая.

— Красивая. А как выглядит?

— Синие глаза, желтые волосы, — не задумываясь, ответил он.

Я подождал и задал новый вопрос:

— А длинные?

— Кто?

— Волосы.

Но Олег ушел в себя и не хотел возвращаться.

— Ладно, не отвечай.

Затем мы сняли водителя. Невысокий крепкий мужик с усами, как у Буденного.

— Кино? Ну посмотрим, что за кино у вас.

— «То, что нас ждет».

— А что нас ждет?

— Это мы и пытаемся узнать.

— Так и чего? Спеть вам, что ли? Или сплясать? Эх, яблочко, куда ты котишься?

— Спасибо, не надо. Расскажите лучше про Олега.

— Про Олежку? Да что про него рассказывать. Нормальный пацан. Чудной только. Даже пива не пьет. Молчит, правда, все больше, как пришибленный. Да в блокаде у себя все чертит что-то.

— А что он чертит?

— Откуда ж я знаю. Не показывает он. Чертит и чертит. Да и какое мне дело, чего он там чертит, работает, главное, нормально.

А тут и Новиков подошел.

— Че там потоп твой? Ковчег построил?

— Ничего. На пятнадцать косарей влетел.

— Ого. Сочувствую.

— Че сочувствую? Из-за вас вообще-то.

— А мы-то что? Ты сам за хату свою отвечаешь. Я вот всегда перед выходом краны проверяю.

— И я тоже, — поддакнул Марк.

И снова я был прав. Стоит завести разговор о деньгах, все сразу в кусты. Ничего. Вам еще перед кармой отвечать.

Из депо вышел Олег.

— Это, со мной пойдете?

— Договорились же.

— Тир рядом здесь.

И чем ближе мы подходили к тиру, тем уверенней становился Олег. Плечи выпрямлялись, шаг становился шире, размах рук тоже. Он даже что-то насвистывал. А в тире так и вовсе стал похож на Поветкина.

Стрелком он оказался первоклассным. Я не особый любитель пальбы, но смотреть на него было сплошным удовольствием. Десять, десять, десять... Хоть на олимпиаду отправляй.

Я тоже попробовал пострелять. Но лучше бы и вовсе не позорился. Хорошо, что хотя бы по своей мишени попал. Неплохо, кстати, отстрелялся Марк. Не зря он у нас оператор. Три семерки, две восьмерки и даже девятка. Саня, видимо, был настолько злой, что вообще в яблочко угодил первым же выстрелом, все остальные, правда, выше четверки не поднимались. Олег же был сама сосредоточенность. Все движения выверены, филигранны, короче говоря, заметно, что у человека талант и он не первый раз в тире. От восхищения Саня открыл рот и едва не свистнул.

— Монстр.

Марк выискивал удачные и эффектные ракурсы, показывал мне большой палец руки.

— Картинка будет зашибись.

Это был первый раз, когда он заговорил о картинке. Как тут было не поверить?

Разошлись мы вполне довольные. Не знаю, понравится ли кому-то Олег, но то, что в нем была какая-то загадка, отрицать невозможно. И где он только научился так стрелять? Но Олег ответил уклончиво:

— Тренировался, — и пожал плечами.

Дома я в первую очередь зашел на кухню. Сухо. Краны выключены. Потом еще немного поработал. Хотел лечь пораньше, но зазвонил телефон.

— Александр?

— Валентина.

Как у нас все официально.

— Хотела спросить, как вы?

— Спасибо, хорошо. А ты?

— Кажется, иду на поправку.

— Это хорошо. Поздравляю.

— Спасибо. Как твои съемки?

— Тоже неплохо. Нашукали кое-что.

— И я тебя поздравляю.

— Спасибо.

Что-то слишком вежливый я перед сном.

— Может, увидимся?

Тут уже сомнений нет. Она ко мне клеится, или у нас что-то было той ночью?

— Валентина.

— Можно просто Валя.

Валя... Ну, что за имя?

— Валя, а у нас той ночью ничего не было?

— Нет, ты позвонил, нес что-то про полицию, про то, как жесток мир и как тебе не хочется умирать, просил приютить и обогреть, а потом вы притащились втроем и тут же отрубались все на полу.

— А голубь откуда взялся?

— Это у вас надо спросить.

И тут я вспомнил, что это Саня изловил его каким-то чудом, как заправский факир, и пронес под ветровкой.

— Не помню, — решил не сознаваться я. — Как-то залетел, наверное.

— Ну, хорошо, значит, завтра в одиннадцать?

— Вечера?

— Утра. Вечером у меня эфир.

Кто ходит на свидания с утра? Или я что-то не знаю о мире?

— Хотите сходить в кино?

— В кино? Я в кинотеатре лет пять не был.

— Ну, и зря. На большом экране фильмы смотрятся гораздо эффектнее. Думаю, вам будет полезно. К тому же с утра практически никого не бывает. Несколько раз я даже одна сидела в кинотеатре. Это удивительные ощущения, когда сидишь в пустом зале и понимаешь, что этот фильм показывают тебе одной.

Да я почти каждый вечер так смотрю, только на маленьком экране ноутбука и бесплатно.

— Хорошо, — только и смог сказать я.

— Тогда до завтра.

Под утро мне снилась мама. Даже не так. Мне снилось, что я привел Валентину знакомиться с родителями, только папы почему-то не было, а была одна мама. Как всегда, она стала быстренько накрывать на стол, кудахтала, как курица, поглядывала то на меня, то на Валентину, то на ее родинку. А потом достала из духовки запеченного голубя, Валя испуганно вскрикнула и убежала, а мама меня успокаивала:

— Ничего, ничего, Сашок, это поправимо, это лечится.

— Что?

— Ну, родинка ее. Медицина давно шагнула вперед, родинки откуда угодно можно вывести.

Вот такой бред. Хотя думаю, что все так и было бы в реальности, за исключением голубя. Что-то не припомню, чтобы мама вообще когда-нибудь дичь готовила.

Как и сказала Валентина, народа было мало. У нас в зале так и вовсе сидели трое школьников, громко пили колу и ели попкорн. И я вспомнил, почему не хожу в кинотеатры. Вот из-за таких школьников, жующих у тебя над ухом, ржущих где надо и не надо и постоянно комментирующих то, что происходит на экране, я и перестал ходить в кино.

Как-то пропустил я момент, когда Валентина взяла меня за руку. Вроде бы вот мы только сели, она поставила рядом с собой пакет с каской, а тут раз, и я уже держу ее ладонь в своей. Ничего так, не холодная, не мокрая, нормальная такая женская ладонь. Ладно, смотрим дальше. Фильм, разумеется, выбирала она. «Полночь в Париже». Не скажу, что являюсь поклонником Вуди Аллена, но уважаю его безоговорочно. А эта его фишка — ездить по разным городам и снимать в них фильмы — вообще прекрасна. Вот кому точно не будет страшно встретиться с апокалипсисом. Он уже и так столько повидал. А я вот только держал Валентину за руку. Так мы с ней и просидели весь сеанс.

Она, разумеется, осталась в восторге от «Полночи».

— А фильм такой легкий и в то же время неглупый, с мыслями.

Я не стал спорить. По мне, он и вовсе не парился, а действовал по нашей схеме: что-нибудь снимем в Париже, а там история сама на что-нибудь выведет.

— Тебе не понравилось?

— Понравилось. — Пожал плечами.

— Так не хочется расходиться.

Я промолчал. Посмотрел на ее родинку. И вдруг эта самая родинка выросла у меня перед глазами. И ее пухлые и теплые губы прилипли к моим. Стоп. Это еще что такое? Ну взяла у меня интервью, ну сходили пару раз на свидание, ну переноче-

вали мы втроем у нее, что теперь целоваться сразу? Вообще-то инициатива должна исходить от мужчины. А у меня как-то не возникло желания проявлять инициативу. По крайней мере, пока.

Валя открыла глаза, удивленно посмотрела на меня и отстранилась.

Я глупо улыбался.

— Что-то не так? — спросила девушка.

Я промолчал.

— Извини.

— Да не за что извиняться, просто... — я отвел глаза.

— Я не нравлюсь тебе?

О, Господи, теперь у нее еще и из-за меня травма будет. Уволится с работы, будет ходить к психологу. Только этого не хватало.

— Да нет, не в этом дело.

— А-а-а. Это из-за моей родинки.

— Да при чем здесь родинка?

Хотя отчасти и поэтому.

— Просто я считаю, что мужчина должен делать первый шаг.

— А ты испугался родинки и решил не шагать. Все понятно.

— Да ничего я не пугался.

Но она уже ушла.

— Валя, Валя, Валентина! — кричал я ей вслед, но девушка уже выбежала из кинотеатра, а догонять я ее не решился.

Вот черт! И так было неудобно перед ней, а теперь и вовсе совесть сгрызет, я уж не говорю про карму. С другой стороны, что это за отношения такие, если один должен собой жертвовать? Хотя если, правда, забыть про родинку и всю эту историю с голубыми, девушка она вполне ничего. Бывали и хуже. А тут еще и этот конец света нехстати.

Нет, все. Ушла и ушла. Значит, так надо. А я смогу полностью посвятить себя фильму. В конце концов, я изначально ни о чем таком не думал, а теперь вот еще должен переживать. Никому я ничего не должен. Кроме соседей и полки. А все этот чертов ютуб. Никогда он мне не нравился, собака.

Через час встретился с пацанами. Хотели поснимать Олега дома, но он не пустил нас. Мол, не прибрано и вообще как-то стыдно. Жук.

Пришлось пойти в парк, хотя было довольно прохладно.

Олег сидел на лавочке в свитере с оленями, чертил что-то в своем блокнотике, а мы будто случайно застали его за этим занятием. Это Новиков придумал. И гордился очень этим.

— Наедь на него трансфокатором, — посоветовал он Марку.

Трансфокатор. Слово-то какое. Где он только его выучил? Наверняка готовился. Типа он не просто так помреж, а еще и в теме.

— Да ну его, не люблю эти наезды, — скривился Марк.

— Наедь, наедь издали, типа мы за ним наблюдаем, а он не видит, а потом подойдем, он заметит и уберет. Сань, скажи же, так драматургично выйдет.

Ну, точно готовился. Студент...

— Угу, — промычал я.

Мне было все равно. У меня другая цель — донести о том, что, несмотря ни на что, настоящая любовь сильнее всего. Даже неизбежной гибели.

Так что засняли сперва издали, как и советовал Саня. Потом подошли ближе, Олег убрал блокнот и внимательно посмотрел на нас.

— Олег, — спросил я, — а как ты познакомился с Таней?

— Познакомился? Это она вошла. Оплачивай проезд, это, говорю. А она смотрит, смотрит, это, на меня... и глаза у нее такие. — И он расплылся в мечтательной улыбке.

— А потом что?

— Что потом?

— Ну, как ты узнал ее имя? Вы общались? Ты ей нравился?

— У нее не было за проезд. Я говорю: оплачивайте или на выход. Она говорит: не пойду. Я говорю: это, нельзя так. Она: мне все равно. Тогда я сам за нее, это, заплатил. А она, ну вот, сказала же можно. Потом звонит, говорит: это Таня. Ну, я и узнал, что, это, она Таня, — и замолчал.

— Все?

— Что все?

— Узнал, и все? Значит, вы не встречались? А как ты узнал, что она в Саратове?

— Она вышла, я за ней пошел. Она не видела, это, что я тоже иду. Дошла до дома, зашла. Ну, я, это, и стал ходить. Ходил, смотрел, это, на нее. Иногда видел, иногда нет.

— А она тебя не замечала?

— Нет, я это....

— Прятался?

— И прятался, это, и переодевался.

— А поговорить не пробовал?

— Нет, это, не пробовал. Только она подходит, сердце прям стук-стук, это, чуть не вырывается оттуда.

— И долго ты так ходил?

— Четыре месяца. А потом, это, прихожу. А ее нет. И потом нет. И потом. Неделю ходил.

— Уехала?

— Уехала.

— А как узнал?

— Старушки, это, на лавочке сидели, переехали, говорят, в Саратов, энти. Таня, спрашиваю. Ага, говорят, это и Таня, и Люба, и Кирилл.

— Так, может, не та Таня вовсе.

— Та. Я спросил, это, такая Таня? — И он взмахнул рукой, словно дирижер, и начал водить ею и выписывать какие-то загогулины. — И они закивали.

— Значит, она уехала, а ты так ей ничего и не сказал. А как ты хочешь ее найти? Там же много людей. Саратов-то не маленький.

— Она в однушке живет.

— А мы Вадима Вадимовича попросим, — улыбнулся Новиков.

— Но как мы найдем Таню? — повторил я.

— Это, конец света, — только и ответил Олег.

На него было жалко смотреть. Он стал похож на бездомного щеночка, мокнущего под дождем.

— Это. Краснова Таня Валерьевна.

— О, ты и фамилию с отчеством узнал у старушек?

Но больше Олег не произнес ни слова. Уткнулся в блокнот и опять стал что-то чертить. Пришлось остановить съемку и уйти по-английски.

— Че-то я не знаю, — засомневался Саня. — Я думал, у них взаимно, а так она даже не знает.

— Так вот и не узнает, если мы ее не найдем.

— Ну, найдем, а дальше-то что?

— Как что? Он признается.

— А она скажет, ты мне никуда не стучался вообще. Аутист долбанный. И, в общем-то, будет права.

— Ну, не скажи. Да, он, конечно, не мажорик какой-нибудь, но, значит, надо парню помочь, чтобы реально покорил ее. И потом, мы же не видели эту Таню, она, судя по всему, тоже не королева, раз за проезд даже заплатить не смогла.

— Ох, не знаю. Чует мое сердце, что не светит ему ничего.

— Да тут и чуять нечего, — сказал, поправляя капюшон, Марк. — Обломится он, а тут еще и конец света.

— А мне вот кажется, у них все получится. Ну да, он странный. Но кто из нас не странный. А это все равно романтично. Тем более когда узнает, что приехал к ней из нашего Мухосранска, да еще и разыскал ее в таком большом городе, как Саратов, то оценит. Девушки любят безумные поступки. Вряд ли ради нее кто-нибудь делал что-то подобное.

Вечерком позвонил Саня.

— Видел?

— Кого?

— Ну, та, у которой мы тогда проснулись. Это же ведущая «Солянки».

— Да. Валентина. И что она?

— Назвала тебя уродом.

— Не понял.

— Ну во время эфира. Сказала, что ты урод и ублюдок.

— Вообще не понял.

— Да что тут непонятного. У вас было что-то? Сказала, что ты нетолерантный и такие, как ты, представляют угрозу обществу, тебя надо изолировать или лечить в больнице. Ты ее кинул, да?

— Да что у нас было-то? Пару раз на свидание сходили только, а потом она стала меня целовать, а я не дал.

— У-у-у. Теперь понятно, чего она так разошлась, прям рассвирепела. Нельзя женщин обламывать. Они вообще тогда неадекватными становятся. Короче, не позавидуешь тебе. Как бы еще чего не ляпнула.

— А с чего она начала-то? Я не понял.

— Ну, рассказывала о новостях, а потом вот, мол, недавно у нас был один персонаж, мы ему целый эфир «Солянки» посвятили, и с мэром он благодаря нам на встречу ходил, так вот он мразь и неадекват.

— Сама она неадекват.

— Я бы тоже с такой мутить не стал. Так-то вроде ничего, но эта родинка ее.

— Спасибо, Саня.

— Хотя и без нее она явно не Снежана.

Я почувствовал, как он сдерживает позывы расплакаться. Стойкий оловянный солдатик. Но снова успокаивать его у меня не было желания. В конце концов, это он позвонил, чтобы поддержать меня, а не наоборот. А тут как и раз и домашний зазвонил.

— Извини, Сань, звонят. Перезвоню.

— Алло.

— Сашок!

Все понятно. Мама тоже видела новости. Как же спокойно мне живется без ящика.

— Мам, это розыгрыш такой.

— Ничего себе розыгрыш. Я от стыда чуть не сгорела. Тетя Катя звонила уже и тетя Света. Папа зато не расстроился. Сказал, что он говорил, что позор один.

— Мам, да все нормально. Просто черный пиар.

— Правда?

— Ну, конечно, зачем мне врать? Все так делают. Сперва хорошие, потом гадость какая-нибудь, а потом опять хорошие. Реклама для фильма.

— Ну, не знаю, а я подумала, что это твоя невеста, а ты с ней плохо поступил, и вот теперь она решила тебе таким образом отомстить.

— Она мне не невеста.

Хотя все остальное верно.

— Ну, все равно как-то нехорошо. Что люди-то подумают?

— Да плевать, что они подумают. Они и не знают меня. Какое им дело до меня? Я же не мэр.

— Ох, Сашок, мы же переживаем за тебя, волнуемся.

— Да все хорошо, мам. Спасибо.

— Когда придешь-то?

— Я же говорил, приду. Я позвоню.

— Звони, звони. Мы всегда рады тебе, что бы ни случилось.

— Спасибо.

— Даже папа.

— Я верю.

— Сашок, ты точно с ней не встречался? Так-то она ничего. Агрессивная только, и эта родинка...

— Мам, мне работать надо.

— Ну, конечно, конечно, работай, сынок. Тоже пойду. Сериал щас мой начнется.

А тут в жизни сериал настоящий. Вот так Валентина. Не думал, что она может так подло поступить. Главное, пытаюсь помочь человеку обрести истинную любовь и в это же время порчу другому человеку жизнь, игнорируя его чувства. Странная штука любовь, всегда в ней какие-то заморочки. Понятно, что чем сложнее, тем интереснее, но иногда все так сложно, что уж и вовсе весь интерес пропадает. Зато отчаяние накрывает с головой, как волны при шторме. Вот раньше вообще люди не парились. Жили в одной деревне, особо выбора-то и не было. Марфа, Акулина да Аглая. Эта слишком полная, эта носатая, третья ничего так. Вот к Аглае и пошли. И ничего жили, не разводились, как-то по десять детей рожали. А теперь придумали любовь, так, чтоб аж внутри все замирало, и попробуй найди одну такую единственную среди полутора миллиарда девушек. Хочешь не хочешь, разведешься. Нужна-то одна, а их вон сколько. И чем я ей вообще понравиться мог? Пухлый, сутулый, невысокий, несмазливый — словом, ничего выдающегося. Не из-за ютуба же с мэром? Ее саму чуть ли не каждый день по ящику показывают, так что завидовать или восхищаться моими «достижениями» не с чего, да и как-то глупо. Любовь...

И настроение тут же испортилось. Не из-за того, что она наговорила что-то там про меня, нет. Проще выучить китайский язык, чем разобраться, что, куда и зачем в нашей жизни. Да еще и этот апокалипсис.

Кино, разумеется, я не смотрел. И лег поздно. Лежал, ворочался, мысли лезли в голову. Вот почему так? Если рубишься целый день в «Call of Duty», то мыслей вообще никаких не бывает, кроме «нажми такую кнопку, нажми другую кнопку», «получай, фашист, гранату» и «опять по новой уровень проходить?». А если что-то происходит подобное, так целая автоматная очередь накрывает мозг и штурмует, как Суворов Измаил. И свербит, свербит, свербит его. Какой тут сон? Хоть снотворное пей, но дома не было водки.

Под утро я все-таки отключился, так же неожиданно и незаметно, как это бывает во время просмотров иранского кино. Включаешь, отрубается и спишь до самых титров. Снилось мне снова мама. Она готовилась к свадьбе, не своей и не моей, а к свадьбе Олега. Происходило все, разумеется, в Саратове. Олег был счастлив, как

никогда, впрочем, я еще и не видел его счастливым. Теперь же он улыбался, казался таким уверенным, совсем как в тире, а костюм так и вовсе делал его красавцем. Свадебные костюмы всех делают красивее. Гостей было немного. Я, Саня, Марк и водитель троллейбуса. Батя сидел в соседней комнате, смотрел футбол. Мама благословила Олега, обняла и стиснула так, будто участвовала в чемпионате мира на самые крепкие объятия. Марк с Саней даже всплакнули. Марк, кстати, снимал все это дело на камеру, видимо, не просто так его пригласили. И вот наконец вышла невеста. В фате, в белом платье, зацокала каблуками — все как надо. «Гюльчатай, открой личико», — чуть не сказал я, и когда она действительно откинула фату, то стало понятно, что это никакая не Таня, а Валентина.

Опять Валентина? Я надеюсь, голубей хоть они запускать в небо не будут? Но это я не увидел. После поцелуя молодоженов мне стало как-то легко и спокойно, наступило настоящее облегчение, и я проснулся. Заснуть долго не мог, а проснулся быстро. Жизнь, она такая.

Но главное, я понял, что нужно обязательно, просто кровь из носу ехать в Саратов, искать эту Таню и организовать встречу с признанием Олега, а иначе все, вернее, ничего — апокалипсис. А с Валентиной, может быть, я помирюсь, и мы даже будем друзьями, в конце концов, можно даже сделать более решительный шаг, вместе мы все равно долго не будем. Но это все потом, после фильма. Сейчас, прежде всего, Олег, Саратов и Канны. Канны? И я вдруг осознал, что в Саратов мы поедем уже не столько ради Канн, сколько ради Олега. Просто это все чертов апокалипсис, перед которым нужно обязательно сделать что-то хорошее, что-то стоящее, иначе просто для чего мы здесь? Чтобы пить, курить, пялиться в ящик, материть правительство, не вылезать из соцсетей и рожать еще более зависимых от всего этого детей? Ну уж нет. Нужно делать достойные вещи. Да, я не найду лекарство от рака, не построю приют для бездомных, не нарисую картину, которой будут восхищаться миллионы поколений, не найду способ избавиться от лени, но я могу оказаться полезным и сделать что-то хорошее для одного или двух человек. А если получится кино и кто-то посмотрит и поймет, что тоже нужно успеть признаться в любви, или посадить дерево, или навестить родных и близких, пока есть еще хотя бы немного времени, то их будет уже гораздо больше, чем двое. Не бывает мелочей. Уступленное в автобусе место не подвиг, конечно, но уже и на такой поступок не все способны. А ведь это нетрудно помочь донести старикам сумки, купить буханку хлеба нуждающимся, выслушать и поддержать друга, когда ему очень плохо. Но мы стали ценить только себя и свое время.

Набрал Новикова. Он был на смене.

— Сань, я перезвоню.

Перезвонит он. У меня такие откровения. А он работает. Ну как так? Почему?

Наконец-то позвонил Новиков.

— Что там у тебя опять?

— Саня, мы едем в Саратов?

— Сегодня, что ли?

— Нет, но чем скорее, тем лучше. Я все понял. Мы обязаны это сделать! Кровь из носу.

— Угу, скажи еще во имя любви.

— А почему нет?

— Ладно, позже поговорим, мне работать надо.

А вот я не мог работать. Все мысли только о том и были, как бы скорее оказаться в Саратове и увидеть эту надменную Таню. А может, и не надменную, неважно, любую Таню, и как Олег заявит к ней с шикарным букетом роз. Вот бы медальку

еще какую-нибудь ему. Он же вон как стреляет. Или шкуру медведя как кинет к ее ногам.

Пришлось идти на остановку. Высматривать каждый троллейбус, пока не увидел нужный.

— Это, оплачиваем проезд.

— Олег, я по делу.

— Оплачиваем проезд.

Ах да, на что я только надеялся. Это же Олег. Хорошо, хоть в троллейбусах проезд дешевле.

— Надо ехать в Саратов.

— Я, это, не знаю, куда ехать. Никто не говорит.

— Мы узнаем.

Он замер и внимательно уставился на меня. На лице выросла улыбочка. Ехидная такая, страшная улыбочка. Тане бы она точно не понравилась. Надо научить его улыбаться.

— Когда? — спросил он.

— Скоро. Очень скоро, Олег. А у тебя есть телефон?

— Нет, они, это, отслеживают. Как на охоте.

Вот вам и Олег. Он, оказывается, продуман. Мы-то ходим под колпаком, а он нет.

— А как ты созваниваешься с людьми?

Он развел руками, а потом добавил:

— На работе, это, телефон есть.

— Тогда запиши мой.

Он записал в блокнот. А я отправился в мэрию. Так меня и пустили, ага. Встреча с гражданами каждый третий четверг месяца. А он уже прошел. Засада. Тут, можно сказать, каждая минута дорога, а они — третий четверг месяца. И номер, с которого звонила Ольга, я не сохранил. Да и как бы я сохранил, если она звонила на домашний?

Пришлось идти домой и работать. Правда, сначала заглянул к Новикову.

Он был серьезен и невозмутим.

— Что там с Саратовом?

— Да вот решаю. Олег не против.

— Еще бы он был против.

— А вот со встречей с мэром все непросто. Короче, думаю, как наш Олег, завтра подкараулить эту Ольгу возле мэрии и попросить, чтобы передала Вадиму Вадимовичу, что нам нужна его помощь.

— Разумно. Сань, подожди, я щас.

И пошел с видом техасского рейнджера делать обход. А вот если бы все осознали, что апокалипсис неизбежен, то и воровать не было бы смысла. Правда, зная наших людей, они скорее пустились бы во все тяжкие, решив, что можно избежать наказания. Как говорится, умирать — так с песней.

— А как мы поедем в Саратов?

— В смысле?

— Ну, это ж затратно. Дорога, там, проживание. Еще неизвестно, сколько мы там пробудем.

Точно. Я даже не думал об этом. Мне ж еще долг возвращать. Если только поднапрячься, поскрести по сусекам, то как раз пятнашку я соберу. А дальше-то что? Звонить маме? Занимать у родителей? Стыдно как-то, еще начнет напрягать, что ни черта это не был черный пиар, просто у тебя проблемы, выкладывай начистоту. Батя тяжело вздохнет и скажет: «Я же говорил». Нет, только не у родителей. И не у мэра.

Ладно, решим. Может, позже отдам долг. Главное — это Олег и его Таня.

— Ну, Сань, ты же понимаешь, что кино само по себе затратное дело. Ради Канн можно и потратиться.

— Ну, так-то да. Просто с деньгами сейчас не очень.

— А когда с ними было очень?

Опять, что ли, закрытый путь? Короче говоря, расстроил меня Саня. Поэтому дома я с небывалым рвением взялся за работу. Нарисовал три варианта логотипа нового магазина молодежной одежды «Про fashion». На одной странице мощный рогатый бык в модной толстовке и узких брюках, на второй — кепка, на которой нарисован рэпер, похожий на Тимати, а на третьей — голова манекена с галстуком, на котором нарисована голова манекена. Затем набросал два варианта дизайна сайта компании, продающей пуэр, и, наконец, плакат для социальной рекламы о вреде алкоголя. Подросток с лицом старика, бутылкой водки в руках и надписью «Третьим будешь?».

Хотел уж было взяться за последний заказ, но позвонил Новиков.

— Я увольняюсь.

— Что так?

— Не хочет мне Лысак отпуск давать, ну я и послал его.

— Во даешь.

— Да я давно уже хотел увольняться. Надоело.

— Прямо давно?

— Ну, с неделю. Так что, Саня, едем. Только у меня бабосиков нет. Я могу автостопом. Давно мечтал попробовать.

— Это интересно. Тоже никогда не ездил. А вариант, кстати, неплохой. Можно что-нибудь снимать.

— Мне нравится твоя идея.

— Ладно, пойду работать. Мне же еще неделю дорабатывать придется.

Вот путь чуть-чуть и приоткрылся. Уже неплохо.

Еще и идея с манекеном и галстуком ребятам понравилась. Обещали троечку перевести.

Поперло.

Теперь бы и Олю перехватить, и жизнь будет снова прекрасна, до дня икс, разумеется.

Позвонила Валентина. Вот уж кого не ожидал.

— Александр?

Я не ответил.

— Это Валентина.

— Я понял.

— Боже, мне так стыдно.

— Неужели?

— Да. Я совершила большую глупость.

Я молчал.

— Это непрофессионально. Мне уже вынесли выговор, обещали лишить премии. Но это ерунда. Я не должна была так делать, и теперь очень жалею. Очень. Я испортила вам, то есть тебе репутацию и себе.

Я молчал.

— Просто ты, то есть вы, то есть да, ты, мне нравишься.

— Спасибо. Я уже понял.

— Я не ожидала, что ты... что так... Я тебе совсем не нравлюсь?

— Не совсем. Ну, то есть нравишься немного, но я пока не знаю, достаточно ли этого для чего-то серьезного или нет. Мы снимаем кино, и мне, если честно, по-

ка не хочется разбираться во всем этом. Слишком сложно. Вернемся из Саратова, обещаю, я дам тебе конкретный ответ.

— А мне ты нравишься.

— Я уже понял.

— Дура. Вот дура... — психанула она и отключилась.

И чем вот я ей понравился? Родинка в конечном счете фигня, а вот то, что у нее не все в порядке с психикой, это уже серьезная проблема. Отношения вообще для мазохистов. И чем дольше живешь один, тем сложнее в них вступить. Хотя именно этого она, видимо, и хочет. Впрочем, тут наверняка была замешана и природа. Женщине просто необходимо пророжаться, и хоть внешне это незаметно, уверен, что внутри ее распирает от желания подарить миру розовощекого милого карапуза, а то и двух. Но разве я гожусь для отцовства? Да и о каком отцовстве может быть речь, если у всех нас осталось так мало времени? Просто ничтожно мало.

Фу, только на лишние размышления натолкнула. Жестоко рожать детей перед концом света. И мне стало так жалко всех, что я едва не расплакался. Люди, конечно, те еще сволочи, но не уверен, что без них на земле настанет мир и покой. Вон Олег, хотя с ним не столько весело, сколько удивительно и даже жутковато. Когда у него меняется взгляд или когда чертит в своем блокнотике.

И я снова стал грузиться, стоит ли вообще пытаться кому-то помочь, тем более малознакомому человеку, или лучше забить на все, построить любовь с Валентиной и пожить хоть немного счастливо? А то я прямо получаюсь сама жертвенность. Нет, к черту все размышления. Полочку я знаю давно, а Валентину, можно сказать, вообще не знаю.

Телефон затрезвонил снова, но брать я уже не решился. Пусть мучается. А сам лег спать. Снились кошмары. Одноногие драконы, за которыми охотился Олег, стрелял в них из арбалета и, разумеется, не промахивался. Его стрелы летели точно в левый глаз жертвам, пробивали его, пробивали череп и застревали, как пожилые инфантилы навечно застревают в пещере подросткового сознания. Олег шел медленно к этим драконам, отрезал их большие когти и вешал себе на шею, как бусы. Затем снилось то ли будущее, то ли прошлое, но все, абсолютно все люди ходили в том же прикиде, что и маньяк из фильма «Крик», и пытались друг в друга воткнуть огромный нож. Втыкали и втыкали, втыкали и втыкали, и по улицам текли багряные кровавые реки. Третий сон, хоть и обошелся без убийств и оружия, был не менее жутким. Мне снился хвойный лес. Просто хвойный лес, безмолвный, неподвижный и темный. Мрачный, гнетущий и безграничный. Это было так страшно, что я едва не поседел во сне. Всегда снились какие-то звуки, разговоры, а тут полная тишина, полнейшая тишина, совершенная. Думать перед сном вредно.

Утром я караулил Ольгу у здания мэрии. Группка девушек, проходящих мимо, заметили меня, помахали, я помахал им в ответ. Не то чтобы надеялся на какое-то продолжение, но мало ли. Однако они захихикали и скрылись из виду. Слава, мать ее. Почти в ту же секунду появилась Ольга, остановилась, заметив меня, не ожидала. Я улыбнулся так искренне и широко, как только смог, и пошел ей навстречу.

— Здравствуйте, Ольга!

Вадим Вадимович, конечно, не думал, что мы так обнаглеем, долго ломался, но все-таки пообещал помочь и с поисками.

— А что, в контакте этом вашем ее нет?

— Нет. И в фейсбуке тоже.

— Удивительно. Я думал, вся молодежь в этих ваших социальных сетях сидит.

— Получается, что не вся.

— Удивительно, — повторил он. — Ладно, не стог сена в иголке, поищем.

— Спасибо.

Вот это уже что-то. Вот это уже серьезный шаг. Саратов был не за горами. И мэр-то не так плох, как казалось. Целых два обещания выполнил. Почти выполнил.

Марк чуть не загрыз меня, когда узнал, что я виделся с Ольгой без него.

— Урод ты, товарищ режиссер.

— Она меня чуть не послала, двоих бы точно испугалась. Тем более тебя.

— Да пошел ты. Знаешь же, что я... что она мне, пошел ты. — И ушел сам.

Но Ольга и правда обеспокоенно спрашивала меня:

— Не будет ли этого вашего господина Никулова? Или он где-то рядом прячется?

— Нет.

— Я, вообще, замужем, — разъяснила она.

Кто бы сомневался.

На что вообще надеялся Марк? Еще наивнее, чем Саня. Может, его с Валентиной свести? Это еще куда ни шло. Но Ольга... Ольга.

Обижался, он к счастью, недолго. Видимо, умел реально оценивать свои шансы. Поэтому минут через пять вернулся, злобно посмотрел на меня, показал средний палец и молча встал рядом. Новиков, в отличие от него, был весел и невозмутим.

— Откуда столько оптимизма? Ты же уволился.

— Вот поэтому и оптимизм. Ну, и сон хороший снился.

Сон ему хороший снился. Не то что мне.

И мы пошли к Олегу. Он собирался в тир, а затем закупаться к поездке в Саратов.

— Это, узнали?

— Еще нет. Но Вадим Вадимыч обещал помочь.

И он как давай строчить из пулемета на радостях. И все в яблочко. Да ему в спецназе надо работать, а не кондуктором. Затем мы пошли на «Локомотив». Есть у нас небольшой рынок, где китайцы торгуют третьесортной дешевой одеждой и изредка, скорее в порядке исключения, чем-то более или менее с наклеенными лейблами известных фирм.

Олег купил себе черные брюки, новые боты и белую рубашку — классический набор жениха. Перед таким роскошеством Таня точно не должна была устоять. Так и видел ее млеющую и бросающуюся в объятия Олега.

С выбором подарка для Тани было все гораздо сложнее.

— Да купи ей плюшевую игрушку. Всегда прокатывается.

— Ничего банальнее не мог придумать? Плюшевую игрушку. Детский сад. Надо что-то небольшое, но солидное. Колье там, часы.

— Без подарка никак. Мы же едем в другой город, ты же должен ее покорить.

— Ага, это должно быть необычное, но приятное. То, что вас свяжет. Навеки.

— Свяжет? — оживился Олег. — Так это...

И тут мы увидели палатку с вязаными шапками, шарфами, свитерами и пуховиками.

— Свяжет, — повторил Олег. — Как свитер. Или шарф.

— Прикольные шарфы, кстати, — оценил Саня.

— Прикольные шарфы, — повторил Олег и указал на фиолетовый шарф крупной вязки. — Дайте этот. Мне нравится, как он связан. Тане тоже понравится.

Я не был уверен на сто процентов, что это именно то, что хотела Таня, но шарф был действительно милый. И для первого подарка вполне неплохо.

Затем мы зашли в «Макдональдс» отметить это дело. Тоже не самое лучшее для этого место, но так захотел Олег. Мы взяли по молочному коктейлю и бигмаку.

— Ну что, как будем по парам разбиваться? — спросил Новиков, допив коктейль.

— Это каким парам?

— А ты что, не рассказал ему? — наехал на меня Саня.

— Пока нет. Собственно, что тут рассказывать? С деньгами, как я понимаю, у всех напряженка?

Парни промолчали, и только Саня закивал, как вельможа, лебезящий перед султаном.

— Значит, самый приемлемый, пусть и не простой вариант для нас — автостоп.

— Это я придумал, — похвалился помощник режиссера. — Разобьемся по парам и поедем. Вчетвером-то нереально. Будем меняться, кто едет с Олегом, тот и снимает.

— Как это снимает? Я же оператор, — возмутился Марк.

— А я режиссер. И я должен видеть, что происходит.

— Я один не поеду, — надулся Саня.

— Но я оператор, и я снимаю.

— Побудешь немного помрежем, — улыбнулся Новиков.

Олег молча наблюдал за нами. Не то чтобы мы его бесили, скорее, был в своих мыслях, продолжая поглаживать пакет.

— А это, далеко до Саратова? — неожиданно спросил Олег.

— Тыщу сто-тыщу двести километров. Примерно, — ответил Марк.

— Это долго ехать будем, — решил Олег.

— Так давайте в каждом городе встречаться. Там и будем меняться. Ну вот, мы разбиваемся. Я с Олегом, ты с товарищем режиссером. И едем до Перми. Там, допустим, договариваемся встретиться возле думы. Если кто раньше приехал, ждет, пока не подъедут вторые.

— И ты отдашь камеру?

— Не-а. Необязательно ж все время снимать Олега. У нас тоже может что-то прикольное происходить.

Я, в общем-то, не мог не согласиться, хотя мне пришла в голову идея еще лучше.

— Либо мы можем просто снимать на две камеры и посмотрим, у кого будет круче.

— Как это на две камеры? У нас же одна.

— Так Серега выкупил свою. Ему опять поперло со ставками.

— Круто! А я с того раза его больше не видел, — сказал Саня. — А че ты сразу не сказал про камеру?

— Да я сам только сегодня после мэра к нему зашел и как-то не сразу вспомнил про камеру.

— Тогда вообще можно не меняться, — предложил Марк.

— Не-не. Так честнее будет, — возразил Новиков.

— Я за честность, — вставил Олег.

— Ну, ок. Из Перми едем в Ижевск. Оттуда в Казань.

Олег вытащил шарф и прижал к щеке. На этом и закончились наши посиделки...

Проснулся я в полшестого утра, от пришедшей эсэмэски. Номер был скрыт.

«Краснова Татьяна Валерьевна. Город Саратов улица Чапаева, 79, кв. 33». Ну Вадим Вадимович, ну молодец. И тут не подвел. Это значило, мы смело могли отправиться в путешествие.

У меня чесались руки начать обзванивать парней, но я-то не ФСБ, мне непростительно будить их чуть свет. А спать уже не хотелось. Ну что, Таня, посмотрим, что ты за птица. Кое-как дотянул до восьми часов и набрал Новикова.

— Адрес есть.

— Какой адрес?

— Ну Тани этой. Из Саратова. Так что едем, Саня. Хоть послезавтра.

— Марку я сам позвоню.

И отключился. А я пошел к Сереге. Камеру-то мы ж не забрали.

Сергея не очень-то хотел делиться камерой:

— Один раз уже не очень хорошо все закончилось.

— Ну, теперь-то все по-другому. Серег. Ну очень надо.

— Всем надо, — философски заметил Сергей.

— Мы напишем в титрах про тебя, что очень благодарны, что без тебя вообще ничего не получилось бы.

— Вот это уже интереснее, — сказал товарищ, срезая очередную копну травы. — Ладно, берите.

— Спасибо, братан, ты настоящий. Все настоящие. На «Баварию» поставить не хочешь?

— Да как-то не знаю. Хороший кэф?

— Один и четыре. Железно.

И я поставил, и выиграл, и рассчитался с соседями. Золотой человек — Сергей Заикин.

Два дня пролетели быстро. Олег очень возбудился, сказал, что он не готов, перся в тир, стрелял там до посинения, рисовал что-то в блокнотике и снова стрелял. Марк взял отпуск за свой счет, вернее, он взял его еще три недели назад, но только сейчас сказал об этом.

И вот мы стояли на трассе в половине пятого утра. Я и Саня. Марк и Олег чуть подальше. Камера наготове, но пока я не снимал. Дул холодный пронзительный ветер, от которого даже волосы на ногах шевелились. Рассветом и не пахло. Саня пританцовывал и возмущался:

— Такая рань, такая рань. Могли бы спать да спать.

— Ты сам сказал, что надо выходить пораньше, днем сложно уехать.

— Ну, не настолько же пораньше. Темно, и ни одной машины не видно.

— Шас дальнубой пойдут.

Но они не пошли ни «шас», ни через час.

Мы уже танцевали все четверо. Небо начинало алеть, но теплее не становилось. Метр за метром мы двигались вперед, и с каждым новым шагом лицо помощника режиссера выглядело все мрачнее и мрачнее.

— Да где машины-то?

Нет, парочка все-таки проскочила мимо нас, но оптимизма это нам, естественно, не прибавило.

— Может, ну его? Автостоп этот.

— Ты ж сам предложил.

— Ну сам, да. Но я думал, что мы выйдем на трассу, тут куча машин, руку поднимешь, и кто-то сразу остановится. «Здравствуйте, прямо по трассе не подбросите?» И все мы уже едем в тепле и снимаем разговорчивого водителя.

И тут нас как зальет светом от фар. Я вскинул руку, вытянул большой палец. Вот он, долгожданный дальнубой.

— Ну остановись, ну что тебе стоит? Видишь, как мерзнем?

И он остановился, но не рядом с нами, а возле парней. Те, видимо, выглядели еще жалостнее. Мы молча смотрели, как Марк что-то объяснял водителю, активно размахивая руками, затем кивнул Олегу, и они быстро полезли в кабину. После чего КамАЗ с шумом сорвался с места. А мы лишь завистливо вздыхали.

— Везучие, — позавидовал Саня. И вдруг сорвался с места и начал бегать. — А-а-а.

— А-а-а, — подхватил я и тоже стал наматывать круги возле трассы.

Продрогли мы не слабо. На двадцатом или чуть больше круге стало жарко не только внутри нас, но и на трассе. Сперва мимо нас со свистом проехала «лада калина», затем уже синяя «субару», потом еще один дальнубой, и еще несколько

машин, пока наконец водитель серого «опелька» не сжалился и не остановился. За рулем сидел невысокий мужичок лет сорока пяти с пышными усами и маленькими, как пуговки, быстро бегающими глазами.

— Здрасьте! — улыбнулся Саня.

Он не ответил.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Угу, — проскрипел мужичок.

— Отлично! — обрадовался Новиков и собрался уже залезать в салон.

— Только мы без денег, — добавил я.

— Чего?

— Без денег. Автостоп.

— Чего? Умные какие. Без денег. Нашли такси, — сказал усач и захлопнул перед Саней дверь.

— Облом, — заметил я.

— Вообще отстой. Он что, про стопщиков не слышал?

— Не знаю.

Но страдали мы недолго. Буквально тут же перед нами остановилась старенькая, но родненькая «шестерка», управлял, которой такой же старенький седой водитель.

Я открыл дверцу.

— Здрасьте, прямо по трассе не подбросите?

— Куда вам?

— Вообще в Пермь, но можете подкинуть, куда вам угодно.

— Запрыгивайте.

— Не-не-не, — вдруг включился Новиков, — мы без денег.

— Без денег?

— Да-да. Извините.

И захлопнул дверцу. Дед посмотрел на нас, покачал головой и тронулся с места.

— Ты чего, опух? — Набросился я на товарища.

— Саня, я лазил по форумам стопщиков, там все хвалятся, какие крутые тачки они остановили, и чмырят тех, кто всякое старье по типу этой «шестерки» стопит. А мы бы еще на камеру снимали, тогда б вообще все увидели.

— Я смотрю, жарко тебе?

— Нет, конечно. Но не хочется позориться с первой же машиной.

— А пацаны щас в тепле едут и ржут, наверное, над нами.

— Да не, не ржут. Они ж не уроды. К дальнобоям, кстати, все нормально относятся. Они вообще как санитары трассы считаются.

И только мы вспомнили про санитаров трассы, как целая колонна «санитаров» показалась на горизонте.

— Улыбайся, — скомандовал Саня, размял ладони, плечи, ноги, подошел к краю асфальта и резко выкинул руку вперед, улыбаясь, как модель на рекламной акции.

Но колонна предсказуемо проехала мимо. Дальнобои останавливаются, когда едут в одиночку, дорога длинная, и не с кем поговорить, а тут их вон сколько.

Новиков, конечно, расстроился и снова начал бегать. Впрочем, и я тоже.

— Так мы и до Перми добежим, — то ли в шутку то ли всерьез произнес Саня.

— Нечего было деда отправлять, — огрызнулся я.

— Да он на своей тарахтелке ненамного быстрее едет.

— Он хотя бы едет. И парни едут.

— Вон смотри, узик едет. Тормози.

— А че, за узик чмырить не будут?

— Нет, ты че, наоборот. Мало ж кому удастся застопить узик.

А нам удалось. Из уазика на нас смотрел здоровенный мужик, похожий на Дукалеса из сериала «Улицы разбитых фонарей».

— Здравсьте, — уже в который раз поздоровался Новиков.

«Дукалис» не отводил от меня глаз. И так было холодно, а от его взгляда меня вообще в дрожь бросило.

— Ну, — пробасил водитель.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Ну.

— Здорово. Саня, прыгай.

Ему что, вообще не страшно, что ли?

— Только мы без денег, — добавил товарищ. — Ничего?

— Ну, — ответил «Дукалис».

И мы залезли в салон. Ехали молча. Минуту, две, три. Даже радио не играло. Наконец он спросил:

— Куда едете?

— Вообще в Саратов, — ответил Новиков, — но сначала в Пермь.

— Я до Лесного.

— Круто. Оттуда явно ближе до Перми.

— Автостопщики, что ли?

— Ну да.

Говорил только Саня, я как-то опасался и поглядывал на его хмурое мощное лицо.

— Правда, раньше не ездили. Вот первый раз попробовать решили. Ну, че ты не снимаешь? — Толкнул он меня в плечо.

— Что не снимаешь? — напрягся «Дукалис».

— Да мы кино снимаем.

— Какое кино? — еще больше напрягся «Дукалис».

— «То, что нас ждет».

— Что нас ждет? — Он даже сбавил скорость.

— Ну, про апокалипсис. Сань, покажи камеру.

— Может, не надо? — усомнился я.

— Да что такого? Покажи, покажи.

Я вынул из рюкзака камеру. «Дукалис» испугался так, словно никогда не видел видеокамер или это было мощнейшее оружие на свете.

— Так вы журналисты?

— Нет. У нас кинокомпания «Сан Саныч пикчерз». Мы киношники.

— Убери камеру. Убери камеру, я сказал.

Я убрал камеру.

— Снимают они тут. Может, вы террористы.

— Да какие мы террористы, — чуть не расплакался Новиков.

— Кто ж вас знает? Вот что, — и он остановил машину, — выметайтесь подброду.

— Чего? — удивился Саня.

— Вылезайте, говорю. Не повезу я вас.

— Но почему? — начал было возмущаться Саня, но я открыл дверцу, выпрыгнул на дорогу и потянул товарища за собой.

— Так даже лучше, Сань. — Мотор зарычал, и уазик сорвался с места. — Видел, какая у него морда. Да он сам бандюган какой-то.

— Дай мне камеру.

Я снова вытащил ее из рюкзака и протянул товарищу. Он стал снимать удаляющийся УАЗ.

— Вот этот узик мы застопили,— говорил Новиков,— неплохо для первого стопа, а? Только водила оказался неадекват. И как только увидел камеру, послал нас куда подальше и высадил. Но ничего, мы не теряем надежды. О, Сань, стопь быстрее.

Я обернулся и увидел, что к нам стремительно приближался «ауди А шесть». Так же стремительно я поднял руку, и, о чудо, автомобиль затормозил ровнехонько перед нами.

— Здравствуйте, мы без денег,— решил я сразу расставить все точки над «и».

Правда, вряд ли лысого водителя, презрительно смотрящего на нас, интересовали наши деньги.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Прыгайте.

— Нормуль, — обрадовался Саня, залезая на заднее сиденье. — Ничего, что мы с камерой?

— Ничего,— не сразу ответил лысый водитель.

Он был поменьше, чем «Дукалис», но все равно гораздо шире нас с Новиковым в плечах. Саня толкнул меня в плечо и показал большой палец, после чего протянул руку водителю и представился:

— Саша.

— Дмитрий.

— Саша. — Пришлось и мне представиться.

— Угу, — промычал Дмитрий.

Новиков стал водить камерой по салону. И что он снимал? Дмитрий не горел желанием разговаривать. Поэтому Саня взял на себя роль тамады:

— Хорошая у вас тачка.

— Угу.

— «Ауди шесть», да?

— Да.

— Я бы тоже такую хотел.

— Куда едете?

— В Пермь.

— О. У меня там брат живет. Балбес. Я до Лесного.

— Круто. Оттуда намного ближе, — во второй раз уже за полчаса произнес эту фразу Саня.

Всем в этот Лесной. У них там что, конкурс суровых мужиков на звание «Обмочи штаны при встрече»?

— Радио включу?

— Конечно.

И, конечно, он включил радио «Шансон». Саня отложил камеру.

«Гоп, мусорок, не шей мне срок», — раздалось из динамика.

— «Машина „Зингера“ иголочку сломала», — стал подпевать Дмитрий, но быстро замолчал, прибавил газу и вцепился в руль.

Приемник ловил сигнал все с большими помехами. Какое счастье. И вскоре Дмитрий выключил его совсем, вставил флешку и нажал кнопку play. Я думал, что снова раздадутся несменных три аккорда, разбавленных приклатненным голосом, но нет. Из динамиков полилась тихая, спокойная фортепианная музыка. То ли Бах, то ли Шопен, не суть. Главное, что это была классика, которая ну никак не сочеталась с видом и лицом Дмитрия.

Зрелище было жутковатое: Дмитрий, вцепившийся в руль, словно Гомер Симпсон в горло Барта, трогательная мелодия, мы с Новиковым, замерзшие и немного пришибленные, и классическая музыка. И в голове сразу замелькали кадры. В рапи-

де мы несемся на корову, внезапно выбежавшую на трассу, она мычит, поворачивает к нам голову, глаза расширяются от испуга, Дмитрий отчаянно жмет на тормоза, визг тормозов, заглушающий звук фортепиано, и вот мы уже сталкиваемся, корову слегка подбрасывает вверх, дикое мычание, брызги крови, капли, стекающие по лобовому стеклу, бешено работают дворники, мы, от испуга вжавшиеся в сиденья, тело коровы падает на асфальт, и тишина. Секунду, две, пять. Безжизненно застынут дворники, корова подергивает ногою, снова начинает играть классическая музыка, и где-то вдалеке алеет рассвет.

Пока я все это представлял, Новиков успел уткнуться головой в сиденье водителя и уснуть беззаботным сном. Да уж, автостоп не такое веселое занятие, как мне показалось вначале. Вообще не веселое, скорее страшное и морозное.

— Дмитрий, а вы верите в апокалипсис? — спросил я через пару минут, когда уже самому стало дико неловко от молчания.

— В туалет хочешь?

— Да нет. Я про конец света. Ну, слышали, наверное, предсказания майя и все такое.

— А, эти, брехня все, Сань. Пиар-ход.

— В смысле?

— Ну как с Днем святого Валентина. Ты празднуешь?

— Два раза праздновал. Когда у меня девушки были, совпадало.

— Вот я каждый год неплохо с этих валентинок и игрушек поднимаю. Догадался же кто-то когда. Спасибо ему. Так и тут. Всякую хрень продавать начали, ты зайди в Интернет... тихо.

— Что?

— Мой любимый момент.

Я замолчал и наслаждался вместе с Дмитрием его любимым моментом. Он оторвал руку от руля и шевелил пальцами в такт мелодии. Она была и вправду хороша. Такая светлая, динамичная, похожая на полет ласточки, борющейся с ветром и побеждающей его. Тут представились длинные тонкие пальцы пианиста, так же стремительно парящие над клавишами, как эта самая ласточка. А ведь все пару минут назад он подпевал песне «Гоп, мусорок». Просто удивительно.

— Ну как, а? — спросил Дмитрий после окончания фрагмента.

— Да, — только и смог выдать из себя я.

— Проникновенно, да?

— Да, — повторил я.

— Людовико Эйнауди, — пояснил Дмитрий.

— А-а-а, — протянул я, хотя понятия не имел, кто это.

— Обожаю его. Расслабляет, особенно в дороге. Так что я там говорил?

— В Интернете продают.

— А, ну да. Наборы всякие для апокалипсиса. Ну разве не бред?

— Бред.

— Что там? Спички, стакан водки, батарейки, еще какая-то хрень, и стоит все тыщу двести. Тыщу двести, ты прикинь? Вообще совести нет.

— Ну да, разводилово какое-то.

— А я что говорю? И берут ведь, находятся идиоты и за тыщу двести берут, и за полторы, и за две бы взяли. А ты говоришь, апокалипсис. Маркетинг, и ничего более.

— А если правда?

— Ну ты, что в сказки, что ли, веришь?

— Нет. Но просто гипотетически, вдруг наступит? В Библии ж написано.

— Тогда всем нам звезда, — сказал Дмитрий и многозначительно замолчал.

Я тоже решил не портить тишину и стал слушать музыку. А он оказался неплох, совсем неплох, это Людовико Эйнауди. Надо будет скачать себе, как вернемся домой.

Может, даже вставить пару треков в наш фильм. Под его мелодии даже мысли об апокалипсисе кажутся более светлыми.

— В туалет хотите? — прервал мои мысли Дмитрий. — Остановлюсь у заправки.

— Нет, что-то не хочется.

— Ну, кофе, там, или перекусить?

— Да мы брали с собой, и что-то не хочется.

— А Сане?

А Саня по-прежнему дрых.

— И ему не хочется.

— Ну, как хотите, — сказал Дмитрий и затормозил у заправки.

Он вышел из машины и громко хлопнул дверью. А мне всегда казалось, что чем дороже автомобиль, тем бережнее к нему относятся владельцы.

— А, что? — Проснулся Новиков. — Приехали?

— Нет. На заправке остановились. В сортир хочешь?

— Конечно, хочу. Давно уже хочу.

— Ну, иди.

Саня выскочил вслед за Дмитрием, о чем-то переговорил с ним и направился к двери магазинчика, потирая на ходу руки.

Я взял камеру, включил запись, навел глазок на себя и произнес:

— Мы на стоянке. Не знаю, как там парни, а мы едем до Лесного. С Дмитрием. — Я перевел объектив на Дмитрия и снова на себя. — Дмитрий говорит, что предсказания майя — это грамотный маркетинг, и ничего более. Ну, не знаю, сдается мне, у него день рождения летом. — И закончил запись.

Больше мы ничего не снимали до самого Лесного. Саня отрубился, как только залез в машину, а мы слушали Людовико Эйнауди, да и ехать было не так долго, учитывая, что Дмитрий топил под сто сорок и выше.

— Спасибо. — Мы пожали руку Дмитрию.

— Прямо и не сворачивайте. Выйдете на трассу. Удачно добратся.

— Спасибо, — повторили мы.

Нормальный оказался мужик. А по виду и не скажешь.

— Ну что, выспался?

— Тип того.

— Везет тебе.

До трассы мы шли молча. Солнце пригревало, и настроение уже не было таким мрачным. Мы смотрели по сторонам, но не буду ничего описывать, так как Лесной — это город ЗАТО. Город как город. Немного жуткий, поэтому шли мы в довольно быстром темпе и облегченно выдохнули, когда впереди показался знак с зачеркнутым словом Лесной. И не успел я спросить: «Как там пацаны?», как ответ появился перед нами сам собой. Парни стояли впереди и махали нам.

— Долго вы что-то, — заметил Марк.

— Долго?

— Ну мы уже минут двадцать тут пляшем.

— Мы зато на «ауди шесть» ехали, — похвастался Новиков.

— Крутые.

— Снимали что?

— Да так. Не особо.

— И мы тоже.

— А вы-то почему здесь? Вас же дальнбой вез.

— Он в Тагил свернул.

— Тагигииил, — заорал Новиков.

- Это, Тагигииил, — подхватил Олег и стал гладить шарф.
- Как ощущения, Олег? — спросил я у него.
- Это, к Тане едем.
- Может, уже поменяемся? — предложил Марк.
- Ну, нет, — не согласился Саня. — Договорились до Перми, значит, до Перми.
- Вон тачка едет. Стопьте, раз вы первые.
- А мы? — возмутился Новиков.
- А мы отходим.

И мы отошли. И что удивительно, парни застопили «ладу гранту», которую я заметил. Наловчились, что ли? Или просто в Лесном все такие добрые. Они снова помахали нам и уехали.

- Есть охота, — сказал Саня и вытащил из рюкзака бутер. — Будешь?

Мы ели бутеры, а я думал, что всего этого могло не быть. Вот так легко, не было бы, и все. Не планеты в смысле, и нас с Новиковым. А этих бутербродов, залитых до невозможного майонезом, встречи с Олегом, машин, автостопа, ютуба, встречи с Валентиной, Снежаной и Вадимом Вадимовичем в нашей жизни могло и не быть, если бы однажды я не решил снимать кино. То есть вот так раз, и изменил судьбы многих людей. Татьяны, например, жила она себе в Саратове и думать не думала, что мы приедем целой делегацией, что Олег откроется ей, а Марк еще и запечатлет это для потомков. То есть, конечно, не потомков, какие потомки после конца света? Просто мы всем покажем и расскажем. Всем. Вот она готова к этому? Вряд ли. А Серега? Если бы не я, он бы не попал в КПЗ, Валентину не клюнул бы голубь, Саня не уволился бы с работы, и только батя так же бы обзывал меня позорищем и тунейдцем.

Странная, конечно, эта штука жизнь. И главное, не так сложно, оказывается, ее изменить. Просто мы привыкли делать одно и то же, а можно поменять что-то одно, самое незначительное — начать бегать или ходить в вегетарианское кафе, и вот уже все новое, как снежный ком, цепляясь друг за друга, захватит тебя, изменит расписание, подарит новые знакомства, цели, мечты. Хотя моя мечта неизменна. Ради нее, собственно, все и завертелось. Надо еще, чтобы мечты были хорошие.

Майонез капал на землю. Нет, ну кто так делает бутеры? Сам Новиков, что ли? Судя по его довольной физиономии, именно он и делал.

- Будешь еще?
- Нет, спасибо.
- А я буду.

И ведь съел. И чуть третий не достал. Если бы не старенький «форд». Я привычно уже вытянул руку, и «форд» затормозил. Ну, и кто говорил, что автостоп это сложно? Хотя новичкам везет. С этим не поспоришь.

- Здрасьте, прямо по трассе не... — с набитым ртом затараторил Новиков.

— Запрыгивайте, — не дослушав его, скомандовала тетенька, давно перешагнувшая за бальзаковский возраст.

Это была весьма плотная, но неполная женщина, широкая в плечах, с прокуреным голосом и химией на голове. Не послушаться ее было невозможно. Мы запрыгнули внутрь, только теперь Саня сел спереди и хлопнул дверкой так, что я думал, что вся машина тут же и развалится. Хотя она могла развалиться в любой момент и без посторонней помощи. Поэтому я не стал хлопать дверью, но она предательски не закрылась.

— Каши, что ли, мало ел? — возмутилась водительница. — Сильнее, вон как товарищ.

Саня заулыбался, как Чеширский Кот.

Я хлопнул посильнее. Снова не закрылась.

— Тебе помочь? — раздалось с водительского кресла.

— Не надо.

Бог любит троицу, поэтому с третьего раза дверь все-таки захлопнулась. И мы тронулись.

— Куда едете, братья месяцы?

— Мы не братья, — возмутился Саня.

— В Пермь, — ответил я и незаметно вытащил камеру.

— А я до Чусового. Но там рядом.

— Да это вообще близко, — подтвердил Новиков.

«Форд» завибрировал, как телефон или массажное кресло. Может, он тоже подлучил эсэмэску? Вот теперь, пожалуй, точно должен был развалиться, но нет, тетенька переключила на новую скорость, и мы с ревом помчались дальше.

— Сколько лет вашей машине? — осторожно спросил я.

— Не бойсь, — ответила она, — еще сто лет проедет и нас переживет.

— Очень оптимистично, — тихо заметил я.

— На свадьбу еду, — похвалилась тетенька.

— Заметно, — сказал Саня, поглядывая на ее прическу.

— К племяннице. Сестра у меня в Чусовом, Лариска. Я Людка, а она Лариска.

— Очень приятно. — Не Новиков, а сама вежливость. — А мы Шаши оба.

— Оба? Ну-ка, Сашок, поддержи руль.

Людмила (язык как-то не поворачивается назвать ее Людкой, мы ж не «Любовь и голуби» все-таки), повернулась к нам, положила ладони нам на плечи, что-то прошептала и снова схватила руль.

— Давно уже желание созрело, а загадать никак не могла, — пояснила она.

— О, можете загадывать, сколько хотите, — разрешил добряк Саня. — Тоже замуж мечтаете выйти?

— Замуж? Смешно, — закатилась Людмила и тут же начала кашлять, как заправский туберкулезник.

Я отсел подальше. На всякий случай.

— Я уже дважды вдова и трижды бабушка, — откашлявшись, сказала Людмила. — Это Лариска чумовая, и доча у нее такая же. В третий раз замуж выскакивает. А самой двадцать восемь, и двое детей от первых двух браков.

— Ого, — выдали мы оба в один голос.

Это уже «Пусть говорят» настоящее.

— И что, по любви? — спросил Новиков.

— Если бы по любви. Опять по залету. Она по-другому не умеет.

А дальше Людмила поведала нам про трудную, но богатую на события жизнь племянницы, про не менее насыщенную жизнь Лариски, про себя, свою дочь, внуков, мужей, зятя... К третьей минуте рассказа я уже запутался в именах, выключил камеру и устался в окно.

Бас Людмилы слился с дребезжанием «форда» и превратился в какофонический оркестр. Зря я не взял с собой наушники. А Саня слушал с интересом и что-то поддакивал, даже похвалил барашки на голове Людмилы, хотя если быть откровенным, то они выглядели убого и безвкусно. Семидесятые давно кончились, вот только никто ей, видимо, не рассказал об этом. Хотя бы волосы отрастила подлиннее, что ли.

Единственное, что я запомнил из ее рассказа, — это то, что она всю жизнь проработала в такси и у одного из ее внуков слабоумие, но при этом она никогда ни на что не ропщет, и не курит сигарет, и раньше пела в хоре, но потом сорвала связки, застудила их и не смогла вылечить.

Вообще, конечно, милая тетенька, но у таких, как правило, и бывает самая тяжелая жизнь. А в апокалипсис она не верила. И в Бога не верила, понятно, по каким причинам. Она нас даже «кофа» угостила.

— Ну-ка, Сашок, пошуруди там ручкой возле себя. Нашел?

— Что?

— Термос.

— А, термос. Да, нашел.

— Ну, вот бери. Пейте на здоровье.

— А вы?

— Да я уже этого кофа опилась. Мне б че покрепче...

Я напрягся.

— Дак нельзя. За рулем же, — продолжила она. — Ну, ничего, меньше часа ехать, там нагуляемся.

— А почему вы одна, кстати, едете?

— Ты чем слушал-то? Дочка всей семьей в Германию переехала.

— Простите, как-то упустил этот момент.

Не стал спрашивать, почему она с ними не переехала, а то бы разгневал еще женщину, а нам ехать всего ничего оставалось.

Кофе, кстати, оказался очень даже ничего. Натуральный, не растворимый. Саня даже две крышки выпил.

— Очень вкусно. Спасибо. — Прямо мечта любой мамы — идеально вежливый Новиков.

— Спасибо, — вставил я, чтобы не казаться невежей.

— Пожалуйста, — ответила Людмила и неожиданно затянула: — Когда я на почте служил ямщиком, ко мне постучался косматый геолог.

Не удивился, если бы Саня стал подпевать Людмиле, но он молча слушал. Видимо, Новиков ей понравился, а я не очень, и все оставшееся время мы слушали, как тарахтел и дребезжал ее «форд».

Чусовой мало чем отличался от других маленьких городов нашей Родины. Я, конечно, поснимал немного, но скорее для себя, вот, мол, мы и в Чусовом побывали.

— Весело вам отпраздновать! — пожелал на прощание Людмиле Новиков.

— И вам не хворать, и удачно добраться до Перми.

И мы потащились через весь город. Хорошо, что он небольшой. За двадцать минут мы были уже на другом конце и снова вышли на трассу.

— Ну что, где там наши? — бодро спросил Саня.

После кофе он стал чересчур активным, а вот меня, наоборот, клонило в сон.

— Не знаю. Не видно. Может, уже в Перми?

— Может, позвоним парням?

— Да не надо. Если бы че-то случилось, они бы уже сами позвонили.

— Все, звоню, — не унимался Саня. — Вне зоны действия сети. Что-то беспокоит меня.

Я и сам не был уверен, что ничего не случилось. Но к счастью, в сторону Перми ехал большой поток машин, и мы быстро переключились на него. Правда, теперь, может, оттого, что мы уже не были новичками, никто не хотел подбирать нас.

— Что за фигня? — сокрушался Саня. — Так перло, а тут....

Конечно, меня тоже беспокоило, что Олег с Марком не выходили на связь, вернее, Марк, у Олега-то нет мобильного, но истерить зачем?

Машину застопил я, за рулем был уса́тый мужчина лет сорока-сорока пяти. У нашего уса́ча была не новая, но вполне опрятная на хорошем ходу «дэу нексия».

— Здравствуйте, прямо по трассе не подбросите?

— Подброшу.

— Саня, залезаем.

Саня с кислым видом залез на переднее сиденье.

Усач оказался не таким разговорчивым, как Людмила, да и ехали мы с ним всего минут сорок. Я тоже попробовал набрать Марка, но все то же «вне зоны действия сети».

— Здесь вас высажу. Мне на села, а вам по прямой.

— Спасибо.

А есть уже и правда захотелось. Я вытащил чипсы и стал грызть. Саня посмотрел на меня, достал бутер, посмотрел еще раз и протянул второй бутер мне.

— Я тоже звонил. Вне зоны действия.

— А я о чем. Случилось же что-то.

— Если только Марк не забыл зарядить телефон.

— Маловероятно, — подумав, ответил Новиков.

— В любом случае мы ничего не можем сделать. Лучший вариант доехать до Перми и ждать их там, если они сами уже не ждут нас на улице Ленина.

Во всех городах есть что-нибудь, названное именем Ленина, поэтому, чтобы не путаться, мы договорились везде встречаться на улицах, проспектах или площадях у дома двадцать один. У дискотеки «Авария» просто есть такая песня: «Проспект Ленина, двадцать один».

До Перми мы доехали на «десятке».

Набрал Марка. Все тот же противный женский голос. Интересно, они конкурс не проводили на самый раздражающий голос? Наверняка что-то такое было.

— Так, пацаны, вам центр надо, — сказал водитель «десятки». — В центр я не повезу. Возле себя выкину на остановке, на маршрутке доберетесь. Лады?

— Угу, — замычали мы с Саней в ответ.

— Ну, давайте, счастливо добраться и пацанов своих встретить...

— Ну, вот мы и в Перми, — улыбнулся Саня, доставая телефон.

Город как город. Тоже мне культурная столица. Хотя спальные районы везде одинаковые. Но не везде же культурная столица.

— Ну что, есть гудки?

— Нет. Саня, мне не нравится это. Давай сфоткаемся. Мы ж в Перми все-таки.

— Ну, не на остановке же фоткаться.

Вот как он так может? Только что чуть не плакал из-за парней, и вот уже «давай сфоткаемся». Сфоткались. Подъехал пазик.

— До Ленина довезете?

— Мы в Москву не едем, только по городу, — ответил приколист-водитель.

— А до улицы?

— До улицы Ленина довезем, запрыгивайте.

— Нормально. — Подмигнул мне Саня и залез в маршрутку.

Мы уселись на заднее сиденье и уставились в окно. Смотреть особо было нечего, но после трассы, по крайней мере, разнообразнее.

— А проезд кто оплачивать будет? Тоже Ленин? — Сердито взглянул на нас приколист-водитель.

— Простите. У нас просто на выходе все оплачивают, — разъяснил я.

— А у нас на входе. И на выходе, — загоготал он.

— Смешно.

Я рассчитался.

— Вы же скажете, когда Ленина будет?

— Как мавзолеей увидите.

Да по нему «камеди баттл» плачет.

— Скажу, конечно, — добавил он уже нормальным голосом.

— Еще не скоро, — успокоила нас старушка в вишневом синтепоновом плаще.

Как ехали, я не помню. Отрубился почти сразу. В сон ворвался голос Новикова:

— Саня, Саня, вставай. Наша. Выходим.

На улице уже успело стемнеть. Я щурился от фонарей, долго и смачно зевал и кутался в куртку. К вечеру подморозило и было довольно зябко.

— Шас прямо, мимо сквера, и налево, — раскрыл дальнейший маршрут мне товарищ.

— Угу, води меня, Сусанин, только в лес не уводи.

— Говорю же, мимо сквера.

Дошли мы довольно быстро. Сквер, кстати, ничего так, красивый. Там еще внутри театр какой-то пафосный. Но театры я не люблю, особенно пафосные. А вот с домом двадцать один все вышло не так гладко. Парней, разумеется, возле него не было, но и сам дом был какой-то странный. То ли буквой Г, то ли это было несколько зданий, прилепленных друг к другу и под одним номером. Мы обошли всю букву Г. Никого.

— Обычная административка, — пожаловался Саня. — Могло быть что-то получше для места встречи. Еще и жрать охота. И пацанов нет. И что будем делать?

Если бы я знал, что делать.

— Есть, ждать, звонить. Что еще мы можем делать?

— Еще и ночевать где, непонятно.

А вот это вообще проблема так проблема. Как-то мы даже не учли, что надо будет искать ночлег. В Саратове ладно, у Марка хотя бы тетка есть, или та же Таня на радостях (если действительно обрадуется) постелила бы нам на коврик в ванной, коридоре или на шкафу, неважно. Но до Саратова еще ехать и ехать и надо где-то спать. На гостиницу у нас денег не было, даже на хостел.

— Ладно, ты пока жди, а я схожу пожрать что-нибудь куплю.

Далеко идти не хотелось, да я и сам не знал, куда идти. По счастью, попался ларек с хот-догами. Я вспомнил про маму, но, во-первых, это не «Макдональдс», а во-вторых, куда было деваться? Я купил по хот-догу и по чаю. Продавщица, пухлая женщина лет пятидесяти в белой, но уже засаленной шапке крупной вязки, пока подогревала сосиски и наливала чай, вздохнула четыре или пять раз, посмотрела на маленький экранчик телевизора, на котором не было ни звука, ни изображения, а только рябь или, как говорят киношники, белый шум, вздохнула еще раз и спросила:

— Ты в технике не разбираешься?

— Ну так, немного. А что?

— Да вот телевизор не показывает. После дождя настройки сбились, или что? Раньше показывал, а теперь вот нет. Настроишь?

— Ну, давайте.

Она протянула мне пульт, я всунул голову и стал переключать каналы. Вернее, я-то нажимал на переключение, но ничего не происходило. Я начал тыкать на все кнопки подряд.

— Ну как? — спросила продавщица хот-догов.

— Что-то он никак не реагирует. Может, батарейки сели?

— Час назад только поменяла батарейки.

— Странно.

Я потыкал еще. Эффекта ноль. Стал разглядывать пульт. Пульт как пульт. «Шарп». Вытащил батарейки. Вроде целые. Постучал их друг об друга, вставил обратно. Нажимаю — не реагирует ящик. Он, конечно, зло, но не рассказывать же ей об этом. Не поймет. Телевизор «Супра». Стоп. Как «Супра»? Ну да, «Супра». А пульт «Шарп». Тадам. Вот мы и открыли преступление века.

— У вас пульт не тот.

— Как не тот? Тот. Всегда все работало. А дождь, проклятый, залил киоск, он и заерундил.

— Ну, он «Шарп», а надо «Супра».

— Не разбираешься, так и скажи, — ответила продавщица, забрала пульт и протянула мне пакет с хот-догами. — А то пульт не тот.

— Спасибо, — сказал я, забрал пакет и чай и отправился к Новикову.

— Вне зоны действия сети, — вздохнул Саня, отхлебывая чай.

— Хреново.

— Не то слово. Съездили в Саратов.

Да уж, обрадовались, что автостоп — это легко и круто, что мир не без добрых людей, а тут получается, что это еще и очень опасно.

Съели хот-доги. По телу разнеслось приятное тепло, снова захотелось спать, но спать было негде.

— У меня телефон уже садится, — пожаловался Новиков.

— У меня пока что нет. У тебя никого знакомых в Перми нет?

— Не-а.

— А если подумать?

— Ну, где я их возьму, если нет? У тебя у самого нет?

— У меня — точно нет. У меня только одноклассник из Перми. Но он у нас живет.

— Может, позвонишь ему? У него тогда точно есть знакомые.

— Ага, позвоню. Только мы не общаемся, и у меня его телефона нет.

И тут как затрезвонит телефон Новикова.

— Марк, твою мать, есть, да, алло, алло!

Товарищ чуть не запрыгал от радости, да я сам едва не пустился в пляс.

— Понял, понял. Ждем, — говорил и кивал головой Саня. — Мы так волновались, просто жечь. Все, давай, давай, ждем.

И товарищ улыбнулся так, что и у меня на душе стало легко и приятно, словно Боженька босиком по сердцу прошелся.

— Что случилось-то?

— Да, короче, какая-то передряга была, он не стал рассказывать, но шас они уже едут, проехали Села, и скоро будут, просили подождать.

— Тогда поперли куда-нибудь погреемся.

— Пошли в магазины.

И мы погрелись в обувном, потом в музыкальном, Саня даже на гитаре попросил побренькать. Играть он, конечно, не умеет. Выдал три простеньких аккорда, но хоть время потянул и оправдал наше присутствие, а то продавец уже с подозрением на нас поглядывал. Мы вернулись к домам двадцать один встречать парней.

Парни появились через десять минут. Оба молчаливые. Олег-то ладно, он всегда такой, хотя даже для него слишком мрачно выглядел, а вот Марк уж совсем неприлично был загадочен. Саня кинулся их обнимать, вручать остывшие хот-доги.

— Вот вы нас напугали.

— Мы, это, сами напугались, — сказал Олег, зачем-то дунув на чай.

— Так себе зданьце, — заметил Марк. — Может, пойдем отсюда?

— Там рядом парк.

— Мы заметили.

В парке было уютно и немногочисленно. Марк рассказал об их злоключениях...

— Надо с ночлегом как-то решать.

— В смысле?

— В прямом. Мы же не пойдем шас на трассу. И где нам ночевать?

Марк озадаченно посмотрел на меня.

— Может, у тебя есть кто здесь? — уточнил Саня. — У нас вообще никого.

— Есть один, Антон, только он сто пудов с обратным визитом придет, еще и с родственниками. Нас же четверо.

— Да по фиг. Разместим, — улыбнулся Саня. Лишь бы щас к себе пустил. А то холодно уже.

Антон и правда оказался не самым добродушным хозяином. Хотя чего еще было ожидать? Любой нормальный человек прифигил бы, когда к нему под ночь заявился бы не брат, не девушка и даже не лучший друг, а просто хороший приятель из другого города, которого он черт знает сколько не видел, да еще с тремя мужиками, и, мило улыбаясь, заявил, что им негде ночевать, поэтому вся надежда на него. И тут либо он, либо вокзал, либо обезьянник. Короче говоря, смотрел на нас этот худющий лысеющий Антон, как на главных инженеров-конструкторов АвтоВАЗа, и решал: убить нас сразу или долго и мучительно, доставляя себе максимальное удовольствие.

— Кто так делает? — резонно заметил он. — У меня вообще ремонт. — Но все же нас пустил. Вернее, не всех, а Марка и Олега. А нас с Саней отправил к еще одному знакомому — Вадиму — в другой подъезд. Вадик был низкий, плечистый и накачанный, с тонкими губами и агрессивным бульдогом.

— Лает и не кусает. — Представил нам своего пса Вадим. — Хотя может и укусить, — добавил он, улыбнувшись.

Мы с Новиковым неловко улыбнулись в ответ.

— Че, пацаны, путешествуете?

— Ага, в Саратов едем, — ответил Саня, стараясь не шевелиться и не злить пса.

— Вместе, пацаны, путешествуете?

— Да. — Новиков испуганно смотрел на меня, но что я мог сделать?

— Ну, ладно, че, располагайтесь. — Не стал мучить нас допросами Вадим, смачно рыгнул и пошел к себе в комнату.

Мы переглянулись. Саня тяжело вздохнул.

Вадим вышел из комнаты с матрасом, подушками и пододеяльником.

— Одеяла лишнего нет, не обессудьте. Укроетесь пододеяльником. — И вручил это все богатство мне.

— Да вообще не вопрос.

— Ладно, спать пойду. Вы тоже, пацаны, ложитесь, вам же рано вставать.

Мы закрыли дверь и лежали на матрасе.

— Саня, ты спишь? — спросил я, рассматривая в окне неполный глаз луны. Спать на самом деле хотелось, и очень. Но то ли эта проклятая луна, то ли новое место, то ли еще что-то не давали погрузиться в царство Морфея.

— Нет, — заворчал товарищ.

— Как-то странно, да?

— Что странного?

— В первый раз с тобой спим вместе, на одном матрасе.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Почему нет? Сегодня был сложный день.

— Да, непростой, — ответил товарищ и уже через минуту засопел, как пузатый еж. Я сам практически тут же отрубился.

Утром мы стояли на трассе. Я и Олег. Парни уже были в дороге, а нам все как-то не везло. Пытались стопить по очереди. Но на Олега вообще не реагировали, а я затормозил «Волгу», но без денег мужик везти не хотел. Бог ему судья. Мы прошли уже километра три. Было холодно и хотелось спать. Я в очередной

раз стал сомневаться, правильно ли, что я все это затеял, да и из Олега собеседник неважный. С Саней мы хотя бы ржали или орали. Не знаю, каково придется Тане, единственное, что он может оказаться пылким любовником и все такое. И тогда им и разговаривать не особо-то нужно будет.

И тут как остановится «бэнтли». Ну, не «бэнтли», шучу, конечно, но какая-то вполне неплохая бэха. Новиков бы в слюнях захлебнулся. А если бы еще за рулем сидела шикарная молодая блондинка... Но о таком и мечтать не приходилось. На трассе даже если девушки и ездят, останавливаться они не решатся. В общем-то, правильно.

Водитель довез нас до Воткинска. Саня непременно бы переделал его в Водкинск, сам бы посмеялся, восхитившись своим остроумием, и заявил, что от Воткинска до Ижевска гораздо ближе.

Олег же только чертил в блокноте и изредка поглядывал в окно. Я бы тоже волновался, можно сказать, судьба у человека решается. Ну, или просто он аутист. Таких сейчас тоже немало.

В Воткинске перекусили в закусочной. Олег схватил чебурек, будто лет двести не ел, и яростно кусал его, брызгая горячим соком. Сок тек по его тонкому подбородку, как капли дождя по стеклу, но Олег не обращал на него никакого внимания. Мне снова стало как-то не по себе. Чебуреки добавили нам сил, поэтому четыре километра по трассе мы прошли так же уверенно, как наши спортсмены на церемонии открытия Олимпийских игр. А вот дальше уже мы шагали, как те же спортсмены, только на соревнованиях. Олег-то еще ничего, а вот я едва-едва не развалился с непривычки. Ноги ныли от холода и усталости, спина разламывалась на части (надо больше сидеть и лежать возле ноута), голову будто Валуев руками сдавливал, проверяя вместо арбуза на спелость. Словом, ЗОЖу и не снилось.

А потом Олег застопил синюю «ладу калину», и мы под веселые и нестареющие хиты 90-х доехали до Ижевска. Водила нас даже до самого центра довез.

— Найдете, тут рядом. — И уехал, подпевая «Белые розы» Юре Шатунову.

Парни уже ждали нас на пустыре.

— А где двадцать один?

— А вот представьте себе, товарищ режиссер, есть девятнадцать и есть двадцать три, а между ними пустырь.

— Нда, что-то не очень нам везет с местом встречи.

— Вы давно тут?

— Три часа.

Ижевск, конечно, неплохой город. Хотя по сравнению с нашим любой город неплохой и даже прекрасный. Солнышко пригревало, настроение было хорошим, поэтому мы решили прогуляться по центру и поснимать местных фриков. Было не очень-то многолюдно. Побольше народа, конечно, чем у нас, но не так чтобы уж очень. Не Москва, как сказал бы Саня.

На деревьях тряслись последние самые крепкие и стойкие желтые листья. Казалось бы, все: осень, хана, а они все равно боролись до последнего. Так часто лысеющие мужики стараются сохранить хотя бы три волосинки, не готовы мириться с тем, что они уже никогда не будут прежними. Хотя чего волосы-то жалеть? Они либо поседеют, либо выпадут. А вот деревьям эти островки увядшей юности вполне шли. Голые деревья выглядят устрашающе. Люди не улыбались. Страна у нас такая. Улыбчивые люди либо слишком молодые еще, либо приезжие, либо просто больные.

Город немолодой по сравнению с нашим, поэтому и посмотреть есть на что. Речка ничего такая, парки, храм какой-то, короче говоря, есть где погулять, не зря заехали. Мы сидели на набережной, ели пончики и пили лимонад «Буратино».

— Как в детстве! — радовался Саня.

— Хорошо, — вдыхая речной воздух, восхищался Марк.

Чистенько, цивильно, облагородили все, газончики, цветочки. Чайки летают, парочки, студенты прогуливаются, мужик какой-то бородатый в зеленой вязаной шапке на велосипеде. Все как надо, в общем.

— Может, не поедем никуда?

Мы с Олегом бросили испепеляющий взгляд на Новикова.

— Нет, ну а что? Красиво же. — И отхлебнул «буратинки».

— Красиво. Но в Саратове вообще красиво должно быть. Там Волга.

— И Таня, — добавил Олег.

— Ну да, да, — согласился Саня. — Поехали.

И мы поехали. До Казани было всего триста километров или даже меньше, так что к вечеру по-любому должны были добраться.

Пришла очередь ехать с Марком. Я отдал Сане камеру, он тут же принялся снимать, себя, трассу, Олега, нас с Марком, снова себя и трассу.

Мы отправились вперед, оглядываясь и угорая, Новиков кривлялся, танцевал, как моряк Папай, и махал нам рукой. Правда, уже спустя пять минут Саня махал нам из белой «девяносто девятой», промчавшейся мимо на полном ходу, затем резко затормозившей и медленно задом подъехавшей к нам.

— Запрыгивайте, — скомандовал товарищ, — Айрат не против.

Субтильный парень лет тридцати кивнул в знак согласия. Мы запрыгнули и полетели дальше по трассе. Вот так Новиков, вот так ас! Действительно крутой стопщик. Вдвоем-то не так просто затормозить машину, а он не то что вдвоем, он целый салон стопщиками забил. И я с гордостью посмотрел на Саню, который продолжал снимать нас, Айрата, дорогу, встречные тачилы.

Айрат оказался диким матерщинником, он материл все: дальнобои, не дающие себя обогнать, плохие участки трассы (а их было достаточно много), ремонтников, «ни хрена не парящихся», друзей, родственников, дождь, не к месту и не вовремя начавшийся.

— А че в Казани-то? — спросил он в перерывах между ругательствами.

— Проездом, — ответил Саня. — В Саратов едем.

— А там что?

— Да вот Олега везем. Кино снимаем.

— Кино? — Дальше снова мат. — Вам че, делать больше не хрен? — И еще немного мата.

— А ты чем занимаешься? — полюбопытствовал Новиков.

— Монтажник, — и еще совсем немного мата.

— На стройке работаешь?

— Кабло прокладываем, кондеи устанавливаем — всего понемногу.

— И много зарабатываешь?

Мат то ли из-за очередного плохого участка дороги, то ли в ответ о зарботке.

Переспрашивать никто не стал.

— А кино — ну так прикольно. У нас теперь полгорода решило кино снимать после нас, — заговорил Новиков уже на ровном асфальте. — Да, Саня?

— Да, — подтвердил я. — Кино у нас теперь полгорода снимает. Но они просто так, а мы Канны должны выиграть.

— Канны? — переспросил Айрат.

— Каннский фестиваль, — уточнил Марк.

Мат, еще мат и еще.

— Вы дикие, — закончил фразу монтажник Айрат.

Потом мы поговорили о политике, о том, как много «покемонов», долбанутых и просто дебилов на этом свете, неумелых водил, которые понакупают права, а ездить и соображать не умеют, потом из-за них еще уверенные и нормальные водители, как Айрат, попадают в аварии. Он сам три раза становился участником ДТП из-за этих криворуких. А уж девушки за рулем — это вообще швах, поэтому он свою никогда за руль не посадит и вообще на километр на подпустит к любимой машине.

— Куда вам? — спросил Айрат на въезде в Казань.

— А улица Ленина далеко?

— В центре, наверное, как и везде, — предположил Марк.

— Не, в центре нет. На окраине где-то. Че вам, на Ленина, что ли?

— Да нет. На хрена нам на Ленина, если мы все вместе. Тем более не в центре. Где-нибудь в центре тормозни, если несложно, — попросил я.

— Несложно. А че в центре?

— Погулять хотим.

— А-а-а. Ну да, у нас есть погулять. В Кремль сходите.

— Обязательно.

Как и обещал, он тормознул недалеко от центра. Мы вылезли из машины, а Саня долго жал руку Айрату и что-то втирал по-тихому. Айрат что-то ответил, Новиков что-то записал в телефон, еще раз пожал ему руку и подошел к нам.

— Телефончик, что ли, взял? — пошутил Марк.

— Почти. — Загадочно ответил Саня.

— Ну давай колись, — не унимался Марк.

— Короче, он сказал, можно у него переночевать, и дал адрес, только сказал водки взять и пораньше прийти, ему в шесть утра за руль садиться.

— Да ладно?

— Ну, серьезно. Водки и огурцы. Ночевать-то надо где-то, опять же никто не подумал.

— Кроме тебя.

— Это, я водку не буду, — осторожно предупредил нас Олег.

— Да никто не будет, — загоготал Новиков.

Если Ижевск показался прекрасным городом, то Казань была просто шикарна. К юбилею, понятное дело, ее вообще разукрасили так, что можно только завидовать. Да еще и вечером в свете фонарей она казалась какой-то волшебной.

— Обалдеть красиво! — увидев Кремль, сказал Новиков и, очарованный, застыл на месте.

— А ты в Ижевске хотел остаться, — подколот его я.

— Ну, да, да, тупанул, — согласился товарищ.

— Были б все города такие, — не унимался Саня, — а что у нас, Москва, Питер, вот Казань еще.

Поехали мы на метро. Сначала, конечно, Кремль облазили, а потом уж спустились в подземку. Не буду описывать Кремль, это ж не путеводитель для путешественников, захотите, сами съездите, оно того точно стоит. А метро, «конечно, не московское, даже не питерское». Мы выходили на каждой станции, снимали, фотографались и ехали дальше. Новиков постоянно кричал: «Мы в Казани». Кто-то улыбался, глядя на Саню, но большинство презрительно закатывали глаза. Мы с Марком просто угорали, но что самое удивительное, так это то, что даже Олег повеселел и иногда негромко повторял вслед за Новиковым:

— Мы, это, в Казани.

Потом мы вылезли на какой-то станции.

— Здесь так красиво, что о конце света не хочется даже думать, не то что верить и ждать, — сделал очередной вывод Новиков.

— А тут никто и не верит, — усмехнулся Марк. — Здесь вообще странная атмосфера. Даже на совок всем плевать.

— Почему это? — спросил я.

— Ну, как! Везде улица Ленина в центре. Это ж вождь и все такое. А у них на окраине.

— Ага, а еще с Ленина всегда рядом Советская, — поделился своим наблюдением Новиков.

— Но здесь классно. Я бы даже сюда переехал, — сказал Марк.

— Я бы тоже, — поддержал его Саня.

Да и я бы тоже.

А Олег разглядывал свои ботинки.

— Ну что, за водкой? Нам еще к Айрату добираться.

— Как ты его так уломал?

— Да просто попросил. Нормальный мужик просто. Сказал, одна комната, но все уместится.

Мы взяли две по ноль пять, огурчиков, сок для Олега и пельмени.

— Водка и пельмени — вообще классика, — радовался Новиков.

— Да ладно? — удивился Марк. — Я два раза в жизни всего так ел.

— А мы постоянно с батей под водочку пельмени едим. Только свои, конечно.

— А я думал, вы только картошку едите.

— Не смешно, Саня.

— А че, у Айрата девушка его не будет против?

— Ну, нет, наверно.

Девушки у Айрата не было. Он стоял перед нами в семейках, зевал и почесывал живот.

— Я думал, уже не придете. — Немного мата.

— Пришли. — Улыбнулся Новиков.

— Водку взяли?

— Ага, и пельмени, — ответил я и протянул Айрату пакет.

Хата у него оказалась похуже моей. Сортир с ванной совмещенные, газовая колонка, кухня маленькая, еще и засрано не хило, и сигаретами пахло, но зато бесплатно и не на улице.

Саня принялся варить пельмени, Марк открывал огурчики, Олег ушел в туалетованную, а я решил посмотреть отснятый материал. Я же как никак был режиссером, правда, за последние два дня все меньше и меньше хотелось думать про это и просто наслаждаться нашими, может, и не самыми крутыми в мире, но вполне ничего себе приключениями. Новиков, трасса, снова Новиков, теперь Новиков пляшет, водители, Олег, мы с Марком. Как-то надо еще будет это все монтировать.

— Саня, — раздался голос товарища из кухни.

— Саня, твою мать! — Тут же подхватил эстафету Айрат.

— Все готово. Идем. — Это уже Никулов.

— Это, идем.

— Да иду, — рявкнул я, ставя батареи и телефон на зарядку.

Пельмени дымились, как люки на морозе. Их перцовый аромат (а Саня любит все перчить), щекотал ноздри и усиливал слюноотделение. Есть и так хотелось, а тут такая красота. А с водочкой и подавно.

— За знакомство! — на правах хозяина произнес тост Айрат.

Мы быстро чокнулись, выпили, закусили огурчиками, и стало так хорошо, так приятно и тепло, что можно было забыть обо всем на свете. О Тане, о Валентине, ютубе, фильме, полочке и этом чертовом апокалипсисе. Лишь бы вот так пить

водку на кухне в Казани с монтажником Айратом, есть эти божественные пельмени, а Новиков их каким-то чудесным образом сварил, так, что по-другому и не назвать, ржать, как кони, и чтобы это все никогда не кончалось.

Но сначала кончились пельмени, затем огурцы и, наконец, водка и сок Олега. Айрат раздобыл, стал материться не так агрессивно, признал, что идея с кино не такая уж и плохая, и, обняв Марка, сказал, что уважает нас. Мы хотя бы что-то интересное делаем, а он уже пять лет прокладывает этот кабель по потолкам, стенам и крышам, и никаких перспектив, и уже просто блевать хочется от этой рутины и однообразия.

Саня кинулся снимать его откровенный монолог, показывал большой палец руки и сказал, что если запикать в нужных местах, то это будет один из самых сильных моментов фильма.

— А ничего, что я режиссер?

Но Новиков не ответил.

Айрат выделил нам матрас и спальник, мы разложились возле его дивана и тут же повалились спать.

— Желательно без храпа, — сказал Марк. — Я вот не храплю.

И первым дал храпуна, вслед за ним в дуэт включился Саня, ну а громче всех храпел Олег. Вот это для меня оказалось удивительным. Он еще даже как-то подрывал и раскидывал руки, как сеятель. Ох, Таня, ну и принц же к тебе едет.

Спалось, кстати, неплохо. Не помню, что снилось, но проснулись мы бодрыми и в хорошем настроении. Саня даже подобие зарядки сделал и побежал жарить яичницу, Айрат почистил лук и тут же съел его, даже не поморщившись. А мы с Марком тупо валялись и обсуждали монтаж.

После завтрака Айрат отвез нас до трассы, матернулся на прощание и сказал, что если что, можем заезжать, главное — водку не самую дешевую брать. Хороший парень, побольше б таких. Да и вообще Казань оставила самые приятные о себе впечатления. Чуть-чуть пафоса убавить, и вообще красота была бы.

До Ульяновска мы снова ехали с Новиковым.

— Ну что, повторим? Ну, вчетвером поедem?

— Мечтатель.

— А что такого? Я же суперстопщик. — И начал танцевать, как Майкл Джексон. Сделал лунную походку, показал еще парочку фирменных движений, остановился и посмотрел на меня недовольно:

— Ты не снимал, что ли?

— Нет, а надо было? Ну давай еще раз. Сниму.

— Неохота уже.

Обиделся. Обидчивый какой.

Минут через двадцать перед нами остановилась старенькая «Волга». Старенький водитель предупредил, что едет только двадцать километров до Набережных Морквашей.

— Ну, и нормально, — одобрил Саня, — все ближе до Ульяновска.

Дед молчал всю дорогу, а ехали мы около получаса. Несколько раз Новиков пытался завести разговор, но он что-то бурчал в ответ и еще крепче цеплялся за руль.

— Рахмат, — сказал Саня на прощание.

Дед хмуро посмотрел на него и молча уехал.

— Суровый бабай, — сделал заключение товарищ. — Он бы нашел общий язык с Олегом. Кстати, как они?

И позвонил Марку.

— Ага, я. А вы как? Едете? Крутые. А мы уже не едем. Стоим возле Набережных Морквашей. Вы давно проехали? Ну, везет вам, че. На чем едете? На «опеле»?

Нормально. Ладно, там увидимся, на Ленина. Ага. На «опеле» едут, — сказал он уже мне.

— Да я слышал.

— Я бы тоже от «опеля» не отказался.

— Да ты бы ни от чего не отказался.

— Не, «запорожец» нам на хрен не нужен.

А ехал как раз «запорожец».

— Что, и стопить не будем?

— Нет, конечно.

И не стал поднимать руку. А зря, потому что за следующие полтора часа проехала всего одна «газелька», которой до нас, замерзших и уставших, не было никакого дела.

— Ну и чего ты не танцуешь? — спросил я у товарища.

— Это потому что ты не снимал. Заснял бы, все было по-другому. Пацаны уже, наверное, к Ульяновску подъезжают, а мы тут торчим.

— А может, надо было попробовать остановить «запорожец»?

— Застопить.

— Ну, застопить.

— Нет. На «эпее» мы позориться не станем. Пацаны на «опеле», а мы...

И тут как появится дальнобой. Очень странно, но дальнобой практически не останавливались, хотя попадались нам, и немало. Этот остановился. Усатый такой водитель в тельняшке улыбнулся, поправил усы и сказал: «Запрыгивайте».

— Что хлопаешь так? Не дома, чай, — отругал водитель Саню, по привычке с силой закрывшего дверцу.

— Простите.

— Угу. Вы эти, как их? Автостопщики, что ли?

— Да.

— А я всегда автостопщиков беру. Че мне, не давит, и все веселее, да и хорошие дела надо делать. Сегодня я вам помог, завтра вы мне. А, верно говорю?

— Это точно, — поддакнул товарищ. — Усы у вас классные.

— Ха-ха, спасибо.

— У меня вот не растут. Точнее, растут, но как-то жидко, у вас вон какие густые.

— Ряженкой мажь, чтоб густые росли.

— Правда?

— Нет, шучу. Конечно, правда. Я сам в молодости мазал, тоже жидкие росли.

— Спасибо, попробую, — сказал довольный Саня и повторил мне: — Понял, ряженкой надо.

Как будто я не слышал или страдал от того, что у меня не растут усы, как у Боярского.

Потом водитель рассказал про лихую молодость, что носил хаера, орал под гитару «Битлов», правда, это все было до армии, там ему мозги вправили.

— Вы-то где служили? — спросил он, прищутив глаз.

— Мы, так сказать, нигде, — прокашлявшись, ответил товарищ.

— Косили, что ли?

— Я — да, — честно признался я.

— А у меня плоскостопие и сколиоз.

— Не та молодежь пошла, — вздохнул водитель. — Одни косят, вторые больные. В наше время за человека не считали, если ты не служил, долг Родине не отдал.

— Тогда другое время было, — резонно заметил Саня.

— И армия, — добавил я.

— Время всегда одинаковое. Что тогда, что сейчас. Я уже двадцать пять лет ба-
ранку кручу, президенты менялись, строй менялся, даже название поменялось, был
СССР, стала Россия, а дороги ни хрена не меняются, и люди не меняются, как бы-
ли дерьмо, так и остались.

— Прямо как дедушка мой, щас говорите, — сказал Саня.

— А, — отмахнулся от него водитель. — Что там говорить? Такую страну про...ли.
А теперь и служить некому. Америка нас в два счета накроет.

— Не накроет, — возразил Новиков.

И зря он это сделал, потому что все оставшееся до Ульяновска время мы слу-
шали лекцию о том, какие мы все ничтожества, и что нам доверять ничего нельзя,
и что в древней Спарте таких, как мы, сбрасывали со скалы, а теперь не только не
скидывают, так еще и такую великую страну нам оставили, а потом и спрашивать
не с кого будет, потому что с таких убогих можно взять-то вообще. Короче говоря,
весь этот постсоветский бред. У нас с Новиковым чуть уши в трубочку не сверну-
лись. А потом я подлил масла в огонь очередным вопросом:

— Скажите, а вы верите в апокалипсис?

— Конечно, верю. Конечно. А как не верить? Он же сейчас и идет.

— Сейчас? Уже? — удивился товарищ.

— Конечно, уже. А как еще это все назвать, если не апокалипсис? Нам же скоро
кирдык.

— 21 декабря 2012 года? — уточнил я.

— Да какого 21 декабря? В любой момент америкосы жахнут по нам, и кирдык.
А тут еще и Северная Корея вооружаться начала, и Китай.

— Очень оптимистично.

— А мне не с чего оптимистом быть. Я реалист. Это вы живете, ни хрена не думае-
те, а на нашем веку столько войн было, что вам и не снилось.

— Мне иногда снится война. Ну, такая, по типу Второй мировой. И я там партиза-
ню и валю всех, — стал рассказывать Новиков, но осекся.

— Валит он всех, — пробурчал водитель, — с плоскостопием и сколиозом.

— Ну, это ж сон. Во сне-то можно.

— Во сне-то можно, — передразнил его водитель. — Отправить бы вас на учения
для начала, я бы посмотрел, сколько ты там в штаны навалишь.

И впервые за долгое время он засмеялся над собственной «доброй и непошлой»
шуткой.

У Сани заорал мобильный.

— О, Марк. Алло. На месте уже? Ну вы молодцы. А мы едем еще. Сколько еще? —
спросил он водителя.

— Километров сорок.

— Короче, нам еще час где-то. Так что погуляйте пока, повеселитесь. — И убрал
телефон. — Пацаны наши. Мы вчетвером едем. Разбились, чтоб удобнее было, —
разъяснил он водителю, хотя тому было явно по барабану.

— Не, разбиваться у нас не очень хорошая примета. — И опять давай надры-
вать кишки и усы подкручивать.

— Мы по парам. — Надулся Саня.

— Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой пивовары.

Умеют же люди раздражать. Хорошо хоть до Ульяновска оставалось недолго.
Потом он снова переключился на дороги, на молодежь, правительство и футбол.

Саня даже периодически поддакивал, а я потерял интерес к его тираде еще
на правительстве. Если бы все были такими, то апокалипсис — это реально спасе-
ние, а не наказание.

— До Ленина сами доберетесь, мне дальше ехать, — сказал он на прощание.

— Спасибо, доберемся, конечно.

— Сомневаюсь. — И укатил.

— Чтоб у тебя усы посидели, — крикнул я ему вслед, — и выпали.

— Жесткий ты, — улыбнулся товарищ. — Ну что, где тут улица Ленина?

В Ульяновске улица Ленина в центре, как и должно быть по идее.

Мы стояли напротив кирпичного двухэтажного домика, а парни махали нам с противоположной стороны дороги.

— Добрались наконец-то?

— Как видите.

— Ну, вот хоть раз нормальное здание попало.

— Ага.

— Как вам Ульяновск? — спросил Саня.

— Да норм. Особо не смотрели. На набережную сказали сходить.

— Да тут теперь везде набережные. Волга же.

— Ну да, а больше смотреть нечего.

— Не Казань. Короче, — сделал заключение Новиков.

И мы пошли искать набережную. Хотя что там ее искать? Волгу почти отовсюду видно. Только мы, разумеется, пошли не туда. Надо было вниз, а мы поперлись наверх, надо было сворачивать налево, а мы повернули направо и оказались на улице Карла Маркса.

— Улица Карла Маркса. Тут все такое совковое. И улицы убитые, — недовольно сказал Саня.

— А как ты хотел? Это ж родина Ленина.

— Да ладно? Серьезно?

— Конечно, — ответил я. — Ты думаешь, почему Ульяновск?

— Короче, Ленин был Ульянов на самом деле. Это-то хоть знаешь?

— Это-то хоть знаю, — обиделся товарищ. — Только забыл.

И мы как давай ржать на всю Карла Маркса. Даже Олег подхихикивал.

— Че вы? — возмущался Саня. — Можно подумать, ты помнишь, что Ульянов-Ленин, и Ульяновск в честь него назвали, — стал выговаривать он Марку.

— Вообще-то знаю и помню.

— Это, поест неплохо бы.

Кафешка оказалась ничего такая, уютненькая, хоть и маленькая, и в подвале. Народа немного, середина дня все-таки, и цены невысокие. Мы взяли по пиву, Олегу чай, ну и пожрать: мясо с рисом и салаты. Саня подмигнул рыженькой официантке, но она что-то была не в духе. Наверняка ее достали этими подмигиваниями и пошлыми шутками и намеками. Но девушка и правда была симпатичная, фигуристая, розовощекая — кровь с молоком, как говорили раньше.

Пока готовился наш заказ, Новиков поднялся со стула и стал разглядывать стены и картины.

— Опа, а Гашек-то писатель, — очень скоро сделал открытие он.

— А ты и тут не знал, — подколот его Марк.

— Не-а, а ты прям знал?

— Знал.

Пришла официанточка, принесла пиво и салаты.

— Ну, за нас, — сказал Новиков и выдул чуть ли не всю кружку сразу.

Неплохое пиво, хотя и разбодяженное. Салаты тоже вполне, а вот мясо и рис не очень суховаты. Олег, правда, съел все и не поморщился даже. Мясо так вообще уплел за милую душу. Марк ковырялся зубочисткой во рту, а вот Саня не оставлял попыток завести разговор с официанткой, только она была неприступна.

— Девушка, а вы читали Гашека?

Девушка покачала головой.

— А разве можно работать в заведении «У Гашека» и не читать, — посмотрел на стену, — Ярослава Гашека.

Девушка пожала плечами.

— А вы любите кино?

— Люблю, — неожиданно ответила она.

— Ульяна, — похвалился на улице Новиков и помахал чеком.

— Это, тыща шестьсот, — прочитал Олег.

— Да не тыща шестьсот, а номер, номер. Восемь девятьсот семнадцать. Ясно вам?

— Ясно. И что тебе им делать-то?

— Как что? На обратном пути заеду, созвонимся. Сказал, что в кино ее снимаю.

— Не в нашем хоть?

— Да просто на камеру, она и знать не будет.

— Ну, молодчик, че, — похвалил Марк. — Ульяна из Ульяновска, прикольно.

После еды гулять было лениво, но мы все-таки дошли до набережной.

— Не, что-то не очень. Волга, да, крутая. Но в Ижевске набережная покруче будет.

— В Ижевске зато нет Ульяны, — сострил Никулов.

На этом наше знакомство с Ульяновском закончилось. Новиков вздыхал, вспоминая рыжую Ульяну, Олег вздыхал, вспоминая Таню, Марк вздыхал за компанию и вспоминал Ольгу, а я вспоминал полочку, потому что Валентину мне вспоминать не хотелось. Вот не хотелось, и все, только все равно вспомнил. Начал думать, как там ее орнитофобия, носит ли еще каску, как ее эфиры и все в таком духе. Вот что за город? Хотя он, может быть, был и ни при чем.

Теперь на очереди была Сызрань. До нее ехать было совсем немного — почти сто пятьдесят километров, но ехать их надо было с Олегом, а это значило, что поселье мне было обеспечено на все сто процентов.

Парни утопали вперед, а мы стояли, смотрели друг на друга и молчали. Олег достал шарф, а я не отводил от него глаз. Это очень напрягало Олега, но сам не знаю почему, я пялился на него и не мог повернуть голову. Машины проезжали мимо нас, а я смотрел и смотрел. Смотрел и смотрел. Что такого было в этом шуплом, весьма странном, я бы даже сказал, ненормальном пареньке, что я вдруг решил, что его непременно нужно снимать в фильме, который ни много ни мало мечта моей жизни, да еще и что нужно свести его с этой загадочной Таней, которой, возможно, и в помине нет. А если это так, то будет очень печально, просто крайне печально. Мы как-никак уже тысячу километров проехали или около того, Саня с работы уволился, но главное, что кино обломится, а ведь сюжет и правда трогательный наклеивается, не «Достучаться до небес», конечно, но все равно неплохой. А тут такой облом, и у меня все внутри сжалось.

— Олег, а ты точно любишь Таню?

Он резко поднял голову, посмотрел на меня, снова опустил и ответил:

— Точно.

— А она точно существует? Или только у тебя в голове?

— Это, точно. Адрес-то есть.

Адрес, я и забыл. ФСБ, в отличие от Олега, не стала бы делиться адресом несуществующего человека.

— А что?

— Да нет, все нормально. Красивый шарф.

— Это, да.

— Тане обязательно понравится.

— Понравится, — повторил Олег.

— «Нива» едет.

Олег поднял руку и затормозил «ниву». За рулем сидел плотный, суровый мужик лет шестидесяти с густыми ржаными бровями и хриплым голосом.

— Здравсьте, — вежливо улыбнулся я.

— Угу, — прохрипел он в ответ.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Угу.

От второго угу по спине пробежал мороз, хотя она и так уже успела замерзнуть. Только отступить было некуда.

— Спасибо. Только мы без денег.

— Угу.

Как будто он сразу решил, что повезет нас в лес, а не по трассе. А вот Олег был вполне расслаблен, если так можно о нем выразиться.

Мы залезли внутрь, мне пришлось сесть на переднее сиденье. Все-таки из Олега даже Цекало в программе «ПрожекторПерисХилтон» не вышел бы, так что отдуваться нужно было мне. Раз денег не платим, то хотя бы разговором развлечь должны.

Но он не очень-то хотел слушать мой треп о Казани, и что в Ульяновске мы встретили девушку, и она оказалась Ульяной, и что удивительно, что страна у нас одна, а города выглядят так по-разному, что возникают сомнения, одна ли у нас страна, что я не думал о том, что у нас так много добрых людей, способных вот так остановиться и подобрать незнакомцев, Айрат даже ночевать у себя разрешил, и что название Сызрань очень интересное, похожее на что-то мокрое, сыкатное и утреннее, и что в нее надо ехать с утра, а мы вот едем ближе к вечеру.

— Угу, — повторял каждый раз водитель с густыми бровями, а потом и вовсе вздохнул и включил Высоцкого.

И мы слушали про «Порвали парус», «Бег на месте», «Скалолазку», «Рай в шалаше» и что-то еще. И стало как-то неожиданно уютно и легко на душе и немного неудобно перед водителем за нехорошие мысли о нем. Вот так бы ехать и ехать на этой «ниве» под песни Высоцкого и никогда не останавливаться, никогда-никогда. Вот такой апокалипсис меня вполне бы устроил. Не думал даже, что у Высоцкого так много по-настоящему хороших песен.

В Сызрань мы приехали первыми. Улица Советская была в центре, недалеко от вокзала, а вот Ленина, как нам объяснил местный старичок, на другом берегу.

— Поселок Засызранский.

— Какой?

— Засызранский. Ну, чего ухмыляйся?

А я реально стал ржать. Ну и название. Засызранский. Похлеще Урюпинска. Даже Олег слегка улыбнулся.

— Речка Сызранка, а он за ней. Вот и Засызранский.

— Понятно, — ответил я и все равно не мог успокоиться.

— На маршрутку сядете, до Охотной доедете, а там недалеко, быстро найдете.

Быстро найдете. Вот угораздило нас выбрать эту чертову улицу Ленина. Только в Ульяновске нашли без проблем и здание нормальное. А тут поселки, пустыри, дома буквой «Г». Вот что нам в этом поселке делать?

Пока добрались, уже начало темнеть. Еще и блуждали по этому поселку. Строят у нас, конечно, вообще непонятно как. Такое ощущение, что по геометрии у всех, как у меня, стабильная тройка была.

— Это, вот Ленина.

— Да вижу, вижу.

Одиннадцать, тринадцать. А дальше ничего. На углу Застенный переулок, 32/19. А Ленина нет. Проходим дальше еще один угловой, а следующий Ленина, 23.

— Как так?

— Это, не знаю.

— А где дома? Пятнадцатый, семнадцатый?

Олег развел руками. Нет, дома-то есть, но туда дальше, вглубь, и у всех Застенный переулок.

— Может, дробы все-таки к Ленина относятся?

— Это, может.

— Так-то логично даже получается. Там девятнадцать, тут двадцать один, а тут уже просто двадцать три, типа не на углу же. Только Ленина почему не написано?

— Не знаю.

— Руки оторвать таким строителям и архитекторам.

И тут появились веселые сызранские парни. Ну, такие широкоплечие, суровые, с неполным набором зубов. Встали в сторонке, поглядывают. Потом еще один подошел, их стало пять.

Я сразу почувствовал неладное. Чертова улица Ленина. Один бы я еще мог дать деру. Хотя не особо-то побегаешь в незнакомом районе, а с Олегом даже и попробовать не стоило. И в подтверждение моих слов самый низкий и широкий из них негромко сказал:

— Вы че здесь третесь?

— Это, мы? — спросил Олег.

— Не мы же.

— Дебил какой-то, — усмехнулся товарищ низкого в коричневой дубленке.

Олег пропустил его слова мимо ушей и пояснил:

— Ленина, двадцать один ищем. У нас тут, это, встреча.

— Ага, с нами, — и заржали.

— Это, не с вами.

— Вы откуда такие долбанутые?

— Не местные мы.

Вот кто, кто просил тебя отвечать? То молчал, как пень, а то прорвало. Не пожар же теперь орать? Или все-таки орать?

И опять диафрагму напрягают. Затем подошли к нам спокойно, окружили, молча сняли рюкзаки, и тот, что самый говорливый, типа бугор их, начал изучать содержимое. Прекрасный город Сызрань. Лучший на свете.

— Это, — начал было возмущаться Олег, но парни жестом показали тихо, и он умолк.

— Хрень, хрень, хрень. — Стал разбрасывать мои вещи низкий и дошел до камеры. — А вот это уже поинтереснее.

— Камеру не отдам. — Я уже не мог молчать. — Мобилу берите, а камеру не отдам.

— И мобилу отдашь, куда без этого? — ухмыльнулся, блеснув золотым зубом, низкий. — И все, что скажем.

— Ну-ка погодь, Тихий, — остановил его сутулый парень в кепке. — Не ты, случаем, пацан из «зомби-домино»? — обратился он уже ко мне.

— Случаем, я.

— А я смотрю, рожа знакомая. Реально ты, что ли?

— Да, реально я.

— Знакомый твой? — спросил еще один сызранский хлопец.

— Да не с ютуба. Видос лям просмотров набрал. Не зыпали, что ли?

— Ваще никак.

Я стал изображать пантомиму нашей драки с зомби-летчиком. Парень в кепке убедился, что это я, и заулыбался:

- Точняк ты. А к нам как?
- Да мы проездом. В Саратов едем.
- О, у меня тетка в Саратове.
- У всех прям тетка в Саратове.
- Так че делать-то будем?

Повисла пауза. Олег оглядывал всех по очереди, я улыбался, как ненормальный, сызранские хлопцы пожимали плечами.

- А че, там у вас реально все было, без подставы? — спросил меня парень в кепке.
- В смысле?
- Ну, в ролике этом вашем? Типа реальная съемка или готовились, репетировали?
- А нет, не репетировали. Все реально. Так и было.
- Прикольно.
- Так че делать будем? — не унимался Тихий.
- Ладно, Толян, пацаны издаleка приехали. Вы издаleка?
- Ага, — подтвердил я.
- Нехорошо как-то, негостеприимно. Пусть гуляют, с кем вы там встретиться хотели?

— С ними. — Показал рукой Олег на парней, стоящих в сторонке и с испугом наблюдавших за нами.

— Ладно. Хрен с вами, — сказал Тихий. — Гуляйте. Только осторожно, смотрите. Район у нас беспокойный.

- Мы уже поняли. Спасибо, — ответил я, забирая рюкзаки.

И они скрылись так же быстро и незаметно, как появились. Парни же неторопливо подошли к нам.

- Все нормально, товарищ режиссер? — спросил Марк.
- А ты как думаешь?
- Ну вроде да.
- А мы уж в ментовку звонить хотели, — признался Саня.

При слове ментовка Олег напрягся еще больше и вновь стал тихим, как телефон Влада Сташевского, и вытащил из рюкзака шарф.

- Хвала ютубу, все обошлось.
- В смысле?
- Впервые я реально рад, что кто-то посмотрел этот долбанный ролик.
- Не понял. — Почесал репу Новиков.
- Да че тут понимать? Один из быков видел ролик, расчувствовался, что увидел меня живьем, и уболтал остальных не трогать, а так плакала бы наша камера, мобильник, да и мы бы с Олегом, чувствую, тоже недалеко ушли бы.

- Реально, что ли?
- Нет, прикалываюсь.
- Пойдемте отсюда скорее, — сказал Марк. — А то мало ли здесь еще таких веселых парней ходит.

Спорить никто не стал, и в темпе вальса мы ломанулись к остановке. Еще раз повторю, что Сызрань — отличный город, просто прекрасный. Там очень вкусную рыбу продают.

- И че вы так долго тащились? — Наехал я на парней уже в маршрутке.
- Да что-то плохо стопилось.
- Главное, что все живы-здоровы. Да ведь, Олег? — Подключил к беседе Олега находчивый товарищ.

— То, что нас не убивает, делает нас сильнее, — вставил свои пять копеек Марк.

— Ладно, все, проехали. А то и правда, нехорошо как-то ссориться, нам еще до Саратова добраться надо, а уже темно и как-то очень не хочется ночевать на трассе.

— Так, может, здесь где заночуем? — предложил Новиков.

— Не знаю, как ты, а я еще кино доснять хочу. Если здоровья много, можешь здесь остаться, завтра к нам подъедешь. Или подвезут тебя.

— Не психуй, Саня. Тебе не идет. Сегодня так сегодня. Уже тоже охота скорее до этого Саратова доехать.

— Да, — печально согласился Марк. — И жрать охота.

— Да, — вздохнул Олег. — Охота.

Мы взяли по беляшу в придорожном кафе и вышли на трассу. В городе-то еще ничего, а тут фонарей, разумеется, не было.

— Бесполезняк, — вздохнул Марк.

— Я обратно не пойду.

— Ну, будем мерзнуть и подохнем.

— Не подохнем. Сам сказал, что это только сильнее нас сделает.

И тут раз — и дальнбой. И еще и остановился. И водитель веселый оказался.

— До Саратова? Легко, — произнес он так, как пишется.

Затем он пересказал, наверное, все выпуски уральских пельменей, после чего перешел на анекдоты и байки. Честно признаться, я мало что запомнил, так как сперва не особо вслушивался, а потом и вовсе уснул, как младенец. То ли из-за стресса, то ли просто меня сморило в тепле, не знаю, но за нас двоих отдувался Марк. Хотя что там отдуваться? Просто надо было ржать после каждой бородатой шутки.

В Саратове было морозно, особенно это чувствовалось после теплой кабины с печкой.

Я позвонил Сане.

— А мы уже в Саратове.

— Молодцы, а нас с Олегом полощет.

— Беляши?

— Угу.

— А мы вроде нормально.

— Везет вам. А мой сразу горчил. Короче, мы на заправке. Водила укатил, Олег с унитазом обнимается, но ничего, скоро и мы приедем.

— Ага. Ждем у тети.

Тетка у Марка была дикая. Невысокая, костлявая, как Баба Яга, с длинным носом и громким и резким голосом. Еще и не могла на месте сидеть.

— Здрасьте, — улыбнулся я.

— Забор покрасьте, — ответила она.

— Теть Марин, не смешно уже.

— Нет слова здрастьте. Есть хорошее русское слово здравствуйте, то есть живите в здравии долго и счастливо, — назидательно разъяснила она.

— Здравствуйте! — исправился я.

— Здравствуйте, молодой человек.

— Его зовут Саша, — представил меня Марк.

— Очень приятно, Александр. Марина Анатольевна.

— И мне.

— Что и мне?

— Тоже очень приятно.

— Так и говорите.

— Простите. Мне тоже очень приятно.

- Что за молодежь пошла.
- Извините, — попросил за всю молодежь прощения я.
- Марк, ты говорил, вас будет четверо.
- Да, тетя Марин. Они едут еще, скоро будут.
- Что это значит, скоро будут?
- Ну, то и значит, что скоро подъедут.
- Без десяти минут десять на часах.
- Ты же все равно раньше часа не ложишься.
- Есть правила этикета. Это неприлично заявляться в гости после восьми вечера.
- Ну это без предупреждения. Про нас ты же знала.
- Я взрослая одинокая женщина.

Неудивительно, что одинокая, с такими замашками.

- Ну все, соседи увидят, сплетничать начнут.

— И начнут. Начнут. Ты не знаешь эту Марью Васильевну. У нее язык без костей, распространяет слухи, что у меня подпольная организация, готовим заговор против губернатора и самогон паленый распространяем.

— Она просто тебе завидует, тетя Марин. Ты активная, к тебе вон сколько народа ходит, а она тупо на лавочке сидит.

- Что за вон, что за тупо?

— Ну, много.

— Без ну.

— Много. А сидит она правда тупо. Умно бы сидела, книжки читала, а не пургу несла про тебя.

— Может, ты и прав, Марк. Вы устали с дороги, давайте пить чай с облепиховым вареньем.

Терпеть не могу облепиху. Марк тоже скривился и жестами показал, что это просто «вешалка». Ну, тетка его то есть.

- Руки помыли?

— Ну, тетя Марин.

— Я кому сказала. С дороги. Инфекцию мне в дом занести хотите?

— Инфекцию мне занести хотите? — передразнил Марк уже в ванной.

— Я все прекрасно слышу.

— Я все прекрасно слышу, — передразнил он уже шепотом.

— И это тоже.

— И это тоже, — еще тише повторил он.

Тетка молчала.

Облепиху я трогать не стал, а мед был очень вкусный. Я его, только когда заболелю, ем, и то не всегда, а тут с удовольствием съел всю миску. Тетя Марина ничего не сказала, но явно была не в восторге от такого поступка.

— А те, твои товарищи тоже такие голодные?

— Вряд ли они что-то будут есть, — ответил я вместо Марка.

— Это почему же?

— У них с желудком не все хорошо.

— Этого мне еще не хватало. — Всплеснула руками добрая тетюшка.

— Тетя Марин, не будь занудой.

— Знаешь что, Марк, в чужой монастырь, как говорится.

— Да, у тебя еще тот монастырь, — пошутил Марк. — Господу помолимся.

— Ой, ну тебя, — смягчилась тетюшка. — Все у тебя шуточки. Ну-с, Александр, а вы чем занимаетесь?

— Я свободный художник. В прямом и переносном смысле.

- Не поняла. Разъясните.
- На дому работаю, я графический дизайнер. Оформление сайтов, шрифты, логотипы и прочее разрабатываю.
- И за это платят?
- Платят. Иногда совсем неплохо.
- А что же ты, Марк, не пошел в дизайнеры? Ты же хорошо рисуешь.
- Да где хорошо? Ничего особенного. И потом, мне не очень нравится это мазюкание. Вот фоткать — это да — или видео снимать.
- И что ты получаешь за свое видео?
- Пока ничего, но мы Канны выиграем. Да, Сань?
- Да, обязательно выиграем.
- Мечтатели. А я вот в университете преподаю.
- Русский язык.
- И литературу.
- И литературу, — повторил Марк.
- А вы верите в предсказания майя? — спросил я.
- О конце света?
- Да.
- Глупости это все. Раздули из ничего. Ученые давно уже доказали, что это было заблуждение. Так что не стоит тратить попусту нервы.
- Ух ты, — удивился я, — а я ничего такого не слышал. Откуда у вас такая информация?
- Из газет.
- Вы читаете газеты?
- Конечно.
- И верите тому, что в них пишут?
- Я вам так скажу. Я больше доверяю инженерам из НАСА, чем древним и непонятно на чем основанным глупым предсказаниям. И вам советую. Наука дает точные ответы.
- Но многие предсказания сбываются. У Нострадамуса, например, — возразил я.
- Так, хватит лялкать, — нахмурилась она. — Где твои товарищи, Марк?
- Шас позвоню.
- Шас. Нет такого слова. Сейчас.
- Ну, сейчас. Алло, и че, где вы?
- Че, хоть бы перед товарищем не стыдился. Как из колхоза, честное слово.
- Ага, понял, понял. Ждем. Ну, все. Едут. В такси. Через десять минут будут.
- Вот и прекрасно, надо чайник на огонь поставить. А что это вы так апокалипсисом заинтересовались?
- А мы про это фильм снимаем, — разъяснил Марк. — «То, что нас ждет».
- И что нас ждет?
- Вот это мы и пытаемся понять. Только что-то никто не верит в конец света.
- А с чего им верить? Люди нынче дикие, все хотят что-то урвать, склочничают, сплетничают, воруют, будто один раз живут. Вы, что ли, верите в апокалипсис?
- Я верю. У меня день рождения 21 декабря.
- В один день со Сталиным, — заметила тетюшка.
- Кстати, в этом что-то есть, что конец света назначили на день рождения Сталина.
- Бросьте эти глупости. Никто ничего не назначал. Я уже сказала, что ученые все опровергли. Если нам и следует чего-то ждать, то только того, что однажды погаснет Солнце, но это будет еще не скоро, как минимум, через несколько миллионов лет. А Сталин тут и вовсе ни при чем.

— Да, сейчас просто модно винить его во всех бедах. Всеобщее прозрение.

И тут запела спасительная трель звонка.

— Тридцать пять минут одиннадцатого, — сказала тетушка, глядя на настенные часы. — Марья Васильевна вся изведется ждать до завтра.

— Здрасьте, — растянул рот в улыбке, как Чеширский Кот, Новиков.

— Забор покрасьте.

— Теть Марин.

— Тетя Марина. Нет слова здрастье, молодой человек, вы уж если опаздываете, так хоть говорите правильно и, прежде всего, извинитесь.

— Это, извините.

— Извините, — сказал Саня и недоуменно посмотрел на меня.

Я развел руками. Что поделаться? Зато мед вкусный и есть где ночевать.

— Мойте руки и на кухню. Позже будем знакомиться. Только тщательно мойте, мне зараза тут ни к чему. — И пошла, шлепая тапками.

— Вот так, — прошептал я товарищу.

— Я все слышу.

Может, и не слышит, просто преподавательская уловка. Наверняка студенты без конца болтают на лекциях, обсуждают ее и все такое, а тут врывается такое «я все слышу», и как-то уже неудобно шептаться.

Чаепитие прошло по тому же сценарию. Марина Анатольевна расспрашивала, чем занимаются парни. Удивилась, когда узнала, что Олег кондуктор, сказала, что он похож на ее студента, но еще сильнее удивилась, когда узнала, что Саня уволился с работы и отправился с нами.

— Очень необдуманно, Александр. Очень. В наше тяжелое время надо всеми силами держаться за работу. Мало того, что необходимо покупать продукты и одежду, нельзя забывать о духовном росте, труд облагораживает человека.

— Да какое там развитие? — пожаловался Новиков. — Стоишь и ходишь, стоишь и ходишь. Еще и премию не дают.

А потом он тоже съел весь мед, и это очень огорчило тетушку Марка.

— И это не очень хорошо с желудком, что было бы, если бы с желудком было все хорошо?

— Спасибо большое. Мед очень вкусный.

Хорошо хоть не отрыгнул, а то ведь мог бы.

— На здоровье.

— Это, спасибо.

— А теперь стелиться.

И без того небольшая комната была поделена перегородкой. В тетушкиной половине стояли стол, кровать и тумбочка с телевизором, на стене висели портреты Пушкина, Есенина и постер Алена Делона. В нашей только стул и шкаф, из которого Марина Анатольевна достала постельное белье и два матраса.

— Сами застелете?

— Ну, конечно, тетя Марин, — ответил Марк.

— Спокойной ночи.

— И вам тоже. Спасибо за гостеприимство. — Включил режим любезности Новиков.

— Не стоит благодарности. — И ушла за перегородку.

Мы быстренько расстелились и повалились на матрасы. Тетка включила телевизор, убавила громкость, но все равно было слышно.

Нам было не до сна. И совсем не из-за телевизора. Это была особенная ночь, решающая. Может, самая важная в нашей жизни. Гадание, будет или не будет этот чертов апокалипсис, отошло на второй план. Будет свидание Олега и Тани, а значит,

будет и фильм, и получается, что все это я затеял не зря. Внутри меня все бурлило и кипело от нетерпения, сердце колотилось в бешеном темпе, дыхание перехватывало, и казалось, что мозг вот-вот взорвется и разлетится на части. Мне хотелось сорваться и бежать, бежать, бежать. Прямо сейчас, в эту самую секунду, нестись во всю прыть на улицу Чапаева, найти эту загадочную Таню, схватить ее и столкнуть с Олегом лоб в лоб, глаза в глаза. И пусть только попробует отказать, глядя ему в глаза. Да я как дам ей леща. Таня. Только попробуй ему отказать.

И я взглянул на Олега. И мне показалось, что он испытывает то же самое. Он вертелся, брыкался, шептал что-то нескладное, затем застыл на месте и снова ворочался.

Что чувствовали Саня и Марк, я не знаю, но мне казалось, что они тоже ощущают всю значимость этой ночи и тоже наверняка волнуются.

И только я так подумал, как Саня захрапел, как бензопила, запрокинул руки и треснул меня прямо по лбу. Переживает он, как же.

Вскоре и Марк подключился, превратив сольную партию Новикова в синхронный дуэт. Ладно, хоть этот не распускал руки. А мы с Олегом продолжали ворочаться. Еще минут через десять нас уже развлекало трио, причем Марина Анатольевна мощно и проникновенно солировала. Если бы апокалипсис решил всех развести и наступил прямо сейчас, мы бы тупо его не услышали.

Утром солнце светило мне ровно в глаза, хотя мы не были на Кавказе.

— Проснись и пой. — Улыбнулся мне Новиков, сидящий в наушниках возле ноутбука Марка

— С вами фиг уснешь, — пожаловался я.

— Кто бы говорил. Храпел так, что концерт металлики по сравнению с тобой выглядит как детский ансамбль ручеек.

— Да иди ты. Я никогда так не храпел.

— Ну вот, научился.

— А где Марк, где Олег?

— Марк в магаз ушел с Мариной Анатольевной, Олег в ванне, прихорашивается.

А я материал скидываю. Хочешь посмотреть?

— Что?

— Марк, в отличие от некоторых, записал мою лунную походку.

И давай мне показывать и смеяться.

Олег вышел из ванны другим человеком. Реально без всяких шуток. Это был совсем другой Олег. И дело не в том, что он надел брюки и рубашку. У него изменилось выражение лица. Уверенный взгляд, решительные резкие движения, твердый размашистый шаг. У меня чуть челюсть не отвисла. Преображение века, премия Муз-ТВ и «Оскар» на блюдечке. Такому Олегу Таня не должна отказать. Таким уверенным он даже в тире не был.

— Так, это, хорошо выгляжу?

— Ваще отпад, — похвалил Саня. — Прямо как этот, Ален Делон.

— Согласен. — Добавил я.

— Угу. Это, быстрее давайте.

— Так а че быстрее? Мы ж вечером все равно пойдем.

— Вечером, — подтвердил я.

— Я, это, пройтись хочу.

— С мыслями собраться? — подсказал Саня.

— Угу, с мыслями. — Резко схватился за карман Олег, как будто кольнуло в ногу или что-то едва не выпало из него.

— Так погуляй, че.

— Ну да, — согласился он. — Только, это, ключа нет.

— Ключа нет, — повторил Новиков. — Ну, терпи, как они вернутся.

Олег сел на стул и застыл, как статуя. Жутковато было смотреть на него, особенно на контрасте с довольным Новиковым.

— Олег, а ты не хочешь посмотреть? — спросил Саня, протягивая ему ухо наушника.

— Это, нет. Не хочу.

— Так ладно, я в ванну, — сказал я и ушел.

А как вышел, Олега уже не было в квартире. Марина Анатольевна разбирала сумки и убирала продукты в холодильник.

— Можно и поздороваться, — раздался ее явно не самый приятный на свете голос.

— Доброе утро, — отозвался я и зашел в комнату.

Саня теперь уже с Марком отсматривал материал, оба периодически хихикали и подталкивали друг друга плечами. Спелись, негодяи.

— Ничего, что он один ушел? — спросил Саня.

— Как-то он прям изменился, — удивился Марк.

И у меня снова как начало колотиться сердце. И внутри все замерло, и вдруг как накроем потоком энергии. Просто нереально.

— Что с тобой, товарищ режиссер?

— Не знаю, кажется, я счастлив, — не сразу ответил я.

— А с чего? — спросил Саня.

— Ну, вот мы здесь. Черт возьми, мы добрались до Саратова, до Саратова, сечете вы?

— Сечем, — ответил Новиков.

— Мы проехали больше тысячи километров. Автостопом. А это не так-то просто.

— Да уж, — подтвердил Марк. — То менты, то психи, то быки, кого только не было.

— Но мы доехали. Бросили все и приехали. И теперь осталось совсем немного.

— Ну как немного? Еще ж монтаж, — не согласился Саня.

— Я не про это. А про то, что вот сейчас мы пойдем к Тане, и произойдет что-то такое, что-то такое... — не мог подобрать нужное слово я, — что-то великое, невероятное.

Затем мы позавтракали овсянкой — тетушка Марка за здоровые завтраки, проводили Марину Анатольевну до остановки, а сами отправились гулять.

По пути встретили Олега, он ходил вокруг клумбы в каком-то парке, что-то повторял про себя и даже не сразу нас узнал.

— Олег.

— А, что?

— Это мы. — Помахал у него перед лицом Саня.

— Это, вижу.

— Идешь с нами гулять?

— Пошли, — не сразу ответил он, не прекращая внутренний монолог.

И мы пошли. Марк был нашим гидом. Ну, как гидом, он сам особо ничего не знал. Но хоть был здесь, в отличие от нас.

— Да тут и смотреть-то нечего. Так по центру прошвырнемся, ну и тоже на набережную заскочим. Волга ж. Мост покажу вам.

— Какой?

— Крутой. До Энгельса. Он, типа, самый длинный в мире.

— Прям в мире? — не поверил Новиков.

— Ну, может, не в мире. Может, в Европе.

— А, ну в Европе не так круто.

— Или, может, только в России. Ну, все равно мощно.

Олег молчал. Долго молчал, пока не увидел в одном из магазинов корзину с искусственными цветами.

— Это, нравится, — сказал он, остановившись напротив витрины.

— Что нравится? — не понял Новиков.

— Цветы.

— Они ж ненастоящие, — удивился Марк. — В смысле не живые.

— Это, нравится, — повторил Олег.

— Дарят-то живые. Надо, чтобы они пахли, завяли потом, чтобы выбросить. Показываешь тем самым, что денег тебе не жалко ради нее на фигню всякую тратить, — разъяснил я.

— А мне эти нравятся.

— Можно еще в горшке дарить. Эти долго растут, и выбрасывать не надо, — со знанием дела стал рассказывать Саня.

— Мне нравятся эти. — И твердым шагом направился в магазин.

Мы молча переглянулись, Саня вытянул от удивления рот.

— Это точно наш Олег? — усомнился Марк.

— Вот я теперь тоже не уверен, — поддержал его Новиков.

— И все-таки искусственные дарят только покойникам.

— Не только, — возразил Саня. — Но в основном да. Ничего хорошего.

Олегу было плевать, он вышел с этой корзинкой и самодовольно улынулся. Шарф и корзина с искусственными цветами — не лучший набор для мачо, но этот уверенный взгляд... Черт возьми, откуда он только взялся?

Саратов и правда во многом уступает Казани. Собственно, до поездки я практически ничего о нем не знал и не слышал, разве что из школьной программы. Кто там говорил? «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Кажется, Фамусов. Главное, что это точно «Горе от ума». Короче говоря, не зря в школе учился.

А центр, ну да, симпатичный, тем более в сравнении с нашим Мухоморским, но в целом же ничего особенного. На уровне Ульяновска или чуть-чуть лучше.

Мы прошвырнулись по центру, съели по шаурме. У одного из ларьков стоял высокий толстощекий парень с огромным пузом и так аппетитно ел эту самую шаурму, что мы просто не могли не остановиться и не попробовать. Пока заказывали, он доел, продавец вручил ему вторую, и он, причмокивая, принялся за нее.

— Лучшая шаурма в городе. Берите только здесь, — сказал он, уговорив второй брикетик лаваша с начинкой всего за минуту. И ушел, мурлыча от удовольствия.

Шаурма действительно оказалась очень вкусной, сочной, объемной, сытной. Думаю, даже мама ничего не имела бы против. И соус обалденный. Олег снова накинулся на еду, как бездомный пес набрасывается на мосол, найденный на помойке. Не хватало только рыка. Пацаны не обращали внимания, а я даже слегка трухнул. Кто бы знал, что там у него в голове происходит? Не просканируешь же. Откуда-то и уверенность взялась, может, он еще что-то прячет. А мне бы как раз уверенность не помешала. То есть такая уверенность, как у остальных, что не будет этого конца света, что можно и дальше жить, причем совсем не так, как раньше, попробовать что-то замутить с Валентиной, снимать кино, делать что-то стоящее, оставить свой след в истории человечества. Не то чтобы я так за жизнь держался, просто сам факт, сам факт того, что больше не доведется никуда ехать с этими балбесами, шутить, встречать разных интересных и не очень людей, пробовать шаурму или что-то другое, смотреть хорошее кино, чувствовать себя молодым и беззаботным, сам факт не мог не расстраивать. Это, как минимум, несправедливо. Зачем тогда это все, чтобы вот так стремительно и беспросветно закончиться? То есть понятно, что все мы умрем так или иначе, но вполне нормально, когда ты знаешь и понимаешь, что смерть неизбежна, и делаешь это один, мир-то остается, а вот так, чтобы все и сразу — это ужасно несправедливо. Черт, а ведь у нас даже такую шаурму не делают. А где-то

есть еще вкуснее. А где-то можно с ума сойти от красоты природы или могущества и фантазии человека, но мы этого даже не увидим. И тут меня вдруг так проперло, я понял и суть начальных кадров «Меланхолии», и почему люди так держатся за любовь и любят поржать. Поржать — это прикольно, это отвлекает нас от мыслей о смерти, а любовь так и вовсе не дает ни о чем думать, кроме любимого человека, и, может быть, Олег самый нормальный из нас всех. Он поехал к любимой девушке за тысячу километров да еще согласился, чтобы мы это засняли, а ведь она может послать его на хрен и по-своему окажется права. Никто никому ничего не обязан. Особенно в любви. Но он поехал, поехал, потому что любит. Потому что как не поехать, если скоро нам всем каюк. И у меня защемило в груди. Если падение рубля можно как-то пережить, и мы не раз уже переживали, то падение метеорита уже не исправить. И это хорошо, если метеорит и мгновенный конец, а если все будет медленно? Все, к черту такие мысли. Сейчас у меня в руках вкуснейшая шаурма, вернее, то, что от нее осталось, мы гуляем по Саратову, снимаем крутое кино, и мы счастливы, по-настоящему счастливы.

— Еще, что ли, заказать? — задумался Новиков.

— Хочешь быть, как тот парень?

— Не, не хочу, ну на фиг, не буду заказывать. Наелся.

И мы прошвырнулись дальше по центру. Что ни говори, а Волга хороша. Невозможно хороша. Просто смотришь и радуешься. И гордость испытываешь, что у нас такая великая река есть. И мост хорош. Потому что тоже величие Родины и Волги подчеркивает. Стальной гигант и все такое. Так и патриотом недолго стать.

— Поперли обратно. У тетки лекции должны закончиться.

— Саня, сними меня, — попросил жизнерадостный Новиков. — А это я на фоне крутого моста. Он, это, самый длинный в России или даже в Европе. Здесь Саратов, там Энгельс. Вон видите, махина какая. Вон видишь, даже Олегу нравится.

От смеха Олег даже корзину выронил. Проходящие мимо старушки в малиновых беретах посмотрели на нас с недоумением и на всякий случай прибавили ход.

— И вам хорошего дня. — Помахал им товарищ.

Старушки оглянулись и затопали еще быстрее. Спать будут хорошо.

Тетя Марина была в хорошем настроении:

— Про Есенина сегодня рассказывала. Шаганэ ты моя, Шаганэ, — пропела она.

Олег стоял возле зеркала, поправлял прическу.

— Олег, что ты делаешь? — выпытывал у него Новиков с камерой в руках.

— Расчесываюсь.

— На свидание пойдешь?

— Да.

— Волнуешься?

— Это, нет.

— Совсем, что ли, не волнуешься?

— Нет. — И долго и пристально посмотрел в камеру.

— А что ты ей скажешь? — не унимался Саня.

— Я тебя... — и замолчал.

— Люблю? — подсказал Новиков.

— Люблю, — не сразу повторил Олег.

— А что еще?

Олег молчал.

— Что она самая красивая на свете?

— И что она самая красивая.

— И что ты влюбился сразу, как только увидел ее?

Олег молчал.

— Да че ты прикопался к человеку? — вступился за Олега Марк. — Не видишь, что ли, волнуется.

— Это, не волнуюсь.

— Видишь, не волнуется он. А мы репетируем. И кино снимаем. Мы же кино снимаем? Да, Саня?

— Да, — сказал я. — Саня, ты реально достал.

— Ну, и пожалуйста. — Обиделся товарищ и больше с нами не разговаривал. Впрочем, мы и сами только слушали тетку Марка, видимо решившую познакомиться нас со всем творчеством Есенина:

— Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым...

В шесть мы вышли из дома. Сытые, наряженные, довольные. До улицы Чапаева ехать двадцать пять минут, но мы же не девушки, решили быть в семь, значит, придем заранее, а не с полуторачасовым опозданием. Да и Олегу уже не сиделось на месте. Он выглядел немного нелепо с этими искусственными цветами и странноватой улыбочкой. Марина Анатольевна также пыталась его разубедить, заламывала руки и твердила, что нужны живые цветы и исключительно розы, но Олег был непреклонен.

— Это, нет, и все.

С каждым метром, с каждым шагом у меня все больше перехватывало дыхание. Как будто все уже свершилось, фильм снят, его отобрали и, более того, он неожиданно для многих, но, разумеется, не для нас стал фаворитом всего фестиваля. И вот наступил самый волнительный и торжественный момент — момент объявления результатов. Еще секунда, и все узнают, кто же, кто же, черт возьми, получит долгожданную награду. Я отчетливо видел себя в новом, безупречно отглаженном смокинге, чувствовал смешение легкого перегара с дорогим парфюмом, царящие в зале, видел Ларса фон Триера, Кустурицу, любимого Квентина Тарантино, без конца что-то шепчущего на ухо Родригесу и размахивающего руками похлеще бойцов без правил или байдарочников, видел Саню, сидящего рядом и немного прифигевшего от всего происходящего, милую и улыбчивую Киру Найтли, Тима Рота, произносящего со сцены «То, что нас ждет», и загремевшие вслед за его словами аплодисменты. Я видел то, как Новиков подталкивает меня к выходу, а я не сразу соображаю, что нужно встать и подняться на сцену, видел, как мы слегка неуклюже и робко идем с товарищем по залу, а Тарантино смотрит завистливо на меня, продолжая что-то рассказывать Родригесу, и тот кивает в ответ, видел, как у самого входа на сцену меня останавливает Рой Андерсен, обнимает, искренне поздравляет и долго трясет руку, видел, как Тим Рот вручает мне главный приз, а Саня пританцовывает и делает лунную походку под хохот и овации всего зала. А потом я что-то говорю, говорю на ломаном английском и не могу успокоиться. Я видел, как чертовски уместно и красиво смотрится «Пальмовая ветвь» на моей полочке и даже баты фотографируется со мной в обнимку на ее фоне. И все это было так четко и ярко, но только там, у меня в голове. У меня в голове... А на деле все было немного не так. Немного — это мягко сказано.

Мы зашли в подъезд. Дверь оказалась не заперта.

— Хороший знак, — прокомментировал Марк.

— Угу, — отозвался Олег и вошел внутрь.

Мы зашли вслед за ним, а дальше все было как в тумане. Олег нажал на дверной звонок, на пороге появилась Таня в бежевых шортиках и белой майке с надписью «Россия». Маленькая, плюгавая, угловатая, с веснушками на все лицо — настоящая замухрышка.

— Ты? — вскрикнула она, увидев Олега.

— Убью, мразь! — взревел он еще громче, швырнул в нее корзину и вытащил из куртки пистолет.

— Антон! — заголосила громче сирены Таня и попыталась захлопнуть дверь, но Олег молниеносно среагировал, подставил ногу, оттолкнул дверь обратно и схватил девушку. Нас с Новиковым словно парализовало от шока, мы не могли сдвинуться с места и молча наблюдали за происходящим. Ничего себе признанище! Марк сжался, как пружина, но отважно продолжал съемки. Тем временем появился Антон, которого звала Таня. С криком «Ты че, debil?» он накинудся на Олега, но прогремел выстрел, за ним новый крик Тани и громкий стон Антона: «А-а-а».

— Стоять! — заорал Олег. — Убью! И тебя убью, и ее убью!

Если раньше от его взгляда можно было наложить в штаны, то теперь, как минимум, поседеть. А у него еще, так, на секунду, был в руках пистолет, с которым он управлялся покруче персонажей вестернов.

Не знаю, откуда появились храбрость и силы, но мы с товарищем стремительно бросились на выручку девушке. Антон стонал где-то там в прихожей, Таня отчаянно верещала и выбивалась, по ее ногам стекали тонкие струйки ужаса, соседи тряслись от страха в своих квартирках, а мы с Новиковым пытались скрутить Олега. Пытались, да. Только не вышло, он раскидал нас по углам, как младенцев, и занес пистолет над головой девушки.

— Прощай, Таня!

— Не-е-ет, — закричал Марк, как кричат в голливудских фильмах, и с разбегу засадил Олегу между ног.

Тот сразу осел, как свая, и выронил ствол. Марк тут же схватил пистолет и скормил нам:

— Вяжите его, пацаны.

Мы с Саней набросились на Олега и скрутили его. Он отчаянно вырывался и мычал. Марк снова треснул его по шарам:

— Успокойся!

Олег взвыл, как волк. Чикатило с искусственными цветами. Теперь понятно, зачем они ему были нужны.

— Урод, псих, debil! — Таня пнула Олега вслед за Марком. Потом еще раз и еще.

— Есть чем связать? — Остановил ее Марк.

Но девушка не хотела останавливаться, она продолжала пинать Олега в живот, в лицо, по почкам, иногда даже попадала по нам с Новиковым.

— Я сама тебя убью!

— Да тише ты. Все позади уже. Потом убьешь. С Антоном твоим что?

— Антоша! — вспомнила она, приходя в себя. — Точно, как ты, заяц? Ты живой?

Антон простонал в ответ.

Мы еле сдерживали Олега. Чтобы нам помочь, Марк уселся на него, а мы придавливали к полу руки и ноги.

— Ну и как он? — крикнул Тане Никулов.

— Он ранен. Нужно «скорую». — И давай рыдать.

— Так вызови. И принеси что-нибудь связать этого придурка, — заорал Новиков.

— Сами вы придурки. Это, я убью вас, всех убью! — не хотел успокаиваться наш маньячило.

А Марк продолжал съемку. Вот это человек! Настоящий герой. Капитан Америка и все такое. Как он выкрикнул, как выбежал, как засадил по шарам Олегу, не растерялся. Не, способ, может, и женский, но ведь действенный. Сработало же. Если бы не он, мы сейчас могли вообще не разговаривать.

Таня наконец вынесла пояс от халата и пылесос.

— Больше ничего нет, — извинилась она и только сейчас поняла, что стоит перед нами в мокрых шортах, и неловко прикрыла их рукой. — Я вызвала «скорую» и полицию.

— Молодец, — похвалил Марк. — Давно бы так. Да заткнись ты, — сказал он уже Олегу и треснул со всей силы ему по морде. Олег отрубился.

Антон же встал на ноги и вышел к нам. Это был неказистый, с угрями на все лицо парень лет тридцати. Он держал у плеча майку. Та стремительно краснела.

— А вы кто такие вообще? — спросил парень, глядя на лежавший рядом с Марком ствол.

— Мы — киношники, — сказал Саня и засмеялся нервным смехом. — «Сан Саныч пикчерз».

— Ни хрена себе кино, — ответил Антон.

И мы все засмеялись нервным смехом. Все, кроме Олега. Он уже больше не смеялся. Только плакал.

Вскоре приехала «скорая», вскоре приехала полиция, только пожарные не приехали. Соседи же так и не выглянули. Правильно, а зачем?

Мы давали показания. Десятки показаний, и все по одному кругу. И о том, что про оружие мы не знали, и про то, что Олег до двадцати лет состоял на учете в психдиспансере тоже, и вообще мы вовсе не друзья, а просто искренне хотели ему помочь и снять кино, хорошее кино. Эти полицейские тоже сказали, что у нас хрень, а не кино, но много ли они понимают в фильмах? А вот Марка похвалили за мужество и находчивость и за запись, что предельно упрощает расследование, можно даже сказать, что оно и не требуется.

Олег же, оказывается, еще со школы доставал Таню, ухаживал и все такое. Но она все равно его побрила, и тогда он чуть не изнасиловал ее и поклялся, что Таня обязательно будет с ним или вообще ни с кем. Вот как все было на самом деле. А про троллейбус и подкарауливание у подъезда он просто нам наплел.

Таня рассказала нам, что у нее нет ни отца, ни братьев, защитить ее было никому, поэтому они просто собрали вещи с матерью и уехали в Саратов. Это был самый простой вариант. С полицией, тогда еще милицией, никому связываться не хотелось. Антон — ее жених, про Олега она, разумеется, ничего не рассказывала и вообще практически забыла, а тут такое.... Ни за что пострадал парень. Хорошо, хоть пуля только задела плечо и шею, по самому краю зацепила, и все. Пара царапин, зато сколько воспоминаний...

Тетка Марка нас чуть не задушила, когда узнала, что мы привели в ее дом маньяка, но потом смягчилась, почитала Есенина и Бродского и сказала, что в жизни чего только не бывает. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

А про нас опять сняли сюжеты, в основном про Марка, но и фильму рекламу сделали. Даже по Первому каналу показали. И Малахов в «Пусть говорят» к себе звал, но мы не поехали. А «зомби-домино» больше пяти миллионов просмотров набрал. Но мы с зомби-летчиком подали в суд на этого чувака, выложившего видео. С какой стати он на нас деньги зарабатывает?

Бум на кино у нас в Мухоморанске быстро прошел, хотя какой-то паренек на одном из фестивалей взял приз то ли за оригинальность, то ли за режиссуру. Но удивляться не стоит, во всем мире столько этих кинофестивалей, что даже если целых полчаса в кадре кто-то будет ковыряться в зубах и ничего больше не делать, все равно найдутся идиоты, которые увидят в этом глубокий смысл и с удовольствием отметят у себя в конкурсе и дадут приз с формулировкой «за оригинальную подачу и нестандартное мышление». А уж за режиссуру дают, когда вообще отметить нечего.

Как сложилась карьера Снежаны, не знаю, но судя по тому, что она не мелькает рядом ни со Светлаковым, ни с Козловским или на худой конец с Безруковым, сложилась не очень.

А «То, что нас ждет» мы все-таки сделали. Не совсем так, как я планировал (впрочем, что у нас получается ровным счетом так, как мы планируем?), но все же сделали. И выслали в Канны. Не прошли. Даже во внеконкурсную программу не попали. Но зато наш фильм посмотрел Сельянов. Недавно звонил, предлагал работу. А мы что? Мы не гордые. Снимем. Только не очень хочется снимать по сценарию. Я же все-таки прогрессивный режиссер.

И с бате́й помирились. Оказывается, у него язва. Ну, правильно, столько желчи в себе держать и на других выплескивать. Вот учится теперь не бухать и быть добрее. Получается не очень.

Мама успокоилась. Маму я познакомил с Валентиной. Как вернулись домой, я позвонил ей, встретились. И как-то похорошела она, что ли, или я по-другому на нее взглянул, но у нас все быстро завертелось, мы тут же поцеловались, уже нормально, не как в тот раз, я взял ее за руку, а дальше... ну, вы знаете. И голуби ее уже не пугают. И не клюют. Словом, все хорошо.

У Марка появились куча поклонниц. Сделали фан-группу в соцсетях, называют. Короче, превратился в настоящего героя, только до сих пор сохнет по Оле и верит, что добьется ее. Он наконец-то сменил прикид и уже не носит толстовки, правда, все еще пытается поправлять капюшон, которого больше нет. Привычка все-таки.

Саня же на обратном пути, как и обещал, заехал в Ульяновск и встретился с Ульяной — официанткой. Теперь вот не знает, переезжать самому или перевозить ее. Пока что каждый день скайпятся и сидят Вконтакте.

А Олег не сидит. Олег лежит. Его признали невменяемым. Вот лечится теперь. Ствол он спрятал у Сани в рюкзаке (когда только успел?). Так что невменяемый, но сообразительный. Не зря я каждый раз удивлялся, как по-звериному он впивался зубами в еду. Хотя списывал все на аутизм. В блокноте у него была куча портретов Тани с подписями «убью», «ненавижу», «гори в аду», «смерть», «заклание» и еще больше рисунков трупов. Вот такое веселье.

Антон из Перми — товарищ Марка — и правда приехал к нам погостить, причем с тремя друзьями, среди которых был и Вадим со своим бульдогом. Прожили они у нас две недели. Посмотрели фильм и тоже ничего не поняли.

Серге́а бросил ставки — гиблое это дело, говорит, духовного роста нет, а нервов много и стабильности ни на грамм. Так и стришет газоны и читает умные книжки. О просветлении и карме. Тут я с ним согласен, о карме заботиться надо. Не пачкать ее, чистить. Вот и чистим.

А конца света не было. Вы уже сами знаете. Я отменил день рождения, готовился, а его не было. Ну, потому что какой может быть апокалипсис, если полка так и не получила свою «Пальмовую ветвь»? Правильно, никакого. Так что еще поживем. Еще поживем!

Всё.